

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

БИТВА СТРЕЛКА ШАРПА

РОТА СТРЕЛКА ШАРПА

Приключения Ричарда Шарпа

Бернард Корнуэлл

**Битва стрелка Шарпа.
Рота стрелка Шарпа**

«Азбука-Аттикус»

1982, 1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Битва стрелка Шарпа. Рота стрелка Шарпа / Б. Корнуэлл —
«Азбука-Аттикус», 1982, 1995 — (Приключения Ричарда Шарпа)

ISBN 978-5-389-22238-0

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из солдат, строителей империи, человеком, участвовавшим во всех войнах, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп. В романе «Битва стрелка Шарпа» Ричард Шарп получает под свое начало отряд никуда не годных пехотинцев и вместо того, чтобы поучаствовать в интригах высокого начальства, начинает «личную войну» с элитной французской бригадой, истребляющей испанских партизан. В романе «Рота стрелка Шарпа» герой, самым унижительным образом лишившийся капитанского звания, пытается попасть в «Отчаянную надежду» — отряд смертников, которому предстоит штурмовать пробитую в крепостной стене брешь. Но даже в этом Шарпу отказано, и мало того — в роту, которой он больше не командует, прибывает его смертельный враг, отъявленный мерзавец сержант Обадаия Хейксвилл. Впервые на русском еще два романа из знаменитой исторической саги!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22238-0

© Корнуэлл Б., 1982, 1995
© Азбука-Аттикус, 1982, 1995

Содержание

Битва стрелка Шарпа	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Бернард Корнуэлл

Битва стрелка Шарпа

Рота стрелка Шарпа

Bernard Cornwell

SHARPE'S BATTLE

Copyright © Bernard Cornwell, 1995

SHARPE'S COMPANY

Copyright © Bernard Cornwell, 1982

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2022

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

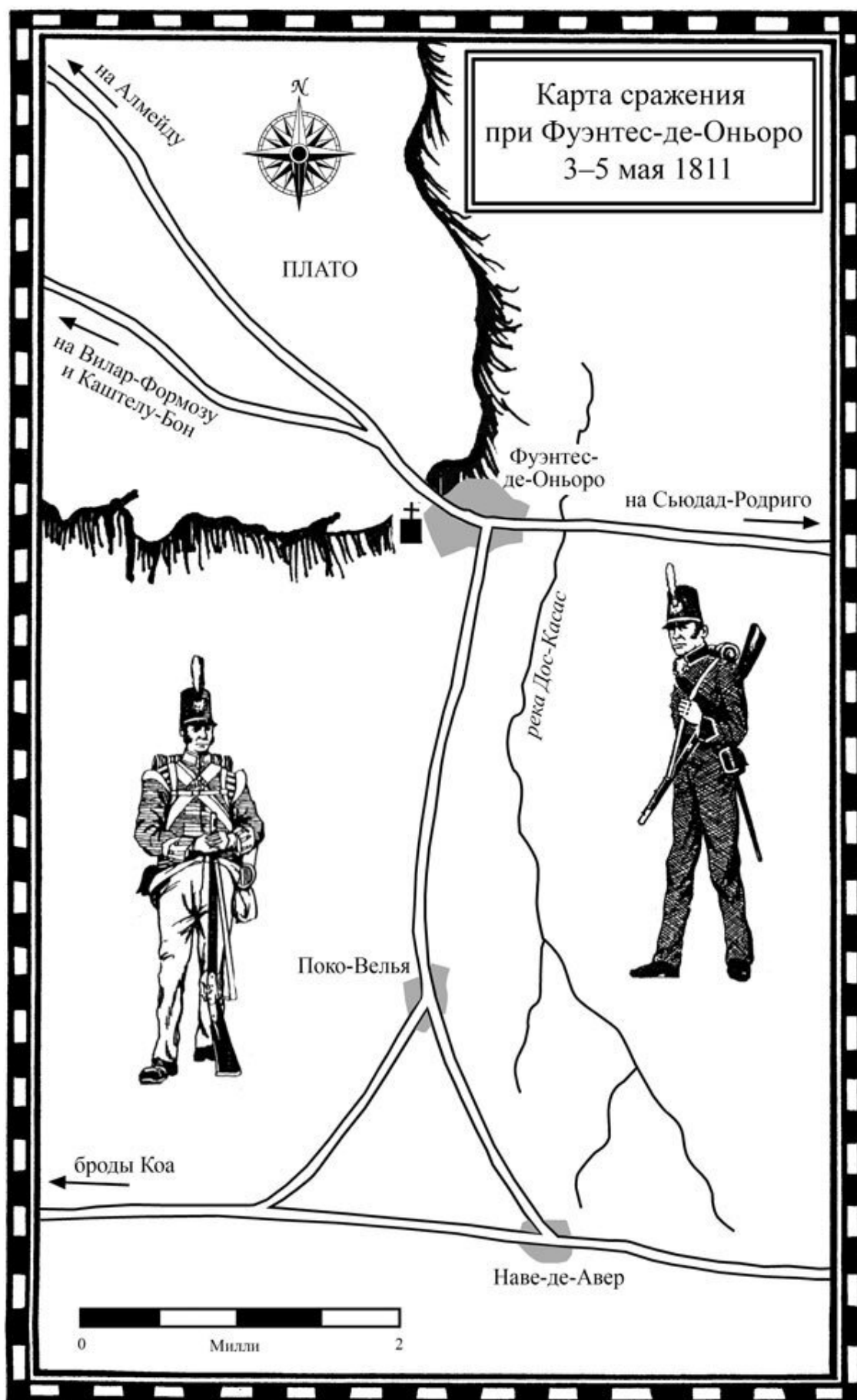
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

* * *

Битва стрелка Шарпа

Посвящается Шону Бину

Часть первая

Глава 1

Шарп выругался и раздраженно перевернул карту вверх тормашками:

– Ну и на кой черт нам эта бумажка? Толку никакого.

– Можно костер разжечь, – предложил сержант Харпер. – Хорошую растопку в этих холмах найти трудно.

– Ни на что другое она и не годится.

Нарисованная от руки карта показывала разбросанные тут и там деревеньки; тонкие, словно оставленные паучьими лапками, линии обозначали дороги, речки и ручейки, а неясная штриховка – холмы. Шарп же видел повсюду только горы. Ни дорог, ни деревень – одни лишь серые, унылые горы с каменными осыпями и кроющимися в тумане вершинами да узкие долины, выточенные потоками, полноводными, с шапками белой пены в весеннюю пору дождей. Придя на это взгорье у границы Испании и Португалии, Шарп сбился с пути. Его роту из сорока солдат с мешками, ранцами и подсумками данный факт нисколько, похоже, не беспокоил. Радясь возможности отдохнуть, они сидели или лежали на травянистой тропинке. Одни раскурили трубки, другие уснули, а капитан Ричард Шарп снова повернул карту правильной стороной вверх и затем в сердцах смял ее в комок.

– Мы заблудились, черт возьми, – проворчал он и тотчас, отдавая дань справедливости, поправил себя: – Я, черт возьми, заблудился.

– Мой дед тоже как-то заблудился, – услужливо заметил Харпер. – Купил быка в приходе Клакенили и решил, чтоб покороче, пройти через горы Дерривиг. А там туман накатил, да такой, что дед дальше своего носа не видел. Заплутал, как ягненок несмышленный. И тут бык рванул в сторону да и свалился со скалы в долину Барра. Бедная животина ревела, пока летела, а потом грохнулась с таким звуком, будто волынка с колокольни упала, только громче. Дед говорил, слышно было даже в Баллибофи. Мы потом частенько над ним потешались, но только потом, не тогда. Тогда это была трагедия. Потерять хорошего быка – такого мы себе позволить не могли.

– Да господи ты боже мой! – оборвал его Шарп. – А вот я могу позволить себе потерять чертова сержанта, который только и знает, как языком молоть про какого-то чертова быка!

– Не какого-то, а дорогушего! – возразил Харпер. – Кроме того, мы же заблудились. И делать тут больше нечего, сэр, как только ждать.

– Так мы заблудились, сэр? – Шедший в арьергарде колонны лейтенант Прайс прошел вперед, к командиру роты.

– Нет, Гарри. Это я сюда притащился. А сюда – это куда, и сам не пойму. – Шарп угрюмо оглядел сырую, открытую ветру долину. Он всегда гордился своим чувством направления и умением ориентироваться в незнакомой местности, но теперь заблудился окончательно и бесповоротно, а густые тучи затянули солнце так, что он не мог определить даже, где север. – Нужен компас.

– Или карта? – радостно предложил лейтенант Прайс.

– Да есть у нас эта треклятая карта. Вот. – Шарп сунул в руку лейтенанту комок. – Ее майор Хоган нарисовал, а для меня это китайская грамота.

– Я сам в картах не силен, – признался Прайс. – Вел однажды новобранцев из Челмсфорда в казармы, да и то заблудился, а ведь там дорога прямая. И карта была. Должно быть, талант такой есть – теряться в трех соснах.

– Вот и мой дед такой был, – с гордостью сказал Харпер. – В ворота не мог пройти, чтобы не застрять. Я тут рассказывал капитану, как дед быка потерял на горе Слайв-Снагт. Понимаете, погода выдалась мерзкая, а ему взбрело в голову срезать дорогу и...

– Заткнись! – сердито бросил Шарп.

– Думаю, мы после этой вот порушенной деревушки не туда двинулись, – сказал Прайс, пытаясь разобраться в знаках на смятом листке. – Полагаю, сэр, нам следовало остаться на том, другом берегу речки. – Лейтенант показал Шарпу место на карте. – Если это деревня. Трудно сказать. Но речку переходить точно не стоило.

Шарп и сам подозревал, что лейтенант прав, но признавать ошибку не хотел. Речку они перешли два часа назад, и где находились теперь, о том ведал лишь Господь. Шарп даже не был уверен, что они в Испании, а не в Португалии, хотя и пейзаж, и погода больше напоминали Шотландию. Предполагалось, что он выйдет к Вилар-Формозу, где его легкая рота Южного Эссекского полка будет передана в распоряжение коменданта города для несения гарнизонной службы. Перспектива эта приводила Шарпа в уныние.

Караульная служба стояла лишь на ступеньку выше службы в военной полиции, а прово-сты считались низшей формой армейской жизни, но Южный Эссекский понес потери, из-за чего был отведен с передовой и направлен для исполнения административных обязанностей. Большая часть полка сопровождала запряженные быками повозки с припасами, доставлявшими на баржах вверх по реке Тахо в Лиссабон, или конвоировала пленных французов в порт для отправки их в Британию. Но рота Шарпа заблудилась, а все потому, что он услышал дале-кую канонаду, напоминающую раскаты грома, и повернул на юг – с опозданием обнаружив, что слух сыграл с ним злую шутку. Шум боя – если то и впрямь был бой, а не настоящий гром – стих, и Шарп оказался неизвестно где.

– Уверены, что это разрушенная деревня? – спросил он.

– Клясться я бы не стал, поскольку читать карты не умею. Может, эти крестики что-то и значат, а может, и ничего.

– Тогда на кой черт вы мне их показываете?

– В надежде на озарение, сэр, – обиженно сказал Прайс. – Просто пытался помочь. Обна-дежить. – Он снова посмотрел на лист бумаги. – Может, это не очень точная карта?

– Растопка добрая выйдет, – повторил Харпер.

– Одно ясно. – Шарп забрал у лейтенанта карту. – Водораздел мы не пересекали, а значит, все эти речушки должны течь на запад. – Он помолчал. – Может, они так и делают. Если только чертов мир не перевернулся, что очень даже вероятно, но на случай, если он все же не пере-вернулся, пойдем вдоль чертовых речек. Лови! – Шарп бросил карту сержанту. – На растопку.

– Вот и мой дед так, – сказал Харпер, засовывая бумагу под линиялый и рваный зеленый мундир. – Шел за водой да и...

– Заткнись, – оборвал его Шарп, но уже не зло, как в прошлый раз, а довольно спокойно, и сделал жест левой рукой, заставив товарищей пригнуться. – Чертов лягушатник, – добавил он негромко, – или еще кто. Впервые такую форму вижу.

– Чтоб ему!.. – выругался Прайс, опускаясь на тропинку.

Дело в том, что впереди, не далее как в двухстах ярдах, появился всадник. Британских пехотинцев он не видел, да и высмотреть противника, похоже, не старался. Лишь выехав из долины, седок устало спешил и, намотав поводья на руку, расстегнул мешковатые штаны и помочился у тропинки. В сыром воздухе поплыл, покачиваясь, дым от трубки.

Щелкнула винтовка – Харпер взвел курок. Люди Шарпа, включая тех, кто успел уснуть, насторожились и замерли в траве, так что, даже если всадник повернулся в их сторону, он бы вряд ли кого-нибудь увидел.

Рота состояла из стрелков-ветеранов, обученных не хуже любых других европейских сол-дат и закаленных двумя годами боев в Португалии и Испании.

- Узнаёте форму? – негромко спросил Шарп у лейтенанта.
- Никогда прежде не видел, сэр.
- Пэт? – спросил Шарп у Харпера.
- Похож на треклятого русского, – ответил Харпер.

Ни одного русского солдата сержант в глаза не видел, но почему-то вбил себе в голову, что они носят серое, а загадочный незнакомец как раз и был весь в сером: короткий серый колет драгуна, серые штаны и серый плюмаж из конского волоса на сером стальном шлеме. Хотя, подумал Шарп, возможно, всадник просто прикрыл шлем тряпицей, чтобы металл не отражал солнечные лучи.

- Испанец? – вслух предположил Шарп.
- Доны любят наряды поцветистее, – возразил Харпер. – Помирать в таком унылом тряпье – это им не по нраву.
- Может, партизан, – продолжал размышлять Шарп.
- Оружие и штаны как у лягушатника, – указал Прайс.

И действительно, справлявший малую нужду человек был вооружен, как французский драгун: прямой кавалерийский клинок, короткоствольный карабин в седельном чехле и пара пистолетов за поясом. Одежда его состояла из шаровар-саруэлов – французские драгуны носили их охотно, но только не серые – и серого кителя, подобного которому Шарп не видел ни на одном вражеском кавалеристе. Они предпочитали зеленые, но не темно-зеленые, как у британских стрелков, а посветлее и поярче.

– Может, у этих ублюдков зеленая краска кончилась? – высказался Харпер и тут же смолк, поскольку всадник застегнул штаны и забрался в седло.

Тщательно оглядевшись и не увидев ничего подозрительного, незнакомец прищпорил коня и двинулся к невидимой стороне долины.

- Разведчик, – тихо сказал Харпер. – Выяснял, есть ли здесь кто-нибудь.
- Разведчик, да только куда не годный, – прокомментировал Шарп.
- Тем не менее, – с жаром заметил Прайс, – нам повезло, что мы идем в другом направлении.

– Нет, Гарри, не идем. Надо выяснить, кто они такие и что собираются делать. – Шарп указал на склон холма. – Вы первый, Гарри. Берите своих ребят и дуйте туда. На середине подъема останавливайтесь и ждете.

Лейтенант повел красномундирников вверх по крутому склону. Половина роты носила красные кители британской линейной пехоты, другая же половина, как и сам Шарп, была одета в зеленые кители элитных стрелковых частей. В красномундирный батальон стрелков привел каприз войны, но задержала их там исключительно бюрократическая инерция, и теперь отличить одних от других бывало нелегко, поскольку форма и у первых, и у вторых изрядно истрепалась, полиняла и выгорела. Издалека все выглядели одинаково бурыми, поскольку латали одежду дешевой и невзрачной португальской тканью.

- Думаете, мы перешли границу? – спросил Харпер.
- Может, и перешли, – хмуро ответил Шарп, все еще злясь на себя. – Хотя никто толком не знает, где она, эта чертова граница, – добавил он, словно оправдываясь.

И отчасти это было справедливо. Французы отступали из Португалии. Всю зиму 1810 года неприятель стоял перед линией оборонительных сооружений Торриш-Ведраш, на расстоянии полусуточного перехода от Лиссабона, замерзая и голодая, но не отступая к испанским базам снабжения. Маршал Массена знал, что ретирада означала бы сдачу британцам всей Португалии, тогда как штурм линий Торриш-Ведраш будет чистейшим самоубийством, а потому он просто топтался на месте, претерпевая тяготы зимы и взирая на внушительные земляные укрепления, перегородившие узкий полуостров севернее Лиссабона. Долины между холмами

блокировались массивными дамбами или баррикадами из колючего кустарника, а на изрытых траншеями вершинах и склонах стояли артиллерийские батареи.

Английские укрепленные позиции, голодная зима и непрекращающиеся нападения партизан в конце концов превозмогли стремление французов захватить Лиссабон, и в марте Массена решил отступить.

Теперь, в апреле, он остановился на испанской границе. Здесь, на изрезанных речками холмах, маршал вознамерился дать британцам бой и победить, тем более что спину ему подпирали крепости-братья Бадахос и Сьюдад-Родриго. Две испанские цитадели превратили границу в непреодолимый барьер. Впрочем, сейчас Шарп беспокоился не из-за грядущего столкновения, а из-за таинственного всадника в сером.

Как только лейтенант Прайс достиг мертвого пространства на полпути к вершине, где и укрылись его солдаты, Шарп жестом послал вперед стрелков. Холм был крутой, но зеленые кители поднимались быстро. Как все опытные пехотинцы, они испытывали естественный страх перед вражеской кавалерией и знали, что чем выше заберутся, тем надежнее обезопасят себя.

Пройдя мимо устроившихся на отдых красномундирников, Шарп продолжил подъем, направляясь к гребню хребта, разделявшего две долины. Возле вершины жестом приказал стрелкам залечь в невысокой траве, после чего пробрался на самый верх, откуда заглянул в долину, где исчез серый всадник.

И увидел футах в двухстах под собой французов.

Все они были в чудной серой форме, но Шарп сразу понял, что это французы, потому что один из них нес гидон на кавалерийской пике. Маленький раздвоенный флажок, назначение которого в том, чтобы отличать своих от чужих в хаосе боя, выглядел поблекшим и потрепанным, но красная, белая и синяя полосы выдавали неприятельский триколор.

В центре маленького поселка сидел на лошади человек со штандартом, а его спешившиеся товарищи обыскивали несколько сложенных из камня и крытых соломой хижин, вероятно служивших временным приютом для крестьян, которые жили ниже, в долине, и в летние месяцы пригоняли скот на горные луга.

Кавалеристов было немного, полдюжины, но их сопровождала группа пехотинцев, также сменивших свою синюю форму на невзрачную серую. Пехотинцев Шарп насчитал восемнадцать.

Вслед за ним на вершину заполз Харпер.

– Иисус, Мария и Иосиф, – пробормотал он, увидев французов. – Серое обмундирование?

– Может, ты и прав. Может, эти ублюдки и впрямь извели всю краску.

– Пусть бы у них лучше пули для мушкетов кончились, – сказал Харпер. – Так что будем делать?

– Уйдем. Связываться с ними, чтобы просто подраться, нет смысла.

– Да будет так. – Харпер начал сползать вниз. – Уходим сейчас?

– Подожди минутку. – Шарп пошарил за спиной, где в его французском ранце из воловьей кожи лежала подзорная труба. Затем, выдвинув защитный козырек, чтобы линза не отражала мутный свет серого дня, направил трубу вниз, на домишки. Шарп не был богачом, но владел замечательным инструментом, изготовленным лондонским мастером Мэтью Бургом: латунная окантовка линз, защитные крышки и накладка на ореховом корпусе, с выгравированной надписью: «С благодарностью от А. У. 23 сентября 1803». Буквы А. У. обозначали Артура Уэлсли, ныне виконта Веллингтона, генерал-лейтенанта и главнокомандующего британской и португальской армиями, которые теснили маршала Массена к испанской границе. Но 23 сентября 1803 года пронзенный пикой конь генерал-майора Артура Уэлсли сбросил своего всадника на землю, едва ли не под ноги наступающим врагам. Шарп отлично помнил, с каким восторгом кричали индийцы, когда среди них вдруг оказался красномундирный генерал, а вот то, что

происходило в последующие секунды, в памяти почти не запечатлелось. Тем не менее именно в те считанные мгновения судьба выхватила его, уроженца трущоб, из солдатской шеренги и произвела в офицеры британской армии.

Прижимая к глазу подарок Веллингтона, он наблюдал за спешившимся кавалеристом, который нес от речки брезентовое ведро с водой. Сначала Шарп подумал, что драгун хочет напоить свою лошадь, но тот остановился между двумя лачугами и стал поливать землю.

– Фуражиры, – догадался Шарп. – А трюк с водой старый.

– Проголодались, поганцы, – сказал Харпер.

Из Португалии французов гнали даже не столько силой оружия, сколько голодом. Отойдя к рубежу Торриш-Ведраш, Веллингтон оставил после себя разоренную местность – с пустыми амбарами и отравленными колодцами. Пять месяцев французы продержались за счет того, что подчищали покинутые населением деревушки. Они здорово наловчились отыскивать спрятанные жителями припасы. Один из способов обнаружения закопанных емкостей с зерном заключался в поливании земли водой. Там, где землю вскапывали, вода уходила быстрее.

– В горах съестное не прячут, – презрительно проговорил Харпер. – Ну кто потащит сюда зерно?

И тут внизу закричала женщина.

Поначалу Шарп и Харпер подумали, что кричит какое-то домашнее животное. Звук был приглушен и искажен расстоянием, а кроме того, гражданских лиц в поселке они не заметили. Но вопль заметался между холмами, и заключенный в нем ужас пронял обоих мужчин.

– Вот же скоты, – сказал Харпер.

Шарп сложил зрительную трубу.

– Она в одном из домишек. Сколько с ней? Двое? Может, трое? Значит, всего их там не больше тридцати.

– Нас сорок, – с сомнением добавил сержант.

Не то чтобы он боялся, но преимущество не было настолько подавляющим, чтобы гарантировать бескровную победу.

Женщина снова закричала.

– Приведи Прайса, – распорядился Шарп. – Скажи всем, чтобы приготовились и не высывались. – Он обернулся. – Дэн! Томпсон! Купер! Харрис! Сюда! – (Эти четверо были его лучшими стрелками.) – Не высываться! – повторил он, дожидаясь, когда солдаты поднимутся на гребень. – Через минуту я поведу остальных вниз. А вы прикрывайте отсюда. Валите каждого ублюдка, который покажется опасным.

– Они уже уходят, – сказал Дэниел Хэгмен, самый старший в роте солдат и лучший стрелок.

Чеширский браконьер, он в свое время воспользовался шансом и записался в армию, предпочтя ее каторге, которая грозила ему за пару фазанов, подстреленных в поместье отсутствующего лендлорда.

Шарп обернулся. Французы уходили. Точнее, уходило большинство – последние пехотинцы в колонне то и дело оборачивались и кричали что-то, обращаясь, похоже, к своим товарищам, оставшимся в лачуге, из которой и доносились женские вопли. Отряд с полудюжиной кавалеристов во главе устало тянулся вдоль речушки в направлении большой долины.

– Небрежничают, – заметил Томпсон.

Шарп кивнул. Оставлять людей в поселке – дело рискованное, а к риску в чужой стране французы не были склонны. Испания и Португалия кишели герильерос, партизанами, которые вели свою маленькую войну, зачастую куда более жестокую, чем «традиционная» война между французами и британцами. Насколько свирепа герилья, Шарп знал по собственному опыту, потому что годом раньше оказался на севере страны в поисках испанского золота и его сопровождали те самые партизаны, от чьей лютости стыла кровь в жилах. Одна из них, Тереза

Морено, стала любовницей Шарпа, правда теперь она называла себя Агухой – Иглой, – и каждый француз, которого она убивала своим длинным и тонким кинжалом, становился очередным узлом на длинной ниточке мести насильовавшим ее врагам.

Сейчас Тереза далеко, сражается где-то в окрестностях Бадахоса, а в лачуге под холмом от непрошеного внимания французов страдает другая женщина. Но почему эти солдаты в сером поступили так неосторожно, оставив своих товарищей довершать гнусное дело в покинутом поселке? Или они совершенно уверены, что поблизости нет партизан?

Харпер, приведший на вершину красномундирников Прайса, свалился на землю рядом с Шарпом.

– Боже, храни Ирландию, – прохрипел он, отдуваясь. – Эти сучьи дети уходят.

– Вроде осталось несколько человек. Ты готов?

– Конечно. – Сержант взвел курок винтовки.

– Ранцы снять, – велел стрелкам Шарп и, сбросив с плеч свой, повернулся к лейтенанту. – Ждите здесь, Гарри, пока не свистну. Два свистка – открываете огонь отсюда. Три – спускаетесь в поселок. – Он посмотрел на Хэгмена. – Не стреляй, Дэн, пока нас не увидят. Все легче будет, если спустимся незамеченными. – И, повысив голос, чтобы слышали все, добавил: – Идем быстро! Готовы? У всех заряжено? Тогда пошли! Живо!

Стрелки перевалили через вершину и устремились вниз по крутому склону вслед за командиром. Шарп взглянул влево, туда, где продвигалась вдоль речушки небольшая колонна, но никто из французов не оглянулся – топот бегущих по склону стрелков в зеленых мундирах терялся за стуком лошадиных копыт и подбитых гвоздями солдатских башмаков. До ближайшей лачуги оставались считанные ярды, когда один из пехотинцев оглянулся и что-то выкрикнул. В ту же секунду Хэгмен спустил курок бейкеровской винтовки, и выстрел отозвался эхом, отскакившим сначала от дальнего склона меньшей долины, а потом от дальнего бока долины большей. Эхо еще попрыгало, улетаая вдаль и слабея, а потом и вовсе утонуло в треске выстрелов с вершины холма.

Последние несколько футов Шарп преодолел одним прыжком. Упав при приземлении, он сразу вскочил и обежал наваленную у стены домика навозную кучу. Возле одной из лачуг стояла лошадь, привязанная к вбитому в землю стальному штырю. Дверь лачуги распахнулась, на пороге появился французский солдат – в рубашке, сером кителе и без штанов. Увидев Шарпа, он вскинул мушкет, но, заметив за его спиной других англичан, бросил оружие и поднял руки. Подбегая к двери, Шарп выхватил палаш, оттолкнул француза и ворвался в лачугу с голыми каменными стенами, деревянными балками и крышей из камней и дерна. Внутри было темно, но Шарп разглядел голую девочку, ползущую по земляному полу в угол. На ногах у нее темнела кровь. Второй француз, в спущенных ниже колен кавалерийских штанах, попытался встать и вытащить из ножен палаш, но Шарп ударил его ногой в пах. Ударил так, что насильник вскрикнул и, задохнувшись от боли, упал на залитый кровью пол, подтянул к животу колени и жалобно заскулил. На утоптанной земле лежали еще двое мужчин, но, повернувшись к ним, Шарп понял, что это местные и оба мертвы. Им перерезали горло.

В долине продолжалась нестройная стрельба. Шарп вернулся к двери, где, заложив руки за голову, сидел на корточках бесштаный французский пехотинец.

– Пэт!

– Удерживаем ублюдков, сэр, – отозвался сержант, предвидя вопрос командира.

Стрелки расположились за лачугами, откуда и вели беглый огонь. Из винтовочных дул вырывался густой, пахнущий тухлыми яйцами белый дым. Французы не оставались в долгу, и мушкетные круглые пули щелкали по каменным стенам. Шарп кинулся обратно в дом, собрал оружие французов и выбросил за дверь.

– Перкинс!

Стрелок Перкинс подбежал к двери. В роте он был младшим или по крайней мере считался таковым. Ни дня, ни даже года своего рождения Перкинс не знал, но бритвой еще не пользовался.

– Сэр?

– Если кто-нибудь из этих гадов шевельнется, прикончи.

Пускай Перкинс и выглядел юным, но выражение его худощавого лица напугало француза, и тот умоляюще протянул руку.

– Я за ними присмотрю, сэр, – пообещал стрелок, надевая на ствол штык с латунной рукоятью.

Собрав разбросанную по полу испачканную одежду, Шарп протянул ее забившейся в угол девушке. Бледная, испуганная, едва ли не ребенок, она тихо плакала.

– Сволочи! – бросил Шарп пленникам и выбежал из лачуги.

Над головой просвистела пуля, и он поспешил залечь в укрытии рядом с Харпером.

– Лягушатники-то хороши, – уныло заметил ирландец.

– Ты же вроде говорил, что вы их сдерживаете.

– Да только они с этим не согласны. – Харпер привстал, прицелился, выстрелил, снова спрятался и принялся перезаряжать. – Да, хороши.

Французы и впрямь были хороши. Шарп ожидал, что неприятель поспешит отступить и укрыться от ружейного огня, но вместо этого лягушатники развернули стрелковую цепь, и крупная одиночная цель превратилась в россыпь мелких мишеней. Между тем сопровождающие пехоту драгуны спешили, и лишь один, оставшись верхом, погнал лошадей туда, где их не могли достать вражеские пули. Объединившись, мушкеты пехотинцев и карабины драгун представляли серьезную опасность для людей Шарпа. Конечно, винтовки Бейкера стреляли точнее и убивали на расстоянии вчетверо больше, но и времени на их перезарядку требовалось немало. Каждую пулю требовалось завернуть в кожаный лоскут и забить, прогнав через канавки нарезного ствола, тогда как в гладкий ствол мушкета она падала сама. Стрелки Шарпа уже отказались от кожаных лоскутов, но выигрыш во времени обернулся потерей одного из главных преимуществ: меткости. Хэгмен и трое его товарищей продолжали вести огонь с вершины холма, однако этого было недостаточно, и стрелков внизу пока спасали только каменные стены лачуг, за которыми они укрылись.

Из кармашка на ремне Шарп достал свисток и дунул два раза, после чего снял с плеча винтовку, выступил из-за угла и, взяв на мушку клуб дыма в долине, выстрелил. Приклад сильно толкнул в плечо, и в тот же миг мушкетная пуля ударилась в стену над головой. Осколок камня скользнул по перечеркнутой шрамом щеке и рассек до крови кожу в полудюйме от глаза.

– Хороши, мерзавцы, – нехотя подтвердил Шарп оценку, данную неприятелю Харпером.

А в следующее мгновение оглушительный мушкетный залп оповестил стрелков о том, что Гарри Прайс вывел своих красномундирников на позицию, откуда они и ударили по французам.

Первый же залп Прайса решил исход боя. Шарп услышал громкий приказ на французском, и секундой позже вражеская стрелковая цепь съежилась и исчезла. Времени на второй залп Гарри Прайсу уже не хватило – противник отступил на безопасное расстояние.

– Грин! Хоррел! Макдональд! Кресакр! Смит! Сержант Латимер! – окликнул Шарп своих стрелков. – Пятьдесят шагов вниз, в долину! Передовое охранение. Но если лягушатники снова полезут, возвращайтесь сюда. Всё, пошли! Остальным ждать здесь.

– Господи, сэр! Вам надо это увидеть. – Харпер толкнул дверь ближайшего дома своим семиствольным ружьем.

Оружие это, предназначенное для ведения огня с марсов британских военных кораблей, имело семь стволов полудюймового калибра и один кремневый замок. В сущности, это была миниатюрная картечница, и только самые сильные и крепкие солдаты могли стрелять из нее,

не рискуя повредить плечо. Харпер был как раз таким силачом, но отличался трогательной сентиментальностью, и сейчас в глазах здоровяка-ирландца поблескивали слезы.

– О боже! – Сержант перекрестился. – Вот же твари!

Шарп уже почуял кровь и теперь, глянув за спину сержанту, ощутил в горле тошнотворный комок.

– Боже...

Жалкая лачуга была пропитана кровью; ею были забрызганы стены и залит пол, на котором лежали безжизненные детские тела. Шарп попытался сосчитать их, но определить, где кончается одно и начинается другое, было трудно. Детей сначала раздели, а потом им всем перерезали горло. Не избежала общей участи и собачонка, чей труп со спутанной и слипшейся шерстью бросили на детей. Мертвецы казались неестественно белыми на фоне темных разливов крови.

– Боже милосердный! – Шарп попятился и, выйдя из вонючей тени, вдохнул свежего воздуха.

Ужаса в его жизни хватило с лихвой. Рожденный шлюхой в лондонских трущобах, он прошел под бой британских барабанов от Фландрии до Мадраса, пережил индийские войны, прошагал от португальского берега до испанской границы, но никогда, даже в пыточных застенках султана Типу в Серингапатаме, не видел зарезанных детей, сваленных в кучу, словно скот на бойне.

– Сэр, здесь еще, – подал голос капрал Джексон, которого только что вывернуло наизнанку у входа в загон, где лежали окровавленные тела двух стариков.

Перед смертью бедняг подвергли отвратительным пыткам.

Шарп подумал о Терезе, сражавшейся с такими же подонками, которые пытали и потрошили своих жертв. Потом, не выдержав вторгшихся в его мысли образов, сложил ладони рупором и, повернувшись к холму, прокричал:

– Харрис! Сюда!

Стрелок Харрис был самым образованным человеком в роте. Когда-то он был учителем, даже хорошим учителем, но от скуки стал прикладываться к бутылке, и пьянство стубило его. В том смысле, что из-за него Харрис угодил в армию, где любил порой демонстрировать свою эрудицию.

– Сэр? – спросил он, спустившись с холма.

– По-французски говоришь?

– Так точно, сэр.

– В том доме двое лягушатников. Выясни, что это за часть и зачем сюда приперлась. И... Харрис!

– Да? – Рыжеволосый стрелок обернулся.

– Не церемонься с ними.

Тон, каким это было произнесено, шокировал даже Харриса, привыкшего к манерам капитана.

– Есть, сэр.

Шарп пересек крохотную площадь в центре поселка. Его люди уже осмотрели два домика на другой стороне реки, но мертвых там не обнаружили. Резня ограничилась тремя жилищами на ближнем берегу, где и стоял сержант Патрик Харпер с мрачно-страдальческим выражением на лице. Уроженца графства Ольстер, что в провинции Донегол, загнали в британскую армию голод и бедность. Настоящий великан, он был на четыре дюйма выше Шарпа, имевшего рост шесть футов. В бою Харпер внушал неприятелю ужас, хотя в обычных обстоятельствах был любезным, веселым и беззаботным. За этим добродушием таилось главное противоречие его жизни, заключавшееся в том, что он не питал никакой любви к королю, за которого сражался, и почти никакой к стране, чей флаг защищал. Однако при этом он был одним из лучших солдат

в армии короля Георга и самым верным другом. За друзей Харпер и дрался, а самым близким из них, несмотря на неравенство в служебном положении, был Шарп.

– Это же просто детишки. Кто мог такое сотворить?

– Они. – Шарп кивнул в сторону долины, где речушка вливалась в широкую, полноводную реку.

Там и остановились одетые в серое французы; слишком далеко, чтобы опасаться британских винтовок, но достаточно близко, чтобы видеть происходящее в разграбленном поселке.

– Некоторых детей тоже изнасиловали.

– Я видел, – буркнул Шарп.

– Но зачем, сэр? Какой смысл?

– Это одному Богу известно.

Им обоим было худо, но, как ни докапывайся до корней греха, этим не отомстишь за убитых детей, не спасешь поврежденный рассудок изнасилованной девочки и даже не предашь земле залитые кровью трупы. Это даже не поможет небольшому отряду, оказавшемуся, как уже понял Шарп, в опасной близости от передовых линий французов, отыскать дорогу к британским позициям.

– Задай этот вопрос чертову капеллану, если найдешь его ближе, чем в лиссабонских борделях, – сердито ответил Шарп и, повернувшись, посмотрел на дома с мертвецами. – Как, скажи на милость, их хоронить?

– Нам такое не по силам, сэр. Обрушим на них стены, вот и все. – Харпер посмотрел в долину. – Убил бы этих извергов. Как быть с теми двумя?

– Убьем, – коротко ответил Шарп и, заметив вышедшего из дома Харриса, добавил: – Но сначала получим парочку ответов.

В руке Харрис держал драгунский шлем из серого металла, с плюмажем из стянутых бечевкой длинных конских волос, тоже серых. Подойдя к Шарпу, Харрис запустил пальцы в плюмаж.

– Сэр, я выяснил, кто они. Отряд из бригады Лу – Волчьей бригады. Называется так по имени командира, бригадного генерала Ги Лу. Лу – это «волк» по-французски. Считают себя элитным подразделением. Этой зимой им было поручено держать открытой дорогу через горы, и задание они выполнили, устроив ад для местных. За каждого убитого солдата Лу убивал пятьдесят человек. Вот так они здесь и держались. Двое его людей попали в засаду и были убиты, так что вот это – цена за них. – Харрис кивнул на дома с мертвецами. – Сам Лу, сэр, где-то поблизости. Если только пленные не врут, в чем я сомневаюсь. Он оставил здесь нескольких человек, а сам отправился с эскадроном на поиски беглецов в соседнюю долину.

Шарп посмотрел на лошадь, стоявшую на привязи в центре поселка, и подумал о захваченном в плен пехотинце.

– Эта бригада... она кавалерийская или пехотная?

– Есть и пешие, и конные, – сказал Харрис. – Это особая бригада, сэр, сформированная для борьбы с партизанами. У Лу два пехотных батальона и полк драгун.

– И все носят серое?

– Как волки, сэр.

– Что делать с волками, мы знаем, – кивнул Шарп и повернулся на голос сержанта Латимера, командовавшего пикетом, который стоял между ротой Шарпа и французами.

На этот раз Латимер предупреждал не о новой атаке, а о приближении четырех французских всадников. Один нес трехцветный флажок, едва видневшийся из-под наброшенной на острие пики грязной белой рубашки.

– Хотят поговорить, – сказал Шарп.

– Я с ними поговорю, – процедил Харпер, взводя курок семиствольной винтовки.

– Нет! – остановил его Шарп. – Вернись к роте и скажи, чтобы никто не стрелял. Это приказ.

– Есть, сэр. – Харпер бросил злобный взгляд на приближавшихся французов и отошел, чтобы предупредить стрелков: держать себя в руках и убрать палец со спускового крючка.

Шарп, с винтовкой на плече и палаши на боку, направился к четверке всадников. Двое из них были офицерами, другие двое – знаменосцами, и соотношение флагов и людей выглядело почти неприличным, как будто офицеры считали себя выше прочих смертных. В трехцветном флажке ничего необычного не было – заурядный гидон, не более того, а вот второй штандарт представлял собой нечто особенное. Это был французский «орел» с раскинутыми позолоченными крыльями, восседавший на насаженном на древко постаменте. У большинства такого рода штандартов на древке висел шелковый триколор, здесь же к постаменту были прикреплены шесть волчьих хвостов. В штандарте было что-то варварское, наводившее на мысли о давно минувших днях, когда армии конных язычников вырвались из азиатских степей, чтобы разграбить и разрушить христианский мир.

И хотя при виде штандарта с волчьими хвостами в жилах у Шарпа похолодела кровь, это не шло ни в какое сравнение с эффектом, который произвел всадник, прищпоривший коня и выехавший вперед. Не серыми у него были только сапоги. Серым был мундир, серым был конь, роскошный серый плюмаж украшал шлем и даже серый ментик был оторочен серым волчьим мехом. Голенища были поверху окантованы полосками серой волчьей шкуры, серая же шкура служила чепраком. Волчьей кожей были обтянуты длинные прямые ножны и седельный чехол для карабина, и даже нахрапник уздечки представлял собой ленту из серого меха. Серой была и борода всадника, короткая и аккуратно подстриженная; но в целом лицо, безжалостное, свирепое, в шрамах, годилось для кошмаров. Всадник осадил коня, и с этого лица, обветренного, закаленного сражениями, глянули на Шарпа глаза – налитый кровью и слепой, затянутый молочной пленкой.

– Моя фамилия Лу, – сказал он. – Бригадный генерал Ги Лу армии его императорского величества. – Тон был на удивление мягок, интонации вежливы, а в английской речи слышался легкий шотландский акцент.

– Шарп. Капитан Шарп. Британская армия.

Три других француза остановились в дюжине ярдов позади генерала. Выпростав ногу из стремени, генерал легко соскочил на землю. Уступая Шарпу в росте, он все же был высок, хорошо сложен и подвижен. Шарп дал французу навскидку лет сорок, и, если он не ошибся, тот был на шесть лет старше его самого. Достав из отороченной мехом ташки две сигары, Лу предложил одну Шарпу.

– Я не принимаю подарков от убийц.

Лу рассмеялся, словно негодование британца лишь позабавило его:

– Вам же хуже, капитан. Так у вас говорят? Вам же хуже. Знаете, я был в плену в Шотландии. В Эдинбурге. Очень холодный город. Но женщины красивые. Очень красивые. Некоторые учили меня английскому, а я учил их обманывать скучных мужей-кальвинистов. Мы, отпущенные под честное слово офицеры, жили неподалеку от Свечного ряда. Знаете это место? Нет? Обязательно посетите Эдинбург. Прекрасный город, просвещенный и гостеприимный, несмотря на кальвинистов и кухню. После подписания Амьенского мира я едва не остался там. – Лу сделал паузу, ударил кремнем по стали, подул на затлевший льняной трут и прикурил сигару от его пламени. – Едва не остался, но вы сами знаете, как бывает. Она была замужем за другим, а я люблю Францию, поэтому я здесь, а она там и мечтает обо мне чаще, чем я о ней. – Генерал вздохнул. – Мне о ней погода напомнила. Мы часто лежали в постели, глядя на дождь и проплывающий за окнами туман. Холодно сегодня, а?

– Вы и оделись по погоде, генерал, – сказал Шарп. – Мехов на вас, как на шлюхе под Рождество.

Лу неприятно улыбнулся. Зубы у него были желтые, двух недоставало. С Шарпом он говорил любезно, но то была любезность кота, готового убить мышь. Затянувшись так, что зарделся кончик сигары, он пристально посмотрел на Шарпа налитым кровью глазом из-под серого козырька.

Лу видел перед собой высокого мужчину с обшарпанной винтовкой на плече и тяжелым палахом на боку. Форма рваная, в пятнах и заплатах. Черный шнур между сохранившимися серебряными пуговицами истрепался в лохмотья. Ниже – обшитые кожей французские кавалерийские рейтузы. Остатки красного офицерского пояса стягивают талию, на шее свободно повязан черный шарф. Форма выдавала человека, давно отказавшегося от атрибутов военнослужащего мирного времени в пользу солдатских практических удобств. Ко всему прочему человек еще и жесткий, решил Лу, не столько из-за шрама на щеке, сколько из-за поведения стрелка, его манеры держаться, неуклюжей и недоброй, как у того, кто предпочитает драться, а не разговаривать. Лу пожал плечами, отставив любезности, и перешел к делу:

– Я пришел за моими людьми.

– Забудьте о них, генерал, – ответил Шарп.

Он уже решил, что не станет величать француза ни «сэром», ни «месье».

Лу вскинул брови:

– Они мертвы?

– Будут.

Лу отмахнулся от назойливой мухи. Свисавшие со шлема ремни в стальной оплетке напоминали каденетты, косички, которые французские гусары отращивали на висках. Он еще раз затянулся табачным дымом и улыбнулся.

– Позвольте, капитан, напомнить вам о правилах войны.

Шарп ответил на предложение Лу словом, которое француз вряд ли часто слышал в просвещенном обществе Эдинбурга.

– Я не беру уроков от убийц, – продолжал он, – и уж тем более касательно правил войны. То, что сотворили в этой деревне ваши люди, войной назвать нельзя. Это резня.

– Разумеется, это война, – спокойно возразил Лу, – и мне не нужны ваши лекции, капитан.

– Лекции вам, может, и не нужны, но урок уж точно необходим.

Лу рассмеялся. Повернувшись, он прошел к ручью, широко зевнул, наклонился, зачерпнул воды и поднес ладони ко рту. Потом вернулся к Шарпу.

– Позвольте объяснить, капитан, в чем заключается моя задача, а вы попробуйте поставить себя на мое место. Может, тогда забудете свои скучные английские моральные догмы. Моя задача, капитан, патрулировать дороги, идущие через эти горы, и обеспечивать безопасное прохождение фургонов с боеприпасами и продовольствием, которые помогут нам разбить вас, британцев, и оттеснить к морю. Мои враги – не солдаты в форме, под знаменем и с кодексом чести, а сборища штатских, которым не нравится мое присутствие. Пусть их! Пусть негодуют и возмущаются – имеют на то право, – но если они нападут на меня, капитан, я буду защищаться. Защищаться так решительно и беспощадно, используя все доступные мне средства, что они тысячу раз подумают, прежде чем осмелятся напасть снова. Знаете, какое главное оружие у герильерос? Ужас, капитан, чистый ужас, а раз так, то я должен быть ужаснее моего врага, а мой враг в этой провинции воистину ужасен. Вы слышали об Эль Кастраторе?

– Кастратор? – догадался Шарп.

– Совершенно верно. Его называют так из-за того, как он поступает с французскими солдатами. При чем он делает свое дело, пока они живы, а затем оставляет их истекать кровью. Кастратор, к моему сожалению, еще не убит, но за последние три месяца ни один из моих людей кастрирован не был, а знаете почему? Потому что люди Кастратора боятся меня больше, чем боятся его самого. Я взял верх над ним, капитан, я обезопасил горы. Во всей Испании, капитан,

это единственное место, где французы могут передвигаться без риска, а почему? Потому что я повернул оружие герильерос против них самих. Я оскопляю их так же, как они оскопили бы меня, но пользуюсь более тупым ножом. – Генерал Лу недобро улыбнулся. – А теперь скажите, капитан, разве вы не поступали бы так же, как поступаю я, если бы оказались на моем месте? Если бы ваших людей кастрировали и ослепляли, если бы им выпускали внутренности, если бы с них, живых, сдирали кожу и оставляли их умирать?

– С детьми? – Шарп ткнул большим пальцем в сторону деревни.

В единственном зрячем глазу Лу мелькнуло удивление, как будто ему было странно слышать такое возражение от солдата.

– Разве крысу щадят лишь потому, что она мала? Паразит есть паразит, независимо от возраста.

– По-моему, вы сами сказали, что в горах сейчас безопасно, – напомнил Шарп. – А раз так, то зачем же убивать?

– Затем, что на прошлой неделе два моих солдата погибли в деревне неподалеку отсюда. Семьи убийц укрылись здесь, надеясь, что я их не найду. Но я нашел, и отныне, можете мне поверить, капитан, ни один мой человек в засаду возле Фуэнтес-де-Оньюро не попадет.

– Попадет, если встретится там со мной.

Лу с сожалением покачал головой:

– Вы слишком скоры на угрозы, капитан. Думаю, если мы сразимся, я научу вас осторожности. А пока... верните моих людей, и мы уйдем.

Шарп ненадолго задумался, потом пожал плечами и повернулся:

– Сержант Харпер!

– Сэр?

– Выведите тех двух лягушатников.

Харпер замялся, словно желал узнать, каковы намерения Шарпа, но потом все же направился к лачугам. Секундой позже он появился с двумя пленными, которые так и остались без штанов. Один вдобавок сгибался от боли.

– Он ранен? – спросил генерал.

– Получил от меня по яйцам, – ответил Шарп. – Он насиловал девочку.

Такое объяснение, похоже, удивило Лу.

– Вы так привередливы в отношении насилия, капитан Шарп?

– Чудно для мужчины, а? Да, привередлив.

– Такие офицеры есть и у нас, – сказал Лу, – но несколько месяцев в Испании избавляют от излишней чувствительности. Женщины здесь дерутся наравне с мужчинами, и если женщина рассчитывает, что юбки защитят ее, то она ошибается. Изнасилование – часть ужаса, но оно служит и другой цели. Разрешите солдату насиловать, и он забудет про голод и задержанное на год жалованье. Насилие – оружие, капитан, не хуже любого другого.

– Я буду помнить об этом, генерал, когда мы вступим во Францию. – Шарп снова повернулся к лачугам. – Стойте там, сержант! – Пленных уже сопроводили к выходу из деревни. – Да, и вот что, сержант...

– Сэр?

– Принесите их штаны. Пусть оденутся как положено.

Довольный ходом своей миссии, Лу улыбнулся Шарпу:

– Вы поступаете разумно, это хорошо. Не хотелось бы драться с вами так, как приходится драться с испанцами.

Шарп посмотрел на Лу. Что за варварская форма? Наряд оборотня из кошмара. В таком только детей пугать. А вот палаш у оборотня не длиннее, чем у Шарпа, и карабин его не так точен, как винтовка Бейкера.

– Не думаю, что вы смогли бы драться с нами, – сказал Шарп. – Мы настоящая армия, а не кучка безоружных женщин и детей.

Генерал напрягся:

– Вы еще узнаете, капитан, что генерал Лу может сражаться с любым врагом и в любом месте. Я никому не проигрываю, капитан. Никому.

– Если вы никому не проигрываете, генерал, то как же оказались в плену? – усмехнулся Шарп. – Небось крепко спали?

– Я направлялся в Египет, и наш корабль был захвачен Королевским военно-морским флотом. Поражением это назвать нельзя. – Лу посмотрел на двух своих солдат, натягивавших штаны. – А где лошадь кавалериста Годена?

– Там, куда отправляется кавалерист Годен, лошадь ему не понадобится.

– Идти он может? Да, полагаю, что может. Ладно, так и быть, лошадь я вам уступаю, – высокомерно заявил Лу.

– Он отправляется в ад, генерал, – продолжил Шарп. – Я одеваю их, потому что они солдаты, и даже ваши паршивые солдаты имеют право умереть в штанах. – Он снова обернулся. – Сержант! К стенке их. И мне нужна расстрельная команда, по четыре человека на каждого пленного.

– Капитан! – рявкнул Лу, и его рука легла на эфес сабли.

– Меня вы не испугаете. Ни вы сами, ни ваш маскаранный костюм. Вытащите саблю, и мы забрызгаем ваш белый флаг вашей же кровью. Там, на гребне, у меня стрелки, которые размажут ваш зрячий глаз с двухсот ярдов, и один из них целится в вас.

Лу посмотрел на холм. Он увидел там красномундирников Прайса и одного стрелка в зеленом кителе, но, конечно, определить численность отряда не смог. Генерал повернулся к Шарпу:

– Вы капитан. Всего лишь капитан. Значит, сколько у вас здесь? Рота? Может быть, две? Больше двух рот простому капитану британцы не доверят. У меня же в полумиле отсюда почти вся бригада. Убьете моих людей, и вас будут преследовать как собак, и вы умрете собачьей смертью. На вас прекратят распространяться правила войны, как вы не распространяете их на моих людей. И уверяю вас, капитан, вы подохнете так же, как подыхают мои испанские враги. От очень тупого ножа.

Не ответив на угрозу, Шарп обратился к Харперу:

– Команда готова?

– Готова, сэр. И с нетерпением ждет.

Шарп посмотрел на француза:

– Ваша бригада далеко отсюда. Будь она близко, вы бы не трепались со мной, а пошли в атаку. А теперь извините, мне нужно отправить правосудие.

– Нет! – бросил генерал таким тоном, что даже Шарп обернулся. – Я заключил сделку с моими людьми. Вы понимаете, капитан? Вы – вожак, я – вожак, и я обещал моим людям, что никогда их не брошу. Не вынуждайте меня нарушить обещание.

– Плевать мне на ваше обещание.

Лу ждал такого ответа и потому пожал плечами.

– Тогда, может, вам не наплевать вот на что, капитан Шарп. Если не вернете моих людей, я назначу цену за вашу голову. У каждого человека в Португалии и Испании появится причина выследить и затравить вас. Убьете этих двоих – и подпишете себе смертный приговор.

Шарп улыбнулся:

– Вы не умеете проигрывать, генерал.

– А вы умеете?

Шарп уже уходил.

– Я никогда не проигрывал, – бросил он через плечо, – так что не знаю.

– Ваш смертный приговор! – прокричал ему вслед генерал.

Капитан поднял два пальца. Он слышал, что французы при Азенкуре обещали английским лучникам отрубить пальцы, которыми те натягивали тетиву. Англичане выиграли сражение, а потом придумали презрительный жест, чтобы показать самоуверенным ублюдкам, кто лучше воюет. И теперь Шарп воспользовался этим жестом.

А потом пошел убивать людей оборотня.

Майор Майкл Хоган отыскал Веллингтона у моста через речку Туронес, где три французских батальона попытались сдержать наступающих британцев. Бой был скоротечным и жестоким, и поведать о нем теперь могли убитые французы и британцы. Полоса мертвых тел обозначала черту, где противники сошлись в рукопашной; жуткие кровавые пятна отмечали место, по которому ударили анфиладным огнем два британских орудия, и, наконец, россыпь трупов показывала отступление французов через мост, уничтожить который не успели их саперы.

– Флетчер полагает, что мост построен римлянами, – приветствовал Веллингтон ирландца.

– Милорд, порой я и сам гадаю, есть ли в Португалии и Испании хоть один мост, построенный после римлян. – День выдался холодный и сырой, и Хоган, завернувшись в плащ, дружески кивнул трем адъютантам его светлости, после чего вручил генералу письмо. Печать с оттиском испанского королевского герба была взломана. – Милорд, я счел необходимым ознакомиться с содержимым в качестве меры предосторожности, – объяснил Хоган.

– Неприятности? – спросил генерал.

– Иначе, милорд, я бы вас не побеспокоил, – мрачно ответил Хоган.

Читая письмо, Веллингтон хмурился. Генерал был представительным мужчиной сорока двух лет, столь же крепкий физически, как любой солдат в его армии. Да еще, подумал Хоган, умнее большинства. Британская армия отличалась необъяснимой способностью находить наименее компетентного человека и возлагать на него верховное командование, но в случае с сэром Артуром Уэлсли, ныне виконтом Веллингтоном, система дала сбой, и армия его величества в Португалии получила наилучшее руководство из возможных. Так, по крайней мере, считал Майкл Хоган, допуская, что его мнение может быть предвзятым. Как-никак именно Веллингтон содействовал карьере Хогана, поручив сообразительному ирландцу возглавить разведку, в результате чего между ними установились близкие плодотворные отношения.

Генерал прочитал письмо еще раз, теперь уже заглядывая в перевод, предусмотрительно подготовленный Хоганом. Майор между тем оглядывал поле боя, на котором уже хозяйничали тыловые команды. К востоку от моста, где по склону, деликатно извиваясь, сбегала узкая дорога, рабочие искали в кустах трофеи. Мертвых французов раздевали донага и складывали, как дрова в поленнице, возле длинной неглубокой могилы, расширить которую пыталась команда землекопов. Другие рабочие грузили на повозку французские мушкеты, флаги, подсумки, башмаки и одеяла. Попадались и вещи весьма экзотические, поскольку французы обременили себя немалой добычей, ограбив тысячу португальских деревень, и солдаты Веллингтона находили церковные одежды, подсвечники и серебряные блюда.

– Удивительно, чего только не прихватит солдат при отступлении, – заметил генерал. – У одного мертвеца нашли табуретку для доения. Самую обыкновенную табуретку! О чем он думал? Собирался тащить ее во Францию? – Веллингтон протянул письмо Хогану. – Проклятье, – сказал он мягко и, помолчав, уже решительнее добавил: – Чтоб их! – Жестом отослав адъютантов и оставшись наедине с Хоганом, генерал продолжил: – Чем больше я узнаю о его католическом величестве короле Фердинанде Седьмом, тем больше укрепляюсь во мнении, что его следовало утопить при рождении.

Хоган улыбнулся:

– Признанный способ, милорд, удушение.

– В самом деле?

– В самом деле, милорд. Комар носу не подточит. Мать просто объяснит, что неудачно повернулась во сне и придавила несчастного малыша, а Святая церковь объявит о рождении еще одного ангелочка.

– В моем роду, – сказал генерал, – нежеланных детей отправляют в армию.

– Эффект почти такой же, милорд, вот только ангелочков не прибавляется.

Веллингтон коротко рассмеялся и помахал письмом:

– Так как же оно к нам попало?

– Обычным путем, милорд. Слуги Фердинанда вывезли контрабандой из Валанса и переправили на юг к Пиренеям, где передали партизанам, а те уже доставили нам.

– И копию в Лондон, да? Есть шанс перехватить лондонскую копию?

– Увы, сэр, ушла две недели назад. Скорее всего, она уже там.

– Черт, проклятье! Проклятье! – Веллингтон мрачно уставился на мост, где на строповую тележку укладывали ствол разобранного французского орудия. – Так что делать, а, Хоган? Что делать?

Проблема была достаточно проста. Письмо, копия которого ушла принцу-регенту в Лондон, доставили от короля Испании Фердинанда, пребывавшего в качестве пленника Наполеона во французском замке в Валансе. В письме говорилось, что его католическое величество, следуя духу сотрудничества с его английским родственником и руководствуясь желанием изгнать французских захватчиков со священной земли его королевства, дал указание Ирландской королевской роте, дворцовой гвардии его католического величества, присоединиться к войскам его британского величества под командованием виконта Веллингтона. Жест этот, при всей его кажущейся щедрости, пришелся не по вкусу генералу, не видевшему пользы от беспризорной роты дворцовой стражи. Другое дело – батальон обученной пехоты в полной боевой экипировке. Такая воинская часть пришла бы кстати, но от роты церемониальных войск толку будет не больше, чем от распевającego псалмы хора евнухов.

– И они уже прибыли, – вкрадчиво добавил Хоган.

– Они уже что?.. – Вопрос Веллингтона улетел по меньшей мере на сто ярдов – случайный пес, посчитавший, что окрик относится к нему, бросился прочь от облепленных мухами внутренностей, вывалившихся из распоротого живота французского артиллерийского офицера. – Где они? – сердито спросил Веллингтон.

– Где-то на Тахо, милорд, плывут к нам на барже.

– И как, черт возьми, они сюда попали?

– Морем, милорд, если верить моему осведомителю. На наших судах.

Хоган насыпал табак на левую руку и вдохнул сначала одной, потом другой ноздрей. Его глаза заслезились, на секунду он замер, а потом громко чихнул. Лошадь вздрогнула, прядая ушами.

– Командир Ирландской королевской роты утверждает, – продолжил Хоган, – что провел своих людей к восточному побережью Испании и нанял судно до Менорки, где их принял на борт наш королевский флот.

Веллингтон насмешливо хмыкнул:

– И французы даже не попытались им помешать? Половина королевской гвардии открыто уходит из города, а король Жозеф смотрит на это сквозь пальцы?

Брат Бонапарта Жозеф, посаженный на испанский трон, оставался на нем только благодаря тремстам тысячам французских штыков.

– Пятая часть королевской гвардии, милорд, – вежливо поправил генерала Хоган. – И да, именно так лорд Кили и говорит. Кили – их командир.

– Кили?

– Ирландский пэр, милорд.

– Черт возьми, знаю я ирландских пэров. Кили... Граф Кили. Изгнанник, верно? Его мать, помнится, в девеностях давала деньги Тону. – (Вольф Тон, ирландский патриот, собирал деньги и вербовал добровольцев в Европе и Америке, чтобы поднять в своей родной Ирландии восстание против англичан. Восстание переросло в открытую войну в 1798 году, когда Тон вторгся в Донегол с небольшой французской армией. Армия была разгромлена, сам же Тон предпочел покончить с собой в Дублинской тюрьме, избежав таким образом британской виселицы.) – Не думаю, что Кили чем-то лучше своей матери, – мрачно заметил Веллингтон, – а уж та – сущая ведьма, которую стоило бы задушить при рождении. Его светлости можно доверять?

– Как я слышал, милорд, он выпивоха и транжира, – ответил Хоган. – Во главе Ирландской королевской роты его поставили лишь потому, что он оказался единственным ирландским аристократом в Мадриде и его мать имела влияние на короля. Она уже умерла, да упокоит Господь ее душу.

На глазах у майора солдат поддевал штыком внутренности французского офицера. Кишки неизменно соскальзывали, и в конце концов сержант, не выдержав, приказал либо собрать их руками, либо оставить воронам.

– И чем же эта ирландская гвардия занималась с тех пор, как Фердинанд уехал из Мадрида? – спросил Веллингтон.

– Жили как побирушки, милорд. Охраняли Эскориал, драили башмаки, на неприятности не нарывались, распутничали, пьянствовали да ломали шапку перед французами.

– Но не дрались с ними.

– Разумеется, нет. – Хоган помолчал. – Слишком уж удачно все устроилось, милорд. Гвардейцам разрешают уйти из Мадрида, погрузиться на судно и прибыть к нам. Тем же временем из Франции тайком вывозят письмо, в котором сказано, что рота – подарок вам от содержащегося в плену его величества. Не иначе, милорд, ко всему этому лягушатники приложили руку.

– И что, предложим чертовым гвардейцам убираться?

– Не уверен, что сможем. Принцу-регенту в Лондоне такой жест, несомненно, не польстит, и Форин-Офис, будьте уверены, сочтет любое неуважительное действие по отношению к ирландской роте как оскорбление наших испанских союзников. Вот и выходит, милорд, что придется нам этих ублюдков терпеть.

– Хоть для чего-то они годятся?

– Полагаю, для украшения, – без особой уверенности предположил Хоган.

– Украшения стоят денег, – заметил Веллингтон. – Денежный ящик с жалованьем для своей гвардии король Испании, надо думать, не прислал?

– Нет, милорд.

– Иначе говоря, платить должен я? – недобрым тоном осведомился Веллингтон и, когда Хоган сподобился лишь на ангельски смиренную улыбку, разразился проклятиями: – Чтоб им ослепнуть! Платить этим мерзавцам? Ждать, пока они ударят в спину? Их ведь для этого сюда прислали? А, Хоган?

– Не знаю, милорд. Но подозреваю, что так оно и есть.

С того места, где собралась хозяйственная команда, донесся взрыв смеха. В фалдах убитого француза обнаружились рисунки непристойного содержания. Веллингтон вздрогнул и, тронув коня, отъехал подальше от шумной компании. Над развороченной кучкой падали, бывшей еще недавно французским стрелком, дрались вороны. Ненадолго задержав взгляд на неприятной сцене, генерал поморщился.

– Итак, Хоган, что вы знаете об этой ирландской гвардии?

– В основном, милорд, она состоит из испанцев, хотя и те, что родились в Испании, должно быть, потомки ирландских изгнанников. Набирали в гвардию в первую очередь из трех ирландских полков, состоявших на испанской службе, но есть в ней, как я подозреваю, и дезертиры из нашей армии. Многие, полагаю, считают себя патриотами Испании и не прочь сра-

жаться против французов, но среди них немало и афрансесадос, причем в большей степени это относится к офицерам и в меньшей к рядовым.

Афрансесадо называли испанца, перешедшего на сторону французов, и почти все такого рода предатели были выходцами из образованных классов. Хоган прихлопнул слепня, севшего на шею его лошади.

– Все в порядке, Джеремайя, просто голодная муха, – успокоил он животное, после чего вернулся к разговору с Веллингтоном. – Не знаю, милорд, почему их послали сюда, но уверен в двух вещах. Во-первых, избавиться от них дипломатическими средствами невозможно, а во-вторых, нам нужно исходить из предположения, что здесь они нужны французам. Короля Фердинанда, несомненно, хитростью убедили написать письмо. Говорят, он не очень умен.

– В отличие от вас, Хоган. Поэтому я с вами и мирюсь. Так что с ними делать? Поручим копать ямы для латрин?

Хоган покачал головой:

– Милорд, назначение королевской дворцовой гвардии на хозяйственные работы будет рассматриваться как оскорбление наших испанских союзников, а также его католического величества.

– К дьяволу его католическое величество! – проворчал Веллингтон и повернулся к выкопанной наподобие траншеи могиле, куда весьма бесцеремонно укладывали голых мертвых французов. – А хунта? – спросил он. – Как же хунта?

Хунта в Кадисе была регентским советом, управлявшим свободной территорией Испании в отсутствие короля. В ее патриотизме никто не сомневался, чего нельзя было сказать о ее эффективности. Хунта славилась внутренними сварами на почве оскорбленной гордости, и мало что так откровенно задевало эту гордость, как вполне разумное предложение поручить Артуру Уэлсли, виконту Веллингтону, командование всеми воюющими в Испании армиями. Веллингтон уже командовал армией Португалии и британскими войсками в этой стране, и ни один здравомыслящий человек не стал бы отрицать, что он лучший из генералов союзнических сил, хотя бы потому, что он единственный выиграл все сражения. Также никто не возражал против объединения под общим командованием всех армий, сражающихся с французами в Испании и Португалии. И тем не менее хунта отказывалась предоставить Веллингтону такие полномочия. Армии Испании, твердили эти генералы, должен вести в бой испанец, а если ни один испанец до сих пор не доказал, что способен одолеть французов, то это ничего не значит – лучше побежденный испанец, чем победоносный иностранец.

– Хунта, милорд, – осторожно ответил Хоган, – увидит в этом узкий краешек большой черной тучи. Испанцы подозревают британский заговор, имеющий целью развал испанской армии, и они, подобно ястребам с неба, будут наблюдать за тем, как вы обходитесь с Ирландской королевской ротой.

– И главным ястребом, – криво усмехнулся Веллингтон, – будет дон Луис.

– Верно, милорд!

Генерал дон Луис Вальверде был официальным представителем хунты в британской и португальской армиях; его рекомендация потребовалась бы в случае, если бы испанцы решились назначить Веллингтона главнокомандующим. Рассчитывать на такое одобрение не приходилось, поскольку в генерале Вальверде сконцентрировались как кичливая гордость хунты, так и ее вопиющая узколюбость.

– Черт побери! – сказал Веллингтон, думая о Вальверде. – Ну, Хоган? Вам платят за то, чтобы вы давали мне советы, так отработайте свое проклятое жалованье.

Хоган помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями, потом сказал:

– Боюсь, нам придется принять лорда Кили и его людей. Доверия к ним нет, а значит, нужно хорошенько осложнить их пребывание здесь. Осложнить до такой степени, чтобы они либо вернулись в Мадрид, либо выступили в Кадис.

– То есть мы выдавим их, – сказал Веллингтон. – Каким образом?

– Во-первых, милорд, мы разместим их поближе к французам, чтобы желающие перейти к противнику могли сделать это без особого труда. При этом мы заявим, что отвели гвардейцам столь опасную позицию из уважения к их боевой репутации. Во-вторых, милорд, мы дадим понять, что, не сомневаясь в блестящей подготовленности Ирландской королевской роты для охраны дворца, мы не столь уверены в ее умении вести обычную, повседневную войну с французами. Необходимо настоять, чтобы эти люди прошли курс практической подготовки под руководством человека, который непременно превратит их жизнь в невыносимую пытку.

Веллингтон мрачно улыбнулся:

– Заставим игрушечных пехотинцев попотеть, да? Пусть жуют солдатский хлеб, пока поперек горла не встанет.

– Именно так, милорд. Уверен, они рассчитывают на почтительное обращение и даже на какие-то привилегии; что ж, придется их разочаровать. На должность офицера связи нужно назначить человека с достаточно высоким званием, чтобы не позволил лорду Кили петушиться и рассеял подозрения генерала Вальверде. Но тот, кому предстоит их муштровать, должен быть вылеплен совсем из другого теста. Этаким солдафон – но достаточно сообразительный, чтобы вывести их на чистую воду.

Веллингтон улыбнулся и повернул коня, чтобы посмотреть на советника. Он уже понял, о ком говорит Хоган.

– Сомневаюсь, что лорду Кили придется по нраву наш мистер Шарп, – сказал генерал.

– Вот и я не думаю, милорд, что эти двое поладят.

– Где сейчас Шарп?

– Должен быть на пути к Вилар-Формозу, милорд. Ему не повезло – направлен в распоряжение начальника городского гарнизона.

– Значит, будет только рад, если вместо этого получит задание осложнить жизнь Кили, верно? А кого назначим офицером связи?

– Для такого дела, милорд, любой благовоспитанный дурень сгодится.

– Очень хорошо, Хоган. Я подыщу дурня, а вы устройте все остальное. – Генерал дал коню легкие шенкеля. Адьютанты, уловив сигнал, подобрали поводья, но Веллингтон задержался еще на секунду. – Зачем солдату табуретка для дойки?

– Чтобы в дождливую ночь задница в карауле сухой оставалась.

– А ведь и верно. И как я сам не сообразил? Молодцом, Хоган.

Веллингтон повернул коня и поскакал на запад, прочь от крови и грязи.

Проводив генерала долгим взглядом, Хоган состроил гримасу. Французы наверняка задумали какую-то подлость, но теперь, положившись на Божью помощь, он сам устроит им ловушку. Встретит Ирландскую королевскую роту сладкими речами и заманчивыми обещаниями, а потом напустит на нее Ричарда Шарпа.

Девчушка вцепилась в стрелка Перкинса. Внутри у нее все болело, кровь еще текла по ногам, но она настояла на том, чтобы выйти из хижины и своими глазами увидеть, как умрут два француза. Она дразнила их, издевалась над ними, плевала в их сторону и осыпала бранными словами, а потом презрительно засмеялась, когда один упал на колени и протянул к Шарпу связанные руки.

– Говорит, что не насиловал девочку, – перевел Харрис.

– Тогда почему у него штаны ниже колен спущены? – спросил Шарп и оглядел расстрельную команду из восьми человек. Обычно найти добровольцев для такого дела трудно, но на сей раз проблем с этим не было. – Цельсь!

– Non, Monsieur, je vous prie! Monsieur!¹ – воскликнул стоящий на коленях француз.
По его лицу бежали слезы.

Восемь стрелков навели винтовки на двух французов. Второй презрительно сплюнул и высоко поднял голову. Это был красивый мужчина, хотя на лице у него после знакомства с Харрисом появились синяки. Первый пленный, не дождавшись ответа на свои мольбы, уронил голову и зарыдал.

– Maman! – жалобно твердил он. – Maman!

Генерал, сидя в подбитом мехом седле, наблюдал за казнью с расстояния пятьдесят ярдов.

Шарп понимал, что не имеет для расстрела военнопленных никаких законных оснований. Понимал он и то, что этой казнью может серьезно испортить свою военную карьеру. Но перед его глазами стояла страшная картина: почерневшие от засохшей крови тела изнасилованных и убитых детей.

– Пли! – скомандовал он.

Восемь винтовок дали залп. Густой дым собрался в зловонное облако, в нем скрылась кровь, брызнувшая на каменную стену лачуги. Отброшенные назад, французы ударились о стену, качнулись вперед и рухнули. Один еще подергался, но вскоре застыл.

– Вы покойник, Шарп! – прокричал издалека генерал.

Шарп показал ему два пальца, но не обернулся.

– Этих двоих пусть лягушатники хоронят, а вот на мертвых испанцев придется стены обрушить. Они ведь испанцы, да? – спросил он Харриса.

Сержант кивнул.

– Мы в Испании, сэр. В миле или двух от границы. Так и девчонка говорит.

Шарп посмотрел на спасенную. Она могла быть ровесницей Перкинса, наверное лет шестнадцати. С длинными черными волосами, мокрыми и грязными, но отмой ее – и обнаружишь симпатичную девушку, подумал Шарп и тут же устыдился этой мысли. Бедняжке здорово досталось. У нее на глазах французы убили родных, а потом ею самой попользовалось бог знает сколько мужчин. В лохмотьях, едва прикрывающих истощенное тело, она подошла, прихрамывая, взглянуть на мертвых солдат. Потом плюнула на них и, отвернувшись, уткнулась лицом в плечо Перкинса.

– Придется взять ее с собой, Перкинс, – сказал Шарп. – Если останется, эти подонки ее не пожалеют.

– Да, сэр.

– Так что позаботься о ней, парень. Знаешь, как ее зовут?

– Миранда, сэр.

– Ну вот, заботься о Миранде.

Шарп повернулся и направился туда, где Харпер собрал людей, чтобы обрушить хижины на убитых жителей. В нос шибал запах крови, внутри ставших склепами хижин жужжали тучи мух.

– Будут преследовать. – Шарп кивнул в сторону затаившихся вдали французов.

– Будут, сэр, – согласился сержант.

– Постараемся идти ближе к вершинам, – сказал Шарп.

В холмистой местности кавалерия потеряет преимущества – скорость и боевой порядок, – а ее офицеры станут легкой мишенью для хороших стрелков.

Харпер посмотрел на расстрелянных французов:

– Сэр, вы имели право на это?

– Ты имеешь в виду, разрешают ли королевские установления казнить пленных? Нет, конечно. Так что никому не говори.

¹ Нет, месье, умоляю вас! Месье! (фр.)

– Ни словечка, сэр. Я ничего не видел, сэр, и парни то же самое скажут. Уж я за этим прослежу.

– Придет день, – сказал Шарп, глядя на державшегося в отдалении генерала Лу, – я и его поставлю к стенке.

– Аминь. – Сержант обернулся и посмотрел на лошадь, так и стоявшую на привязи посреди деревушки. – Что с ней будем делать?

– С собой мы взять ее не можем, – сказал Шарп.

Склоны были слишком круты, а он рассчитывал идти как можно выше, там, где не смогут преследовать конные драгуны.

– Но будь я проклят, если оставлю противнику пригодную к службе лошадь. – Он взвел курок винтовки. – Хотя и противно это делать.

– Хотите, сэр, это сделаю я?

– Нет, – сказал Шарп, подразумевая «да», потому что убивать животное ему и впрямь претило.

И все же он это сделал. Звук выстрела катился эхом, отражаясь от холмов и затихая, пока лошадь билась в агонии.

Стрелки укрыли мертвых испанцев камнями и соломой, но предоставили французам хоронить своих мертвецов. После этого они поднялись к туманным вершинам, чтобы продолжить путь на запад. В сумерках они спустились в долину Туронеса, не обнаружив признаков преследования. Ни вони от натертых седлом до крови лошадиных спин, ни отблесков серого света на серой стали. И лишь однажды, когда день угас и желтые огоньки свечей замигали в окнах редких домишек вдоль реки, где-то в темнеющих холмах вдруг раздался скорбный волчий вой. Одинокий в ночи, зверь выл долго, и лишь эхо вторило ему.

Шарп поежился.

Глава 2

Окна замка Сюдад-Родриго смотрели на холмы за рекой Агедой, где сосредоточились британские войска, но в эту темную, дождливую ночь не было видно ничего, кроме двух факелов, горящих под аркой тоннеля, прорытого в толще одного из защищающих город громадных крепостных валов. Серебристые струи дождя вспыхивали красным, на мгновение поймав отсвет пламени, прежде чем разлиться по гладким камням мостовой. Каждые несколько секунд у входа в тоннель возникал часовой, и тогда огненным блеском мигало острие примкнутого штыка. Но никаких других признаков жизни не наблюдалось. Французский триколор промок и обвис; он теперь не реял горделиво, а лишь уныло трепыхался, так что невозможно было разглядеть цвета из-за дождя, поливающего стены замка и мечущего брызги в глубокую амбразуру, прикинув к которой за аркой наблюдал мужчина. Мерцающий свет факелов отражался в толстых кварцевых линзах очков с проволочной оправой.

– Может, он и не придет, – сказала сидящая у камина женщина.

– Если Лу говорит, что придет, то придет, – ответил, не оборачиваясь, мужчина, чей чрезвычайно глубокий голос не соответствовал внешности.

Человек этот был худ и на вид слаб, имел узкое умное лицо и близорукие глаза. Рябые щеки выдавали перенесенную в детстве оспу. Он носил неброский темно-синий мундир без знаков различия, поскольку не нуждался ни в золоченых цепях или звездах, ни в эполетах, аксельбантах или эглетах для подтверждения своей власти и значимости. Майор Пьер Дюко был человеком Наполеона в Испании, и все, кому должно, от короля Жозефа и ниже, знали это.

– Лу ведь означает «волк», да? – спросила женщина.

На этот раз Дюко обернулся:

– Ваши соотечественники боятся его и называют Эль Лобо.

– Суеверных запугать нетрудно, – презрительно отозвалась женщина.

Она была высока и худощава и имела скорее привлекательное, нежели красивое лицо. Особенное лицо – увидев такое однажды, уже не забудешь: жесткие черты, полные губы, глубоко посаженные умные глаза и насмешливо-пренебрежительное выражение. Ей было, пожалуй, около тридцати – точнее не сказать из-за того, что кожа потемнела от солнца, как у крестьянки. Знатные дамы шли на любые ухищрения, чтобы их кожа была белой как мел и нежной как шелк, но эта женщина не пыталась ни выглядеть ухоженной, ни модно одеваться. Ее страстью была охота; носясь за гончими, она сидела в седле по-мужски. И наряжалась соответственно: бриджи, сапоги и шпоры. В эту ночь она выбрала мундир французского гусара: тугие небесно-голубые рейтузы, украшенные спереди по бедрам сложной венгерской вышивкой шнуrom, доломан цвета сливы с синими манжетами и галунами из белого шелка, и алый ментик, отороченный черным мехом. Ходили слухи, что донья Хуанита де Элиа коллекционирует полковые мундиры мужчин, с которыми переспала, и что ее гардеробная должна быть размером со среднюю гостиную. На взгляд майора, донья Хуанита де Элиа была всего лишь яркой шлюхой, солдатской игрушкой, а в мутном мире, где жил Пьер Дюко, яркость считалась смертельно опасной помехой. Сама же Хуанита полагала себя авантюристкой и афрансесадой, а для Дюко был полезен любой испанец, согласный встать в этой войне на сторону Франции. Нехотя признавая, что влюбленная в войну авантюристка готова ради Франции пойти на величайший риск, Дюко относился к ней с уважением, каким обычно не удостоивал женщин.

– Расскажите мне об Эль Лобо, – потребовала донья Хуанита.

– Он бригадный генерал, – сказал Дюко. – Военную карьеру начинал конюхом в кавалерии. Храбр, требователен, добивается успеха, а главное, безжалостен. – Вообще-то, Дюко обращал мало внимания на вояк, которых считал романтическими глупцами, излишне склонными к позе и жесту, но генерала Лу он ценил. Лу был целеустремлен и жесток, и он не питал иллюзий – этими же качествами отличался и сам Дюко. Майору нравилось думать, что если бы он был настоящим солдатом, то походил бы на Лу. Генерал, как и Хуанита де Элиа, отличался оригинальностью, но Дюко прощал ему претенциозные украшения из волчьего меха – просто потому, что тот был лучшим французским солдатом во всей Испании, и майор полагал, что Лу должен быть подобающим образом вознагражден.

– Когда-нибудь он станет маршалом Франции, – продолжил Дюко, – и чем раньше это случится, тем лучше.

– Но этого не случится, если против будет маршал Массена?

Дюко хмыкнул. Сплетни он собирал усерднее любого другого, хотя подтверждать их не любил, однако неприязнь Массена к Лу была настолько известна в армии, что скрывать это не имело смысла.

– Солдаты, мадам, что олени-самцы, – сказал Дюко. – Дерутся, чтобы доказать, что они самые лучшие в стаде, и ненавидят жестоких соперников куда сильнее, чем тех, кто не стремится к первенству. Вот почему я полагаю, мадам, что неприязнь маршала к генералу Лу – лучшее подтверждение выдающихся способностей генерала.

Впрочем, Дюко видел в этом еще и типичное проявление пустого позерства. Неудивительно, что война в Испании тянется так долго и сопряжена с такими трудностями, если маршал Франции растрчивает свой воинственный пыл в соперничестве с лучшим генералом своей армии.

Стук копыт, эхом пролетевший по тоннелю, вернул Дюко к окну. Он услышал пароль и скрип воротных петель, а чуть погодя увидел группу серых всадников в тусклом сводчатом проходе. Донья Хуанита де Элиа подошла и стала рядом с Дюко. Женщина была так близко, что он уловил запах духов, идущий от ее нелепого облачения.

– Который из них? – спросила она.

– Тот, что впереди.

– Хорош в седле, – сказала Хуанита де Элиа со сдержанным уважением.

– Прирожденный наездник, – отозвался Дюко. – Не какой-нибудь кривляка. Не учит лошадь гарцевать, но заставляет драться. – Он отошел от женщины, потому что не любил духи так же, как не любил самоуверенных, много мнящих о себе шлюх.

Они ждали в неловком молчании. Хуанита де Элиа уже давно догадалась, что ее оружие бесполезно против майора. Она пришла к выводу, что он не любит женщин, но правда заключалась в другом: Пьер Дюко просто не обращал на них внимания. Изредка он посещал солдатский бордель, но только после того, как врач называл ему имя здоровой девушки. Большую часть времени Дюко обходился без такого рода развлечений, предпочитая монашеское служение делу императора. И теперь он сидел за столом и листал бумаги, притворяясь, будто не замечает присутствия женщины.

Где-то в городе пробили девять церковные часы, затем во внутреннем дворе громыхнул голос сержанта и к укреплениям промаршировал взвод солдат. Дождь не ослабевал. И вот наконец на лестнице, ведущей к комнате Дюко, застучали сапоги и зазвенели шпоры. Донья Хуанита подняла голову.

Генерал Лу не потрудился даже постучать. Дверь распахнулась, и он ворвался, кипя от гнева:

– Я потерял двоих! Будь оно проклято! Двух отличных солдат! Убиты стрелками, Дюко, британскими стрелками. Казнены! Их поставили к стенке и расстреляли как бандитов! – Лу подошел к столу и налил себе бренди из графина. – Я хочу, Дюко, чтобы за голову их капитана назначили цену. Я хочу, чтобы его яйца варились в котле у моих солдат.

Он умолк, заметив экзотического вида особу в мундире. Поначалу Лу решил, что это женоподобный юнец, из тех модников, что тратят больше денег на портного, чем на лошадей и оружие, но потом распознал в парижском франте женщину и понял, что черный плюмаж – ее собственные волосы, а не причудливое украшение на шлеме.

– Она ваша, Дюко? – брезгливо спросил генерал.

– Месье, – сухо заговорил Дюко, – разрешите представить вам донью Хуаниту де Элиа. Мадам – бригадный генерал Ги Лу.

Лу усталился на женщину у камина, и увиденное пришлось ему по вкусу. В свою очередь и донья Хуанита де Элиа ответила генералу пристальным взглядом. А увидела она крепко сбитого одноглазого мужчину с твердым обветренным лицом, седыми волосами и короткой бородкой, в серой, подбитой мехом форме, напоминающей костюм палача. Блестящие на меху капли дождя вобрали в себя запах звериной шкуры, смешавшийся с крепкими, пьянящими запахами седла, табака, пота, ружейного масла, пороха и лошади.

– Генерал, – сказала она вежливо.

– Мадам, – ответил Лу, беззастенчиво оглядывая фигуру в облегающем наряде. – Или мне следует называть вас полковником?

– По меньшей мере бригадным генералом, – парировала Хуанита, – если не маршалом.

– Говорите, двоих? – вторгся Дюко в завязывающийся флирт. – Как вы их потеряли?

Лу изложил события дня, расхаживая по комнате и грызя яблоко, взятое со стола майора. Он рассказал, как отправился с небольшим отрядом в горы на поиски беглецов из деревни Фуэнтес-де-Оньоро и как, покарвав испанцев, подвергся внезапной атаке зеленых кителей.

– Их командир назвался капитаном Шарпом.

– Шарп, – повторил Дюко и стал листать толстенную бухгалтерскую книгу, в которую заносил каждую крупницу информации о врагах императора. В этом и заключалась работа Дюко – знать все о противнике и подсказывать способы его уничтожения. И объем его информации был так же велик, как его власть. – Шарп, – повторил он, найдя нужное. – Стрелок, говорите? Есть у меня подозрение, что это тот самый Шарп, который захватил «орла» при Талавере. С ним были только зеленые мундиры? Или еще и красные?

– Были и красномундирники.

– Тогда это он самый. По причине, которую мы пока не установили, служит в линейном батальоне.

Дюко добавил новую запись в книгу, содержащую сведения о более чем пятистах офицерах противника. Некоторые строчки были перечеркнуты черной линией, обозначающей, что человек мертв, и порой Дюко представлял себе тот славный день, когда все враги – британцы, португальцы и испанцы – будут сметены неустрашимой французской армией.

– Капитан Шарп, – заметил Дюко, – в войсках Веллингтона человек известный. Произведен в офицеры из рядовых – редкий случай в Великобритании.

– Мне наплевать, из какого дерьма он вылез, – я хочу его скальп и яйца!

Дюко неодобрительно относился к личному соперничеству, опасаясь, что оно может помешать исполнению более важных служебных обязанностей.

– Не лучше ли будет, – холодно предложил он, закрывая бухгалтерскую книгу, – если вы позволите мне подать официальную жалобу на факт казни? Веллингтон едва ли одобрит такой произвол.

– Нет, – сказал Лу. – Отомстить за себя я могу и без адвокатов.

Причиной гнева генерала была не смерть его подчиненных, ведь смерть – это риск, привыкнуть к которому должен всякий солдат, – а то, каким образом они умерли. Солдат должен умирать в бою или в собственной постели, но не у стенки, как паршивый уголовник. К тому же была задета гордость генерала – другой солдат взял над ним верх.

– Но если я не прикончу Шарпа в ближайшие недели, можете писать свое чертово письмо. – Выдав скрепя сердце разрешение, Лу продолжил: – Солдат убивать труднее, чем гражданских, да и потом, мы слишком уж долго боролись с гражданскими. Пришло время моей бригаде научиться убивать врага, также одетого в форму.

– Я думала, большинство французских солдат сражаются с другими солдатами, а не с герильерос, – сказала донья Хуанита.

Лу кивнул:

– Большинство – да, но не мои, мадам. Я занимаюсь прежде всего партизанами.

– Расскажите, – попросила она.

Лу поглядел на Дюко, будто испрашивая разрешение, и майор кивнул. Его раздражало взаимное влечение этих двоих. Влечение такое же примитивное, как кошачья страсть, и такое же откровенное. В комнате чуть ли не пахло похотью, и Дюко только что не морщил нос. Оставь этих двоих наедине на полминуты, и по возвращении обнаружишь сброшенные второпях мундиры. Его оскорбляло не столько само влечение, сколько то, что оно отвлекало от дела настоящего важного.

– Продолжайте, – сказал он.

Лу пожал плечами, как бы показывая, что никакого секрета в его миссии и нет.

– У меня самые обученные солдаты в армии. Они лучше императорской гвардии. Хорошо сражаются, хорошо убивают и получают хорошее жалованье. Я держу их отдельно. Они не квартируют с другими частями, поэтому никто не знает, куда они отправятся и что будут делать. Пошлите шестьсот человек в Мадрид, и, уверяю вас, каждый партизан отсюда до Севильи проведает об этом еще до того, как они выступят. У нас не так. Мы не говорим никому, куда идем и что будем делать, – мы просто идем и делаем. У нас везде свои места. Я освобождаю деревню от жителей и делаю ее моим опорным пунктом, но мы не остаемся там. Мы перебираемся, куда пожелаем, спим, где пожелаем, и если партизаны нападают на нас, они умирают. И не только они: вместе с ними умирают их матери, дети, священники, внуки. Мы наводим на них ужас, мадам, так же, как они пытаются навести ужас на нас, и у моей волчьей стаи получается лучше, чем у партизан.

– Ясно, – сказала Хуанита.

– Область, которую патрулирует бригадный генерал Лу, на удивление успешно зачищена от партизан, – великодушно признал Дюко.

– Зачищена, но не полностью, – мрачно добавил Лу. – Кастратор жив, но я еще разделаюсь с ним моим собственным ножом. Возможно, прибытие британцев добавит ему смелости и он снова покажет нам свое лицо.

– Ради этого мы здесь и собрались, – сказал Дюко, перехватывая инициативу в разговоре. – Наша задача – не допустить, чтобы британцы закрепились, и выгнать их отсюда.

Затем глубоким, почти гипнотизирующим голосом он описал военное положение так, как сам его представлял. Генерал Лу, который весь прошлый год обеспечивал безопасность дорог через пограничные холмы, зачищал их от партизан и благодаря этому избежал катастрофы, постигшей армии маршала Массена в Португалии, внимал Дюко едва ли не с восторгом, поскольку тот излагал правду, а не патристическую ложь, распространявшуюся в колонках «Монитора».

– Веллингтон умен, – признал Дюко. – Не блистателен, но умен, и мы недооценили его.

О существовании оборонительных линий Торриш-Ведраш французы узнали, только подойдя к ним на пушечный выстрел. Там они и стояли, голодая и замерзая, в течение долгой зимы. Теперь армия вернулась к испанской границе и ждала наступления Веллингтона.

Наступление обещало быть тяжелым и кровавым из-за двух мощных крепостей, которые блокировали единственные проходимые дороги через пограничные горы: Сьюдад-Родриго на севере и Бадахос на юге. Еще месяц назад Бадахос был в руках испанцев, и саперы Массена отчаялись пробиться сквозь его толстые стены, но Дюко дал огромную взятку, и испанский командующий уступил ключи от крепости. Теперь оба ключа к Испании, Бадахос и Сьюдад-Родриго, крепко держала рука императора.

Но была еще третья крепость на границе, которой тоже владели французы. Португальская Алмейда не имела такого значения, как Сьюдад-Родриго или Бадахос, но хотя годом ранее ее внушительный замок был разрушен вместе с собором при чудовищном пороховом взрыве, мощная, сложной формы городская стена и сильный французский гарнизон представляли собой серьезное препятствие. Британской армии, осаждающей Сьюдад-Родриго, пришлось бы выделить несколько тысяч человек, чтобы предотвратить нападения алмейдских солдат на обозы, и Дюко считал, что Веллингтон не потерпит такой угрозы в тылу своей армии.

– Первейшей задачей Веллингтона станет захват Алмейды, – указал Дюко, – и маршал Массена сделает все возможное для того, чтобы уменьшить риск британской осады. Иными словами, генерал, – Дюко обращался скорее к Лу, чем к донье Хуаните, – нас ждет битва при Алмейде. На войне бесспорного мало, но в этом, полагаю, мы можем быть уверены.

Лу посмотрел на карту и кивнул.

– Если только маршал Массена не отзовет гарнизон, – произнес он презрительно, словно не сомневался, что Массена, его соперник, способен на любую глупость.

– Не отзовет, – возразил Дюко с уверенностью человека, обладающего властью диктовать стратегию маршалам Франции. – И причина этого здесь. – Он снова указал на карту. – Смотрите.

Лу послушно склонился над картой. Алмейда была изображена в виде звезды, что напоминало о конфигурации ее укреплений. Саму крепость окружали холмы, но позади них, между Алмейдой и остальной частью Португалии, протекала глубокая река Коа.

– Река течет по ущелью, – пояснил Дюко, – и единственный мост пересекает ее у Каштелу-Бон.

– Мне это известно.

– Так вот, если мы победим генерала Веллингтона на этой стороне реки, – Дюко показал на карте, – его армии придется отступать по единственному мосту шириной всего три ярда. Именно поэтому мы держим в Алмейде гарнизон – его присутствие вынудит лорда Веллинг-

тона сражаться на этом берегу Коа без шансов на победу. А когда британцы уйдут, мы применим вашу тактику запугивания, чтобы покончить со всем сопротивлением в Португалии и Испании.

Лу выпрямился. Анализ Дюко произвел на него сильное впечатление, но вызвал и сомнения. Чтобы сформулировать возражения, нужно было время, и генерал выдержал паузу, раскуривая длинную темную сигару. Впрочем, выпустив струю дыма, он решил отбросить вежливость и осторожность и пошел напролом.

– Мне не доводилось драться всерьез с британцами, майор, но я слышал, что они чертовски упорны в обороне. – Лу постучал по карте. – Эти места мне хорошо знакомы: холмы да ущелья. Дайте Веллингтону холм, и вы скорее умрете от старости, чем сдвинете этого мерзавца с места. По крайней мере, так говорят. – Лу пожал плечами, словно сомневаясь в правильности собственного аргумента.

Дюко улыбнулся:

– А если предположить, генерал, что армия Веллингтона сгниет изнутри?

Лу обдумал вопрос и кивнул:

– Тогда он сломается.

– Отлично! Потому что именно ради этого я и хотел, чтобы вы познакомились с доньей Хуанитой, – сказал Дюко, и дама улыбнулась драгуну. – Донья Хуанита пересечет линию фронта и обоснуется в стане нашего противника. Время от времени она будет приезжать к вам за особыми материалами, которые будут поступать от меня. Вам следует уяснить, что это снабжение – ваша первостепенная задача.

– Снабжение? – спросил Лу. – Вы имеете в виду пушки? Боеприпасы?

За Дюко ответила донья Хуанита:

– Ничего такого, генерал, что нельзя перевезти на вьючной лошади.

Лу посмотрел на Дюко:

– Вы думаете, это так легко – проехать от одной армии к другой? Черт возьми, Дюко, есть кавалерийские заслоны британцев, есть испанские партизаны и наши собственные пикеты, и бог знает сколько других препятствий. Это не прогулка по Булонскому лесу.

– Донья Хуанита сделает собственные приготовления, и я полагаюсь на нее, – с невозмутимым видом ответил Дюко. – Вам нужно будет, генерал, показать даме ваше логово. Она должна знать, где и как вас найти. Можете это устроить?

Лу кивнул и посмотрел на женщину:

– Вы готовы отправиться со мной завтра?

– Хоть на весь день, генерал.

– Тогда мы едем завтра, – сказал Лу, – и, возможно, задержимся на послезавтра?

– Возможно, генерал, все возможно... – Дюко снова прервал начинающийся флирт. Было уже поздно, его ждали ужин и несколько часов бумажной работы, которую требовалось закончить. – Ваши люди теперь находятся на линии армейских пикетов. Будьте внимательны и не упустите прибытие новой британской части.

Подозревая, что его учат варить яйцо, Лу нахмурился:

– Мы всегда внимательны, майор, и следим за такими вещами. Не забыли? Мы – солдаты.

– Будьте особенно внимательны, генерал. – Дюко как будто не заметил выпада. – В ближайшее время ожидается прибытие *Real Compañía Irlandesa*, Ирландской королевской роты, и я хочу знать, когда она прибудет и где разместится. Это важно, генерал.

Лу бросил взгляд на Хуаниту – не связана ли Ирландская королевская рота с ее миссией? – но лицо испанки ничего не выражало. Не проблема, решил Лу, двух ночей вполне достаточно, чтобы женщина рассказала все. Он повернулся к Дюко:

– Майор, вы будете знать о каждом собачьем чохе на британской стороне.

– Хорошо! – сказал Дюко, завершая разговор. – Не стану задерживать вас, генерал. Уверен, у вас есть планы на вечер.

Лу взял свой шлем с еще влажным серым плюмажем.

– Донья? – спросил он, прежде чем открыть дверь на лестницу. – Так ведь называют замужнюю женщину?

– Мой муж, генерал, похоронен в Южной Америке. – Хуанита пожала плечами. – Желтая лихорадка, увы.

– А моя жена, мадам, – сказал Лу, – погребена на своей кухне в Безансоне. Увы. – Он придержал ручку двери, предлагая сопроводить донью Хуаниту по винтовой лестнице, но Дюко задержал испанку.

– Вы готовы отправиться? – спросил он, удостоверившись, что Лу его не слышит.

– Как скоро?

Дюко пожал плечами:

– Я подозреваю, что Ирландская королевская рота будет на месте в ближайшее время. К концу месяца – наверняка.

Хуанита кивнула:

– Я готова. – Она сделала паузу. – И британцы, конечно же, примут их с недоверием?

– Разумеется. Они были бы дураками, если бы ничего не заподозрили. Наша задача, мадам, состоит в том, чтобы ослабить противника, так что пусть они опасаются Ирландской королевской роты – и тогда, возможно, пропустят реальную угрозу... – Дюко снял очки и протер линзы полой сюртука. – А лорд Кили? Вы уверены в его чувствах к вам?

– Он пьяный глупец, майор, – ответила Хуанита. – И сделает то, что я скажу.

– Не давайте ему повода для ревности, – предупредил Дюко.

Хуанита улыбнулась:

– Вы можете читать мне лекции по многим предметам, но что касается мужчин и их капризов, не извольте сомневаться: я знаю все, что о них нужно знать. Не волнуйтесь насчет милорда Кили, он всегда будет милым и послушным. Это всё?

Дюко надел очки.

– Да, всё. Могу я пожелать вам хорошо отдохнуть ночью, мадам?

– Уверена, ночь будет роскошная.

Донья Хуанита улыбнулась и вышла из комнаты.

Дюко слышал, как звякнули шпоры на ступеньках; потом, когда она встретилась с Лу, поджидавшим ее внизу, донесся ее смех. Дюко закрыл дверь, когда эти двое засмеялись вместе, и медленно подошел к окну. В ночи по-прежнему хлестал дождь, но майор не обращал внимания на непогоду: его мысли занимала грядущая слава. Это зависит не столько от того, выполнят ли свой долг Хуанита и Лу, сколько от хитроумного плана, придуманного человеком, которого даже Дюко признавал равным себе, – человеком, чье страстное желание победить кичливых англичан не уступало желанию Дюко лицезреть триумф Франции. Этот человек уже в тылу у британцев, он занес туда порчу, которая сначала разложит армию Веллингтона изнутри, а потом приведет ее в западню. Картина победы развернулась в воображении Дюко во всем своем великолепии. Он видел кичливую британскую армию, поверженную в прах. Он видел императора, правящего всей Европой, а затем – кто знает? – и всем миром. Александру это удалось, так почему бы Бонапарту не повторить его успех? А начнется все с небольшой хитрости Дюко и его самого секретного агента на берегах Коа, возле крепости Алмейда.

– Это шанс, Шарп, ей-богу, это шанс. Настоящий шанс. За всю жизнь таких шансов выпадает немного, и их нельзя упускать. Этому меня учил отец. Он был епископом, и уж поверьте, человек не поднимется от викария до епископа, не хватаясь за каждый шанс. Вы меня понимаете?

– Да, сэр.

Массивная задница полковника Клода Рансимена надежно расположилась на скамье постоянного двора, а перед ним на простом дощатом столе высилась куча объедков. Тут были и куриные кости, и голые веточки винограда, и кожура апельсинов, и обглоданный скелет кролика, и куски хряща непонятного происхождения, и опустошенная кожаная бутылка. Обилие поглощенной еды заставило полковника Рансимена расстегнуть мундир, жилет и рубашку, чтобы развязать шнуры корсета и выпустить на свободу живот, так что часовая цепочка с печатками пересекала теперь полосу бледной и тугой как барабан кожи. Время от времени полковник звучно рыгал.

– Тут где-то есть горбатая девчонка, подавальщица, – вспомнил Рансимен. – Если увидите, скажите, что я съел бы кусок пирога. И немного сыра, пожалуй. Но не козьего. Не выношу козий сыр: он вызывает у меня сплин, понимаете?

Желтая отделка и серебряный кант на красном мундире Рансимена указывали на его принадлежность к 37-му Гэмпширскому линейному полку, в котором уже много лет не видели даже и тучной тени полковника. Еще недавно Рансимен занимал должность генерал-вагенмейстера и командовал обозниками в Королевской службе снабжения и транспорта, а также приданными ей португальскими погонщиками мулов, но теперь его назначили офицером по связи с Ирландской королевской ротой.

– Это честь, конечно, – говорил он Шарпу, – но ни неожиданной, ни незаслуженной она не является. Я сказал Веллингтону, когда он назначил меня генерал-вагенмейстером, что буду выполнять эту работу в качестве одолжения, но ожидаю награду за нее. Никто не станет тратить годы жизни, вбивая логику и здравый смысл в тупые головы обозников. Нет, конечно, упаси господь. Горбунья, Шарп! Вон она! Остановите ее, будьте добрым товарищем! Скажите ей, что я хочу пирог и настоящий сыр!

Пирог и сыр были поданы вместе с очередной кожаной бутылкой и миской вишен, чего должно было хватить для удовлетворения последних притязаний Рансименова аппетита. Компания кавалерийских офицеров, расположившихся за столом в дальнем углу двора, заключала пари на то, сколько еды сможет проглотить этот толстяк, но полковник не обращал внимания на насмешки.

– Это шанс, – повторил он, основательно заправившись пирогом. – Не могу сказать, сулит ли это что-то вам – парень вроде вас вряд ли рассчитывает на многое в этой жизни, – но у меня точно появился шанс на Золотое руно. – Он посмотрел на Шарпа. – Вы ведь понимаете, что значит «real»?

– «Королевский», сэр.

– Выходит, вы не совсем необразованный, а? Именно королевский, Шарп. Королевская гвардия! Эти ирландские парни – королевские! Не какая-нибудь шайка кучеров да погонщиков мулов. У них есть связи при дворе, Шарп, а это означает королевские награды! Я даже вроде бы слышал, что испанский двор дает пенсию с указом о награждении Золотым руном. К этой штучковине полагается красивая звезда и золотая нагрудная цепь, но пенсия тоже лишней не будет. Награда за хорошо сделанную работу, понимаете? И это только от испанцев! Одному Богу известно, на что может расщедриться Лондон. Рыцарское звание? Принц-регент захочет узнать, как мы справляемся с этим делом. Шарп, он спросит о нас, разве не ясно? Он ждет, что мы примем этих ребят должным образом, как приличествует королевской гвардии. По меньшей мере орден Бани, так я думаю. А может, даже виконтство, почему нет? Есть только одна проблема... – Полковник Рансимен снова рыгнул и на несколько секунд оторвал задницу от скамьи. – Бог мой, так-то лучше. Освобождайтесь от газов, говорит мой доктор. Нет хуже для здоровья, чем держать вредные газы в себе, потому что тогда тело будет гнить изнутри. Теперь, Шарп, ложка дегтя в нашу бочку меда: эти королевские гвардейцы – ирландцы. Вы когда-нибудь командовали ирландцами?

– Немного, сэр.

– Понятно. А у меня под началом, после того как нашу службу объединили с ирландским извозчиным корпусом, были десятки этих пройдох. Уж кого-кого, а пэдди я знаю как свои пять пальцев. Служили когда-нибудь в Ирландии, Шарп?

– Нет, сэр.

– А мне вот довелось. Нес гарнизонную службу в Дублинском замке. Полгода мучений, Шарп, – и ни одного сносно приготовленного блюда. Видит бог, я стараюсь быть добрым христианином и любить ближних, но с ирландцами это непросто. Нет, из некоторых получаются лучшие на свете друзья, но какие же они тупицы! Ей-богу, Шарп, я иногда спрашивал себя: уж не морочат ли они мне голову? Не притворяются ли, что не понимают самых простых приказов? Как вам такое? И вот еще что, Шарп. От нас с вами требуется предельное благоразумие. Ирландцы... – тут Рансимен с трудом наклонился вперед, как будто хотел доверить Шарпу нечто очень важное, – в большинстве своем римские католики. Паписты! Так что будем осторожнее в высказываниях на теологические темы, чтобы не вызвать возмущение! И пусть мы с вами знаем, что римский папа есть реинкарнация вавилонской блудницы, но, заявив это вслух, мы делу не поможем. Понимаете, что я имею в виду?

– Вы имеете в виду, сэр, что на Золотое руно тогда рассчитывать не придется?

– Вот молодец! Я знал, что вы поймете. Будем дипломатичными, Шарп. Будем понимающими и сдержанными. Давайте относиться к этим парням так, словно они англичане. – Рансимен задумался над собственным предложением и нахмурился. – Ну почти англичане. Вы ведь из рядовых, да? Наверное, такие вещи не вполне для вас очевидны, но помните одно: помалкивайте о папе римском, и худа не будет... Да, и скажите своим парням, пусть тоже помалкивают, – поспешил добавить Рансимен.

– У меня, сэр, католиков хватает, – сказал Шарп. – Как и ирландцев.

– Так и должно быть. Каждый третий в этой армии – ирландец! Если когда-нибудь вспыхнет мятеж... – Полковник Рансимен вздрогнул, представив бунтующих папистов в красных мундирах. – Нет, об этом лучше не думать. Просто не обращайте внимания на их мерзкую ересь, пропускайте мимо ушей. Невежество – вот единственная возможная причина папизма, как всегда говорил мой дорогой отец, а сжигать их на костре – единственное известное лекарство. Он был епископом и в таких делах разбирался. И еще одно, Шарп: я был бы обязан, если бы вы не обращались ко мне «полковник Рансимен». Замена еще не случилась, так что я остаюсь генерал-вагенмейстером и называть меня следует генералом Рансимоном.

– Конечно, генерал, – согласился Шарп, скрывая улыбку.

Прослужив в армии девятнадцать лет, он хорошо знал таких, как Рансимен. Этот человек покупал себе каждое повышение вплоть до подполковника, а дальнейшее продвижение застопорилось, потому что получить звание выше можно только по выслуге лет или за заслуги. Но если Рансимен хочет называться генералом, почему бы и не подыграть? Шарп уже понял, что договориться с Рансимоном будет нетрудно, а враждовать с ним из-за мелочей нет смысла.

– Вот и чудесно! А! Видите хлюпика? Того, что уходит? – Рансимен указал на мужчину, вставшего из-за стола. – Он оставил полбутылки вина. Видите? Заберите, Шарп, будьте добрым товарищем. Пока та горбунья не унесла. Я бы сам сходил, но чертова подагра житья сегодня не дает. Давайте же, умираю от жажды!

Подбирать, как нищему, с чужого стола Шарпу не пришлось. От унижения его спасло появление майора Майкла Хогана, вернувшего капитана к столу, заваленному остатками Рансимонова обеда.

– Добрый день, полковник, – сказал Хоган, – притом чудесный день, не правда ли?

Шарп заметил, что Хоган нарочно усиливает свой ирландский акцент.

– Жарко, – отозвался Рансимен, промокая салфеткой стекающий по пухлым щекам пот. В следующий момент, осознав, что сидит с голым животом, полковник безуспешно попытался стянуть края корсета. – Чертовски жарко.

– Это все солнце, полковник, – совершенно серьезно объяснил Хоган. – Я обратил внимание: когда солнце, день обычно выдается жаркий. Вы заметили?

– Ну конечно, все дело в солнце! – растерянно согласился Рансимен.

– Значит, я прав! Удивительно, да? А как насчет зимы, полковник?

Рансимен перевел страдальческий взгляд на оставленную бутылку. Он хотел было снова отправить за ним Шарпа, но подавальщица оказалась проворнее.

– Проклятье! – уныло пробормотал Рансимен.

– Вы что-то сказали, полковник? – Хоган взял из миски пригоршню вишен.

– Ничего, Хоган, просто приступ подагры. Мне нужна хассонова вода, но здесь ее чертовски трудно найти. Вы не могли бы послать запрос в Лондон, в конную гвардию? Должны же штабные понимать, что мы здесь нуждаемся в лечении. И еще кое-что, Хоган...

– Говорите, полковник. Я к вашим услугам.

Рансимен покраснел. Он понимал, что над ним смеются, но, пусть и был выше ирландца по званию, побаивался Хогана из-за его близости к Веллингтону.

– Как вам известно, я все еще генерал-вагенмейстер, – через силу выговорил Рансимен.

– Совершенно верно, полковник, совершенно верно. И должен сказать, превосходный. Веллингтон вспоминал о вас буквально на днях. Хоган, сказал он, вы когда-нибудь видели, чтобы фургонами распорядились так умело?

– Веллингтон так сказал? – удивился Рансимен.

– Да, полковник, так и сказал.

– Что ж, я вовсе не удивлен, – кивнул Рансимен. – Моя дорогая матушка всегда говорила, что у меня организационный талант. Но суть в том, майор, – продолжил полковник, – что, пока замены не найдено, я остаюсь генерал-вагенмейстером, – он сделал упор на слово «генерал», – а посему был бы весьма обязан, если бы вы обращались ко мне...

– Мой дорогой генерал-вагенмейстер, – прервал Хоган мучительную попытку Рансимена, – почему вы не сказали сразу? Конечно, я буду обращаться к вам как к генерал-вагенмейстеру и прошу прощения, что не додумался до этой простой любезности самостоятельно. Но теперь, дорогой генерал-вагенмейстер, вы должны извинить меня: Ирландская королевская рота достигла окраины города и мы должны ее встретить. Вы готовы? – Хоган кивком указал на выход.

Перспектива физического усилия смутила Рансимена.

– Прямо сейчас, Хоган? Сию минуту? Но я не могу. Рекомендация доктора. Человек моей конституции должен отдохнуть после... – Он сделал паузу, подбирая правильное слово. – После... – И снова потерпел неудачу.

– После трудов праведных? – любезно предложил Хоган. – Очень хорошо, генерал-вагенмейстер, я передам лорду Кили, что вы встретите его и его офицеров на приеме у генерала Вальверде сегодня вечером, а сейчас Шарп отведет солдат в Сан-Исидро.

– Вечером у Вальверде, – согласился Рансимен. – Очень хорошо. И еще, Хоган... О моей должности...

– Не благодарите, генерал-вагенмейстер. Вы только смутили бы меня благодарностью, право слово! Я уважаю ваши пожелания и прикажу всем остальным поступать так же. Идемте, Ричард! Где ваши зеленые кители?

– В пивной, сэр, при постоялом дворе, – сказал Шарп.

Стрелки должны были отправиться вместе с ним в форт Сан-Исидро, заброшенную крепость на португальской границе, чтобы там помогать капитану в обучении Ирландской королевской роты тактике стрелкового боя.

– Боже мой, Ричард, ну и глупец же этот Рансимен! – добродушно заметил Хоган, когда они вышли за ворота постоянного двора. – Смешной дуралей, наверное худший генерал-ваген-мейстер за всю историю. Пес Макгиллигана и тот бы справился с этой работой лучше, а он был слепой, припадочный и зачастую пьяный. Вы не знали Макгиллигана? Хороший сапер, но свалился со старого мола в Гибралтаре и утонул, выпив две кварты хереса, упокой Господь его душу. Бедный пес был безутешен, так что пришлось пристрелить. Парни из Семьдесят третьего Хайлендского сделали все честь по чести: с полной расстрельной командой и последующими воинскими почестями. Рансимен нужен лишь для того, чтобы польстить ирландцам. Пусть мнят, будто мы принимаем их всерьез. Но это не ваша задача, вы меня понимаете?

– Нет, сэр, – сказал Шарп. – Совершенно не понимаю, сэр.

– Вы плохо соображаете, Ричард. – Хоган, остановившись, взялся за серебряную пуговицу на мундире капитана, чтобы заострить его внимание. – Все, что мы сейчас делаем, имеет лишь одну цель: огорчить лорда Кили. Ваша задача – стать занозой в его заднице. Мы не желаем видеть здесь ни его самого, ни его треклятую королевскую роту, но и сказать прямо, чтобы убирались прочь, не можем, потому что это было бы недипломатично. Вам следует предпринять все возможное для того, чтобы они ушли сами... О, простите, – извинился майор, потому что пуговица оказалась у него в руке. – Эти негодники не внушают доверия, Ричард, и нужен приемлемый способ избавиться от них. Делайте все, что угодно, чтобы оскорбить их чувства, а вежливым пусть будет Бочонок Рансимен. Его миссия – примирять и успокаивать, чтобы не думали, будто мы намеренно грубы. – Хоган улыбнулся. – В самом худшем случае вас обвинят в том, что вы не джентльмен.

– Но я ведь и вправду не джентльмен, не так ли?

– Так уж вышло, что да – вы не джентльмен, и это один из ваших недостатков, но давайте не будем сейчас из-за него беспокоиться. Помогите мне избавиться от Кили и его веселой компании. Устройте так, чтобы они боялись вас! Заставьте их мучиться и страдать! Но самое главное, Ричард, прошу вас, умоляю: заставьте ублюдков уйти!

Кто-то мог называть их ротой, но на самом деле это был небольшой батальон, один из пяти, составлявших дворцовую гвардию королевского двора Испании. Во времена, когда она несла службу во дворце Эскориал в пригороде Мадрида, в списочном составе роты значилось триста четыре гвардейца. Однако после пленения короля Испании и в результате нарочито пренебрежительного отношения со стороны французов ее численность изрядно сократилась, а путешествие морем вокруг Испании ради соединения с британской армией еще больше проредело ее ряды. Так что, когда рота прибыла в предместье Вилар-Формозу, в строю стояли сто шестьдесят три гвардейца. Их сопровождали тринадцать офицеров, священник, восемьдесят девять жен, семьдесят четыре ребенка, шестнадцать слуг, двадцать две лошади, дюжина мулов и одна любовница, как сказал Шарпу Хоган.

– Одна любовница? – недоверчиво переспросил Шарп.

– Шлюх у них, наверное, с дюжину. Или даже с две дюжины! А может, и целый бродячий бордель, но его светлость предупредил меня, что рассчитывает на особое отношение к нему и его подруге. Имейте в виду, этой особы здесь еще нет, но его светлость сказал мне, что ожидает ее скорого прибытия. Предполагается, что донья Хуанита де Элиа прокладывает себе путь через позиции противника, используя свое очарование. И все для того, чтобы согреть постель его светлости. А если она – та самая Хуанита де Элиа, о которой мне доводилось слышать, то в деле согревания постели у нее большой опыт. Знаете, что о ней говорят? Что она коллекционирует мундиры мужчин, с которыми спит! – Хоган усмехнулся.

– Если она намерена пересечь линию фронта здесь, – сказал Шарп, – только очень большое везение поможет ей избежать встречи с бригадой Лу.

– Откуда, черт возьми, вам известно о Лу? – вскинулся Хоган.

Большинство знакомых видели в ирландце доброжелательного и остроумного приятеля, но Шарп знал, что дружелюбие маскирует острый как бритва ум, и сам тон вопроса внезапно обнажил эту сталь. Тем не менее для стрелка Хоган был прежде всего другом, и на пару секунд возникло искушение рассказать о встрече с бригадным генералом и о незаконной казни двух солдат в серой форме. Но Шарп вовремя спохватился: об этом инциденте лучше позабыть.

– Здесь все знают о Лу, – ответил он. – На границе и дня не проходит, чтобы кто-нибудь не упомянул его.

– Так и есть. – Объяснение Шарпа развеяло подозрения Хогана. – Но не пытайтесь познакомиться с ним поближе. Лу – плохой мальчик. Позвольте мне позаботиться о нем, а вы позаботьтесь об этом гвардейском недоразумении.

Сопровождаемые стрелками, Хоган и Шарп завернули за угол и увидели Ирландскую королевскую роту, выстроившуюся для смотра на пустыре напротив недостроенной церкви.

– Наши новые союзники, – с кислым видом сказал Хоган, – и, хотите верьте, хотите нет, это их повседневная форма.

Повседневная форма Ирландской королевской роты отличалась пышностью и безвкусицей, превосходя в этом отношении даже полные парадные мундиры большинства британских линейных батальонов. Гвардейцы носили короткий красный фрак с фалдами, обшитыми черной каймой с позолоченной бахромой. Таким же черным с золотом шнуром были обшиты петлицы и воротники, тогда как отвороты, обшлага и задники фалд были изумрудно-зелены. Бриджи и жилеты когда-то были белыми; высокие, до икр, ботинки, ремни и портупеи изготовлены из черной кожи; пояс имел зеленый цвет, как и высокий плюмаж, крепящийся сбоку черного бикорна. На позолоченной кокарде изображены башня и стоящий на задних лапах лев; те же символы украшали роскошную, зеленую с золотом перевязь, которую носили сержанты и мальчишки-барабанщики. Подойдя ближе, Шарп увидел, что великолепная форма выцвела и истрепалась, хотя и выглядит вполне нарядно в ярком свете весеннего дня. Вот только сами гвардейцы производили впечатление не бравых воинов, а людей подавленных, усталых и раздраженных.

– Где офицеры? – спросил Шарп.

– Ушли в таверну на ланч.

– Они что же, не едят со своими людьми?

– Определенно, нет. – В голосе Хогана нота осуждения прозвучала не так явно, как у Шарпа. – Только не надо сочувствия, Ричард. Эти парни и не должны вам нравиться, не забыли?

– Они говорят по-английски?

– Так же, как мы с вами. Половина из них родились в Ирландии, другая половина – потомки ирландских эмигрантов. Есть и такие, что прежде носили красные мундиры. – Хоган намекал на то, что эти люди дезертировали из британской армии.

Шарп обернулся и подозвал Харпера.

– Давай-ка взглянем на дворцовую гвардию, сержант, – сказал он. – Пусть встанут разомкнутым строем.

– Как мне к ним обращаться? – спросил Харпер.

– Пусть будет «батальон», – предложил Шарп.

Харпер глубоко вдохнул.

– Батальон! Смирно! – гаркнул сержант.

Стоявшие ближе вздрогнули, дальние замерли от неожиданности, но лишь немногие вытянулись по струнке.

– Для осмотра – разомкнись! – проревел он, и опять лишь немногие пришли в движение и выполнили команду.

Некоторые уставились на Харпера непонимающе, большинство же повернулось за указаниями к своим сержантам. Один из последних, демонстрируя роскошную перевязь, шагнул к Шарпу с явным намерением выяснить, каковы полномочия стрелков, но Харпер не дал ему шанса.

– Живее, паршивцы! – заорал он со своим донегольским акцентом. – Вы на войне, а не королевский горшок стережете. Ведите себя как порядочные шлюхи. Приказ – раздвинуться!

– Помнится, ты когда-то не хотел быть сержантом, – негромко проворчал Шарп, наблюдая за тем, как обескураженные гвардейцы выполняют команду Харпера. – Подойдете, майор? – обратился он к Хогану.

– Я подожду здесь, Ричард.

– Тогда начнем, сержант, – сказал Шарп, и стрелки приступили к осмотру первой шеренги.

Как всегда бывает в таких случаях, позади них, карикатурно изображая из себя офицеров, следовала стайка мальчишек, но после того, как самый дерзкий получил от Харпера в ухо и, утирая слезы, ретировался, шайка рассеялась во избежание худшего.

В первую очередь Шарп осматривал мушкеты, а не солдат, но при этом каждому он заглядывал в глаза, оценивая степень готовности и уверенности. Гвардейцы восприняли смотр с очевидным возмущением, что и неудивительно, поскольку многие, будучи ирландцами, были оскорблены самим фактом перехода их подразделения в британскую армию. Добровольно вступая в Ирландскую королевскую роту, они полагали, что будут защищать католического короля, а здесь их третировали люди протестантского монарха. Что еще хуже, многие были горячими ирландскими патриотами, самыми ревностными защитниками своей страны, какими могут быть только изгнанники, и вот теперь им предложили сражаться заодно с угнетателями их родины.

И все же Шарп, сам начинавший рядовым, чувствовал в них больше страха, чем гнева. Может быть, спрашивал он себя, гвардейцы просто-напросто боятся, что их попросят стать настоящими солдатами? Судя по состоянию оружия, Ирландская королевская рота давно перестала даже пытаться изображать из себя боевое подразделение. Мушкеты не вызвали иных чувств, кроме стыда. Гвардейцы были вооружены относительно новыми мушкетами испанского производства, однако пользоваться ими было невозможно из-за ненадлежащего обращения: замки заржавели, в стволах запеклась пороховая гарь. У кого-то не было кремня, у кого-то кожаной прокладки под кремнь, а у одного мушкета отсутствовал даже крепежный винт.

– Ты когда-нибудь стрелял из этого мушкета, сынок? – спросил Шарп.

– Нет, сэр.

– А ты вообще когда-нибудь стрелял из мушкета, сынок?

Парнишка растерянно оглянулся на своего сержанта.

– Отвечай офицеру, парень! – рыкнул Харпер.

– Один раз, сэр. Всего один раз.

– Если захочешь кого-нибудь убить этой штукой, лупи по башке. – Шарп вернул мушкет солдату. – Парень ты здоровый, сил хватит.

– Как зовут, солдат? – спросил Харпер.

– Рурк, сэр.

– Я не сэр, не обзывай меня так. Я сержант. Ты откуда?

– Мой отец из Голуэя, сержант.

– А я из Тангавина в графстве Донегол, и мне стыдно, парень, что такой же ирландец, как я, не способен содержать оружие в приличном состоянии. Господи, да ты и француза не подстрелишь из этой штуки, не говоря уж об англичанине. – Харпер снял с плеча винтовку и сунул под нос Рурку. – Смотри сюда, парень! Чистая, ею даже у короля Георга в носу можно ковырять. Вот так должно выглядеть оружие!.. Справа, сэр... – добавил он вполголоса.

Шарп повернулся и увидел двух всадников, скачущих через пустырь в его направлении. Из-под копыт летела пыль. Первым, на прекрасном вороном жеребце, ехал офицер в великолепном обмундировании Ирландской королевской роты – его фрак, шляпа, вальтрап и упряжь были щедро украшены золотыми кистями, петличками и бахромой. Второй всадник не уступал первому в роскоши. За этой парой следовала небольшая группа, осадившая коней, когда ее перехватил Хоган. Майор поспешил было за двумя первыми всадниками, но они уже успели добраться до Шарпа.

– Что, черт возьми, вы здесь делаете? – спросил первый, остановив коня в шаге от Шарпа.

На загорелом лице выделялись аккуратно подстриженные, напояженные и скрученные в острые кончики усы. На вид ему было ближе к тридцати, но, несмотря на молодость, его тонкие черты, угрюмые и уже отмеченные порчей, носили печать врожденного высокомерия, как у существа высшего порядка.

– Провожу смотр, – холодно ответил Шарп.

Второй всадник остановился в стороне от него. Этот был старше и носил ярко-желтую форму испанского драгуна, но украшений в виде золотых цепей, кистей и аксельбантов на кителе было столько, что Шарп предположил, будто перед ним по меньшей мере генерал. На вытянутом усатом лице лежало то же, что и у его спутника, властное выражение.

– Вас разве не учили, прежде чем устраивать смотр солдатам, испрашивать разрешение у командира? – спросил драгун с густым испанским акцентом и что-то сказал своему младшему товарищу.

– Старший сержант Нунан! – выкрикнул младший офицер, очевидно передавая команду старшего. – Сомкнуть строй!

Старший сержант Ирландской королевской роты послушно перестроил людей, но тут на помощь Шарпу пришел Хоган.

– Вы уже здесь, милорды, – обратился он к всадникам. – И как ланч?

– Дерьмовый, Хоган. Я бы этим и собаку не стал кормить, – ответил младший (Шарп предположил, что это и есть лорд Кили) ломким, сухим голосом, в котором сквозило равнодушие и ощущалось влияние алкоголя.

Похоже, решил Шарп, его светлость за ланчем промочил горло, да так щедро, что изрядно ослабил поводья.

– Хоган, вы знаете этого? – Лорд кивнул на Шарпа.

– Разумеется, милорд. Позвольте представить – капитан Ричард Шарп, Южный Эссекский полк. Именно его Веллингтон желает видеть вашим инструктором по тактике. Ричард, имею честь представить вам графа Кили, полковника, командира Ирландской королевской роты.

Кили мрачно посмотрел на одетого в лохмотья стрелка.

– Так это вы будете учить моих солдат строевому шагу? – В его словах звучало сомнение.

– Еще я учу убивать, милорд, – ответил Шарп.

Старший испанец в желтой униформе усмехнулся.

– Эти люди не нуждаются в таких уроках, – сказал он на английском с испанским акцентом. – Они солдаты Испании и знают, как убивать. Им должно научиться умирать.

– Позвольте представить, – снова вмешался Хоган, – его превосходительство дон Луис Вальверде. Генерал – главный полномочный представитель Испании в нашей армии. – Майор подмигнул Шарпу так, чтобы это не заметили испанцы.

– Научиться умирать? – обратился к генералу Шарп.

Высказывание сбило его с толку, и он решил уточнить, правильно ли понял испанца.

Вместо ответа генерал в желтом мундире тронул бока своего коня, направив его вдоль первой шеренги, и, ничуть не заботясь о том, следует Шарп за ним или нет, прочел стрелку небольшую лекцию.

– Эти люди идут на войну, капитан Шарп. – Генерал Вальверде говорил достаточно громко, так чтобы его слышала большая часть гвардейцев. – Они идут воевать за Испанию, за короля Фердинанда и святого Иакова, а воевать – значит стоять перед врагом гордо и смело. Воевать – значит смотреть врагу в глаза, когда он стреляет в тебя. На войне, капитан Шарп, побеждает та сторона, которая простоит гордо и смело дольше, чем другая. Так что не учите этих солдат убивать или сражаться, а учите стоять, выпрямившись во весь рост и расправив плечи, когда на них обрушивается ад. Вот чему учите их, капитан Шарп. Учите дисциплине. Учите исполнительности. Учите держаться дольше, чем французы. Учите их... – генерал наконец повернулся в седле и свысока посмотрел на стрелка, – учите их умирать.

– Я лучше научу их стрелять, – сказал Шарп.

Генерал усмехнулся.

– Разумеется, они умеют стрелять, – сказал он. – Они солдаты!

– Они могут стрелять из этих мушкетов? – криво улыбнулся Шарп.

Вальверде посмотрел на Шарпа с жалостью:

– В течение двух лет, капитан Шарп, эти солдаты исполняли почетные обязанности, несли службу с молчаливого согласия французов. – Вальверде говорил таким тоном, словно обращался к невежественному ребенку. – Вы действительно думаете, что им позволили бы остаться там, если бы они представляли угрозу для Бонапарта? Чем хуже выглядело их оружие, тем больше французы доверяли им, но теперь они здесь, и вы можете вручить им новое оружие.

– Для чего? Чтобы они стояли и покорно умирали?

– А как, по-вашему, они должны воевать? – спросил следовавший за ними лорд Кили.

– Как мои люди, милорд. С умом. Когда воюешь с умом, то в первую очередь убиваешь вражеских офицеров. – Шарп повысил голос, чтобы его могла слышать вся Ирландская королевская рота. – Вы идете в бой не для того, чтобы стоять и умирать, как бычки на бойне, вы идете, чтобы победить, и вы начинаете побеждать, когда офицеры противника мертвы.

Шарп отошел от Кили и Вальверде и заговорил громко, в полную силу, тем голосом, который он выработал сержантом, – голосом, который разлетался над продуваемым ветрами плацем и перекрывал смертельное громохание битвы.

– Вы начинаете с того, что отыскиваете офицеров противника. Их легко узнать, потому что они – богатенькие расфуфыренные ублюдки с саблями. Убивайте их любым способом, каким только сможете. Стреляйте, забивайте прикладом, колите штыком, душийте, если понадобится. Убейте этих ублюдков, потом убивайте сержантов, а потом наконец можете убивать остальных, этих оставшихся без командиров бедолаг. Разве не так, сержант Харпер?

– Точно так, – отозвался Харпер.

– И скольких офицеров ты убил в сражении? – спросил Шарп, не оглядываясь на сержанта-стрелка.

– Больше, чем могу сосчитать, сэр.

– И они все были лягушатники, сержант Харпер? – спросил Шарп, и Харпер, удивленный вопросом, не ответил, поэтому Шарп сделал это за него. – Конечно же нет. Мы убивали офицеров в синих мундирах, офицеров в белых мундирах и даже офицеров в красных мундирах, потому что мне все равно, за какую армию сражается офицер, какого цвета носит мундир и какому королю служит: плохой офицер должен быть мертвым офицером, и хороший солдат должен уметь его убить. Так, сержант Харпер?

– Истинно так, сэр.

– Меня зовут капитан Шарп. – Шарп стоял прямо по центру перед ротой. На лицах смотревших на него людей удивление смешалось с недоверием, но он завладел их вниманием, и ни Кили, ни Вальверде не посмели его перебить. – Меня зовут капитан Шарп, – повторил он, – и я начинал, как и вы, рядовым в строю. А закончить собираюсь, как он, – Шарп указал на лорда Кили, – в седле. – Но пока что мое дело – научить вас быть солдатами. Уверен, среди вас есть

и хорошие убийцы, и хорошие драчуны, а скоро вы станете еще и хорошими солдатами. Но до вечера еще далеко, и раз уж вы все здесь, вас накормят, вам укажут ночлег, и мы узнаем, когда вам в последний раз платили жалованье. Сержант Харпер! Мы закончим смотреть позже. Ведите их!

– Сэр! – крикнул Харпер. – Батальон... напра-во! Левой... марш!

Шарп даже не взглянул на лорда Кили, не говоря уже о том, чтобы испросить у его светлости разрешение увести роту. Вместо этого он просто наблюдал, как Харпер ведет гвардию через пустырь к главной дороге. За спиной слышал шаги, но не обернулся.

– Ей-богу, Шарп, вы испытываете судьбу, – сказал майор Хоган.

– Ничего другого мне не остается, сэр, – с горечью ответил Шарп. – Я с правом на офицерский чин не родился, и такого кошелька, чтобы его купить, у меня нет, как нет и привилегий, чтобы получить даром. Так что только на судьбу и приходится рассчитывать.

– И читать лекции, как убивать офицеров? – В голосе Хогана прозвучало явное неодобрение. – Пэру² такое не понравится, Ричард. Это пахнет республиканизмом.

– Имел я этот республиканизм! Но вы сами заявили, что этой роте нельзя доверять. И я вам, сэр, скажу так: если в ней и есть предатели, то не среди рядовых. Французам заговорщики-солдаты без надобности. У нижних чинов нет власти. Эти парни такие же, как все солдаты, – жертвы своих офицеров, и если вы хотите найти, где французы посеяли семена смуты, сэр, ищите среди богатеньких, расфуфыренных, откормленных офицеров. – Шарп бросил презрительный взгляд на офицеров Ирландской королевской роты, которые, казалось, пребывали в неуверенности и не могли решить, следовать им за своими солдатами или нет. – Там они, сэр, гнилые яблоки, – продолжил Шарп, – а не в солдатском строю. Я с удовольствием буду драться заодно с этими гвардейцами, как и с любыми солдатами в мире, но я не доверю свою жизнь этому сброду надушенных дураков.

Хоган сделал успокоительный жест, будто опасался, что Шарпа услышат и без того взволнованные офицеры.

– Я понял, Ричард, вашу точку зрения.

– Моя точка зрения, сэр, такая, как вы приказали: позаботиться о том, чтобы жизнь им медом не казалась. Именно этим я и занимаюсь.

– Вряд ли я хотел, чтобы вы, Ричард, революцию здесь затеяли. И уж конечно, не на глазах у Вальверде. Будьте с ним помягче. Когда-нибудь, если повезет, вы сможете убить его для меня, но до того, как этот счастливый день наступит, вы должны умашивать ублюдка. Если мы хотим, чтобы испанские армии имели надлежащее командование, Ричард, таких, как дон Луис Вальверде, следует хорошенько подмазывать, так что прошу вас: не проповедуйте в его присутствии революционные идеи. Он всего лишь безмозглый аристократ, и его мысли не идут дальше хорошей еды и последней любовницы, но, если мы собираемся разбить французов, нам нужна будет его поддержка. Вальверде ждет от нас хорошего отношения к роте, так что, когда он поблизости, будьте дипломатичны, ладно?

Хоган обернулся – к ним приближалась группа офицеров Ирландской королевской роты во главе с лордом Кили и генералом Вальверде. Между двумя аристократами на костистой чалой кобыле ехал высокий, пухлый священник.

– Это отец Сарсфилд. – Кили представил священника Хогану, намеренно игнорируя Шарпа, – наш капеллан. Отец Сарсфилд и капитан Донахью отправятся с ротой сегодня вечером, остальные офицеры посетят прием у генерала Вальверде.

– Где вы встретите полковника Рансимена, – пообещал Хоган. – Я думаю, он понравится вашей светлости.

² Пэр (англ. Peer) – одно из прозвищ Веллингтона после 1808 г., когда он стал виконтом. Другие – Железный Герцог, Старый Носач.

– Вы имеете в виду, что он знает, как должно обращаться с гвардией короля? – спросил генерал Вальверде, пристально глядя при этом на Шарпа.

– Я знаю, как обращаться с гвардией короля, сэр, – вмешался Шарп. – С телохранителями короля мне тоже приходилось иметь дело.

Кили и Вальверде уставились на Шарпа чуть ли не с открытым презрением, но Кили не смог удержаться от соблазна высмеять реплику стрелка.

– Вы говорите, как я полагаю, о лакеях ганноверца? – спросил он тоном изрядно выпившего человека.

– Нет, милорд, – сказал Шарп. – Это было в Индии. Те, о ком я говорю, охраняли толстенького ублюдка, называвшего себя султаном Типу.

– И вы обучили их, разумеется? – поинтересовался Вальверде.

– Я убил их, – ответил Шарп, – и толстого ублюдка тоже.

Выражение надменности словно смело с лиц обоих испанцев, а перед Шарпом вдруг с полной ясностью предстала картина: тоннель, заполненный орущими индусами с украшенными драгоценными камнями мушкетами и саблями с широким клинком. Стоя по колено в пенящейся воде, Шарп дрался в темноте, убивал одного за другим телохранителей, чтобы добраться до этого толстяка с лоснящейся кожей и блестящими глазами, мерзавца, до смерти замучившего товарищей Шарпа. Он помнил отдающиеся эхом крики и грохот мушкетов, вспышки выстрелов, отражавшиеся в воде, и блеск драгоценных камней на шелковых одеяниях Типу. Он помнил смерть Типу, и это было одно из немногих убийств, воспоминания о которых приносили удовлетворение.

– Султан был настоящим подонком, – с чувством сказал Шарп, – но умер как мужчина.

– У капитана Шарпа, – торопливо вставил Хоган, – есть определенная репутация в нашей армии. Возможно, вы и сами о нем слышали, милорд, – именно капитан Шарп захватил «орла» при Талавере.

– Вместе с сержантом Харпером, – уточнил Шарп, и офицеры лорда Кили воззрились на него с еще большим интересом.

Любой солдат, отбивший штандарт противника, становится знаменитым, и лица большинства офицеров гвардии выразили уважение, а священник, отец Сарсфилд, отреагировал особенно живо.

– Боже мой, еще бы я не помнил! – воскликнул он с энтузиазмом. – И разве это не воодушевило всех испанских патриотов в Мадриде?! – Он неуклюже соскочил с лошади и протянул Шарпу пухлую ладонь. – Это честь для меня, капитан, честь! Даже притом, что вы – безбожный протестант! – Последнее было сказано с широкой дружеской усмешкой. – Вы ведь язычник, Шарп? – уже серьезно спросил священник.

– Я ни то и ни другое, отец.

– Мы все что-то в глазах Бога, сын мой, и любимы Им за это. Мы с вами еще поговорим, Шарп. Я расскажу вам о Боге, а вы должны рассказать мне, как лишить проклятых французов их «орлов». – Священник с улыбкой посмотрел на Хогана. – Ей-богу, майор, вы оказываете нам честь, даря такого человека, как Шарп!

После того как стрелка одобрил священник, офицеры Ирландской королевской роты примирились с Шарпом и только лицо Кили потемнело от отвращения.

– Вы закончили, отец? – спросил Кили с сарказмом.

– У меня свое отношение к капитану Шарпу, милорд. Мы увидимся с вами утром.

Кили кивнул и погнал коня прочь. Офицеры поехали за ним, предоставив Шарпу, священнику и капитану Донахью следовать за растянувшейся ротной колонной, обозом, слугами и солдатскими женами.

К сумеркам Ирландская королевская рота дошла до отдаленного форта Сан-Исидро, выбранного Веллингтоном для ее квартирования. Португальцы давно покинули устаревшую

во всех отношениях крепость, так что усталым солдатам пришлось сначала вычистить грязные каменные бараки. Воротную башню отвели офицерам, отец Сарсфилд и Донахью устроились там весьма комфортно, тогда как Шарп и его стрелки приспособили под жилье бывший склад боеприпасов. Сарсфилд привез в багаже королевское знамя Испании, которое теперь гордо реяло на крепостной стене рядом с флагом Великобритании.

– Мне шестьдесят, – сказал священник. – Вот уж не чаял, что когда-нибудь придется служить под этим знаменем.

Шарп посмотрел вверх:

– Вас это беспокоит, отец?

– Наполеон беспокоит меня куда больше, сын мой. Победим Наполеона, и тогда можно будет поискать противника послабее, вроде вас! – Это было сказано дружеским тоном. – И еще беспокоит, сын мой, – продолжал отец Сарсфилд, – что у меня есть восемь бутылок приличного красного вина, дюжина хороших сигар и один лишь капитан Донахью, чтобы разделить их со мной. Вы окажете мне честь, если присоединитесь к нам за ужином. И скажите, вы играете на каком-нибудь инструменте? Нет? Печально. У меня была скрипка, правда она где-то потерялась, однако сержант Коннор прекрасно играет на флейте, и солдаты в его отделении поют очень красиво. Они поют о доме, капитан.

– О Мадриде? – усмехнулся Шарп.

Сарсфилд улыбнулся:

– Об Ирландии, капитан, о нашей родине за морями, где не многие из нас когда-либо бывали и где большинству из нас не суждено побывать. Ну, пойдемте ужинать.

Священник дружелюбно приобнял Шарпа за плечи и повел к башне у ворот.

Над голыми вершинами задул холодный ветер, наступила ночь, и от первых кухонных костров в небо потянулись струйки синеватого дыма. На холмах выли волки. Зверей этих в Испании и Португалии много, и зимой они порой забегают к линии дозоров, чтобы стащить у зазевавшегося солдата еду. Но этой ночью волки напомнили Шарпу французов в серой форме бригады Лу.

Шарп поужинал с капелланом, а потом вместе с Харпером обошел под ярким звездным небом крепостные стены. Внизу, в казармах, солдаты Ирландской королевской роты жаловались на превратности судьбы, забросившей их на неприветливую границу между Испанией и Португалией, но Шарп, получивший приказ сделать их жизнь невыносимой, думал о том, возможно ли вместо этого превратить гвардейцев в настоящих солдат, с которыми он мог бы отправиться через холмы далеко в Испанию – туда, где водится волк, которого нужно обложить, загнать в западню и зарезать.

Пьер Дюко с растущим нетерпением ждал вестей о прибытии Ирландской королевской роты в армию Веллингтона. Больше всего француз опасался, что часть будет расквартирована в глубоком тылу и он не сможет использовать ее в своих целях, но риск этот был вынужденный и рассчитанный. С тех пор как французская разведка перехватила письмо лорда Кили, просившего у короля Фердинанда разрешения отправиться с гвардейцами воевать на стороне союзников, Дюко знал, что успех его плана зависит от невольного сотрудничества союзников в не меньшей степени, чем от его собственного таланта. Однако при всем своем уме Дюко был бессилен без ирландцев.

Новости с британской стороны поступали редко. Было время, когда солдаты Лу могли безнаказанно хозяйничать по обе стороны условной линии фронта, но теперь британские и португальские армии надежно укрепили ее и разведка Лу зависела от горстки ненадежных гражданских, согласных продавать информацию ненавистным французам, от допросов дезертиров и от умозрительных выводов из донесений его собственных подчиненных, которые рассматривали горные долины в подзорную трубу.

И вот один из этих разведчиков принес Лу известие о гвардейской роте. Отряд серых драгун отправился на одинокую вершину, которая позволяла заглянуть достаточно далеко вглубь Португалии и при некотором везении обнаружить скопление британских войск, что могло свидетельствовать о подготовке нового наступления. Наблюдательный пост возвышался над широкой бесплодной долиной, где блестел ручей у подножия скалистого хребта; на этом хребте стоял давно заброшенный форт Сан-Исидро. Военная ценность форта была невелика, поскольку дорогой, которую он охранял, давно не пользовались и столетие небрежения разрушило крепостные валы и рвы, превратив их в пародию на прежнюю мощь, так что Сан-Исидро стал прибежищем ворон, лис, летучих мышей, пастухов, бандитов и случайного разъезда серых драгун, который однажды провел ночь в убогом бараке, укрывшись от дождя.

Однако теперь в форте расположились солдаты, и командир разъезда принес эту новость Лу. Новый гарнизон – это не полный батальон, сказал он, всего пара сотен солдат. Для обороны форта с его осыпающимися стенами требуется не меньше тысячи человек, так что двести солдат никак не могут составить гарнизон, и странно было слышать, что прибывшие привели с собой жен и детей. Командир драгунского разъезда, капитан Бродель, полагал, что солдаты – британцы.

– Они носят красные мундиры, но не обычные печные трубы вместо шляп. – (Капитан имел в виду кивера.) – У них двурогие шляпы.

– Пехота, говоришь?

– Да, сэр.

– Ни кавалерии? Ни артиллерии?

– Не видел.

Лу поковырял в зубах щепкой.

– И что они делают?

– Занимаются строевой, – сказал Бродель.

Лу хмыкнул. Его совершенно не заинтересовали какие-то чудные солдаты, обосновавшиеся в Сан-Исидро. Форт не угрожает ему, и если вновь прибывшие будут сидеть тихо и заниматься своими делами, досаждать им Лу не станет.

И тут капитан Бродель сказал нечто такое, что могло лишить сна самого Лу:

– Но некоторые охраняют крепостные стены. Только они не в красных мундирах, а в зеленых.

Лу уставился на него:

– В темно-зеленых?

– Да, сэр.

Стрелки. Проклятые стрелки. Лу вспомнил наглое лицо человека, оскорбившего и его, и всю Францию; человека, захватившего «орла», которого касался сам император. Возможно ли, что Шарп в Сан-Исидро? Дюко упрекал Лу за жажду мести, называя ее недостойной великого солдата, но генерал верил, что репутация солдата зависит от того, с кем он дерется и насколько убедительно побеждает. Шарп бросил Лу вызов – первый человек за многие месяцы открыто бросил ему вызов, – и Шарп значится в списке главных врагов Франции, а следовательно, месть – не только личное дело Лу. Слух о ней пройдет по всем армиям, ожидающим битвы, которая решит, сможет ли Великобритания пробиться в Испанию или будет отброшена назад, в Португалию.

Вот почему Лу в тот же день забрался на вершину горы, захватив свою лучшую подзорную трубу, и направил эту трубу на старый форт с заросшими сорняком гласисами и полузасыпанным сухим рвом. Два флага свисали с флагштоков в неподвижном воздухе. Один был британским; определить принадлежность второго Лу не смог. Под этими флагами солдаты в красных мундирах отрабатывали приемы обращения с мушкетами, но за ними Лу наблюдал недолго. Вместо этого он повел подзорную трубу к югу и наконец увидел двух мужчин в зеле-

ных мундирах, прогуливавшихся по крепостным стенам. Рассмотреть лица на таком расстоянии он не мог, но заметил, что у одного из них длинный палаш. Лу знал, что британские офицеры легкой пехоты носят сабли с изогнутым клинком.

– Шарп, – произнес он вслух, складывая трубу.

Раздавшийся позади шум заставил его обернуться. Четверо из его серых, как волки, солдат конвоировали пару пленных. Один пленник был в кричаще расшитом красном мундире, вторым была женщина – предположительно, жена солдата или его любовница.

– Прятались в скалах, вот там, – сказал сержант, державший пленника за руку.

– Говорит, что дезертир, сэр, – добавил капитан Бродель, – а это его жена. – Бродель сплюнул на камень табачную жвачку.

Лу спустился вниз. Мундир солдата, как он теперь понял, не был британским. Жилет и пояс, короткие сапоги и бикорн с плюмажем были слишком вычурны для британского вкуса, настолько вычурны, что Лу поначалу принял пленного за офицера, но потом решил, что Бродель никогда бы не позволил себе столь высокомерно обращаться с захваченным офицером. Капитану явно приглянулась женщина, которая подняла глаза и робко посмотрела на Лу. Темноволосая, миловидная, навскидку лет пятнадцати-шестнадцати. Лу слышал, что испанские и португальские крестьяне продают дочерей в жены союзническим солдатам по сотне франков за голову – столько в Париже стоил хороший обед. Французская армия, с другой стороны, брала девочек задаром.

– Как тебя зовут? – спросил Лу на испанском.

– Гроган, сэр. Шон Гроган.

– Из какой ты части, Гроган?

– Из Ирландской королевской роты, сеньор. – Гвардеец Гроган явно желал сотрудничать с теми, кто его захватил, поэтому Лу дал знак сержанту отпустить пленника.

Лу допрашивал Грогана десять минут и узнал, как рота добиралась морским путем из Валенсии, как солдаты радовались возможности присоединиться к испанской армии в Кадисе и как негодовали, когда их отправили служить с британцами. Многие из них, заявил дезертир, бежали от британского рабства, и они не для того поступали на службу к королю Испании, чтобы возвратиться к тирании короля Георга.

Лу перебил дезертира:

– Когда вы бежали?

– Вчера вечером, сэр. Нас с полдюжины улизнуло. И еще многие предыдущей ночью.

– В форте есть англичанин, командир стрелков. Ты знаешь его?

Гроган нахмурился, как будто вопрос показался ему странным, но кивнул:

– Капитан Шарп, сэр. Он вроде как должен нас обучать.

– Обучать чему?

– Военному делу, сэр, – ответил Гроган. Этот одноглазый, говоривший с ним столь спокойно француз пугал его. – Но мы и так умеем воевать, – добавил он вызывающе.

– Уверен, что умеете, – сочувственно произнес Лу и, поковырявшись в зубах, выплюнул самодельную зубочистку. – Значит, ты убежал, солдат, потому что не хочешь служить королю Георгу, так?

– Да, сэр.

– Но за его величество императора ты, конечно же, сражаться будешь?

Гроган заколебался.

– Буду, сэр, – сказал он наконец, но без убежденности.

– Поэтому ты дезертировал? Чтобы драться за императора? Или надеялся возвратиться в уютную казарму в Эскориале?

Гроган пожал плечами:

– Мы шли к ней домой, сэр, в Мадрид. – Он кивнул на жену. – Ее отец сапожник, и я сам неплохо управляюсь с иглой и дратвой. Подумывал обучиться ремеслу.

– Иметь ремесло – дело хорошее, – проговорил Лу с улыбкой и, вынув из-за пояса пистолет, поиграл с ним немного, прежде чем взвести курок. – Мое ремесло – убивать, – добавил он все тем же любезным тоном и, не выказывая ни намека на эмоции, прицелился Грогану в лоб и нажал на спуск.

Кровь мужа брызнула в лицо женщине, и та вскрикнула. Грогана отбросило назад, кровь разлетелась в воздухе красным туманом. Потом тело покатилося вниз по склону холма.

– На самом деле он вовсе не хотел воевать за нас, – сказал Лу. – Был бы только лишний рот.

– А женщина, месье? – спросил Бродель.

Женщина уже склонилась над мертвым мужем и кричала на французов.

– Она твоя, Поль, – ответил Лу. – Но только после того, как доставишь сообщение госпоже Хуаните де Элиа. Передай мадам мое глубочайшее почтение и скажи, что ее игрушечные ирландские солдатики прибыли и расположились совсем близко к нам и что завтра утром мы развлечем их небольшой драмой. Скажи ей также, что она поступит правильно, если проведет ночь с нами.

Бродель ухмыльнулся:

– Она будет довольна, месье.

– Больше, чем твоя женщина, – сказал Лу, глядя на плачущую испанку. – Скажи этой вдове, Поль: если не заткнется, я вырву у нее язык и скормлю псам донья Хуаниты. А теперь иди.

Он повел своих солдат вниз к подножию холма, где стояли на привязи лошади. Этим вечером донья Хуанита де Элиа прибудет в логово волка, а завтра отправится к противнику – как чумная крыса, посланная, чтобы заразить его изнутри.

И когда-нибудь, до того как будет одержана окончательная победа, Шарпа постигнет месть Франции за двух мертвецов. Потому что Лу – солдат и он не забывает, не прощает и никогда не проигрывает.

Глава 3

В первую же ночь пребывания Ирландской королевской роты в форте Сан-Исидро из нее ушли одиннадцать человек; во вторую бежали восемь, включая всех четверых часовых, выставленных, чтобы прекратить дезертирство. Людей в караул назначали сами гвардейцы, и полковник Рансимен предложил Шарпу ставить на часы стрелков. Шарп воспротивился, указывая на то, что задача его людей – обучать гвардейцев и они не могут заниматься этим весь день, а потом еще всю ночь караулить.

– Вы, несомненно, правы, генерал, – тактично сказал Шарп, – но, если нам не пришлют пополнение, работать круглосуточно мы не сможем.

Рансимен, как уже уяснил Шарп, был покладист при условии, что его называют генералом. Полковник хотел одного: чтобы его оставили в покое, не мешали спать, есть и жаловаться на объем работы, исполнения которой от него ждут.

«Даже генерал по большому счету всего лишь человек», – любил он говорить Шарпу, пеня на непосильную нагрузку: совмещение обременительных обязанностей офицера связи с ответственностью за снабжение. На самом деле заместитель полковника, как и прежде, отлично справлялся с этой службой, но до официального назначения нового генерал-вагенмейстера подпись и печать Рансимена требовались на каждом административном документе.

– Но ведь вы могли бы передать печати заместителю, – предложил Шарп.

– Никогда! Не смейте говорить, что Рансимен уклоняется от своих обязанностей. Никогда!

Полковник выглянул из комнаты – посмотреть, как повар распоряжается зайцем, застреленным Дэниелом Хэгменом. Одолеваемый апатией, Рансимен был бы не прочь передать Шарпу свои полномочия в отношении Ирландской королевской роты, но даже для столь беспечного человека девятнадцать дезертиров за две ночи были достаточной причиной для беспокойства.

– Черт побери, приятель! – Он обернулся, убедившись, что дела у повара продвигаются как надо. – Это сказывается на нашей боеготовности, разве вы не понимаете? Нужно что-то делать! Если так пойдет и дальше, через две недели у нас не останется ни души!

Что, подумал Шарп, полностью отвечало бы интересам Хогана. Ирландская королевская рота, как и предполагалось, разваливалась сама по себе. Но Ричард Шарп отвечал за обучение этих парней, и врожденное упрямство не позволяло ему махнуть рукой на вверенную его заботам роту. Черт возьми, он сделает из гвардейцев солдат, хочет того Хоган или нет!

Рассчитывать на помощь лорда Кили не приходилось. Каждое утро его светлость просыпался в дурном расположении духа, которое продолжалось до тех пор, пока прием алкоголя не приводил к приступу веселья, обычно растягивавшегося до вечера, когда веселье сменялось мрачной угрюмостью, усугубленной проигрышем в карты. Потом он спал до позднего утра, и цикл повторялся.

– Как, же, черт подери, – спросил Шарп у заместителя Кили, капитана Донахью, – он заполучил гвардейскую роту?

– Благородное происхождение, – ответил Донахью, бледный, худой, с вечно встревоженным выражением лица, больше походивший на нищего студента, чем на солдата, но из всех офицеров Ирландской королевской роты самый многообещающий. – Командовать королевской гвардией простолюдин не может, – добавил Донахью с оттенком сарказма. – И Кили, когда трезв, умеет произвести впечатление. – Никакого сарказма в последней фразе не прозвучало.

– Впечатление? – спросил Шарп недоверчиво.

– Он хороший фехтовальщик, – ответил Донахью. – Терпеть не может французов и в глубине души хотел бы быть хорошим человеком.

– Кили терпеть не может французов? – недоверчиво спросил Шарп.

– Французы, Шарп, разрушают мир привилегий Кили, – объяснил Донахью. – Он осколок старого режима, поэтому, разумеется, ненавидит их. У него нет денег, но при старом режиме это не имело значения, потому что происхождение и титул позволяли королевским указом получить должность и освобождение от налогов. Но теперь французы проповедуют равенство и продвижение по службе в зависимости от заслуг, это угрожает миру Кили, и он, прячась от этой угрозы, пьет, распутничает и играет в карты. Плоть слаба, Шарп, и особенно слаба, если вам нечем заняться и вы считаете себя осколком ушедшего мира. – Донахью пожал плечами, будто устыдившись собственного красноречия.

Капитан был скромным, но деловитым, и именно на его худых плечах лежало обеспечение повседневной жизнедеятельности гвардии. Он уже заверил Шарпа, что попытается пресечь дезертирство, удвоив численность часовых и набирая в караул только надежных солдат. В то же время капитан обвинил британцев в том, что они создали для его людей трудную ситуацию.

– Почему они отправили нас в эту забытую богом дыру? – спросил Донахью. – Можно подумать, ваш генерал хочет, чтобы наши люди разбежались.

Какого-либо убедительного ответа на это проницательное замечание у Шарпа не нашлось. Он промямлил что-то невнятное о стратегическом положении форта и о необходимости иметь здесь гарнизон, и единственной реакцией Донахью на эту белиберду было вежливое молчание.

Форт Сан-Исидро и в самом деле был богом забытой дырой. Возможно, когда-то он и представлял собой стратегическую ценность, но теперь главная дорога, связывающая Испанию и Португалию, пролегла далеко на юге, так что грозная твердыня пришла в упадок. Сухой ров зарос сорняками, дожди размывали его края, и некогда внушительное препятствие теперь напоминало мелкую канаву. Крепостные стены раскрошились от мороза, камни скатились в ров, образовав бесчисленные мостики к остаткам гласиса. В развалинах колокольни свила гнездо белая сова, и забытые могилы офицеров гарнизона выглядели неглубокими провалами на каменистом лугу. В более или менее пригодном состоянии оставались старые казармы, их наспех ремонтировали во времена политических кризисов, когда в Сан-Исидро размещались португальские полки. Защищаясь от холодных ветров, солдаты заделывали дыры в стенах, а офицеры жили в башне, которая чудом пережила годы небрежения. Сохранились даже ворота, которые по приказу Рансимена закрывались каждую ночь, хотя применение этой меры предосторожности против дезертирства давало такой же эффект, как блокировка одного из ходов разветвленной кроличьей норы.

И все же вопреки упадку форт сохранил остатки прежнего великолепия. К внушительному двухбашенному укреплению, украшенному королевскими гербовыми щитами, подступала четырехарочная насыпь, благодаря чему один участок высохшего рва остался пригодным для отражения возможного приступа. Развалины часовни впечатляли тонкой резьбой по камню, орудийные платформы – величиной и массивностью. Больше всего поражало расположение форта. С его стен открывался величественный вид: за туманные вершины к невообразимой дали горизонта. Восточные стены смотрели вглубь Испании, и именно на той стороне, под флагами Испании и Великобритании, Кили нашел Шарпа на третье утро пребывания гвардии в форте. Казалось, даже лорда начал волновать размах, который приняло бегство солдат.

– Мы не для того сюда прибыли, чтобы нас победило дезертирство, – сердито бросил Кили.

Напомаженные кончики его усов дрожали на ветру.

Шарп не стал указывать, что за гвардейцев отвечает именно Кили и никак не он, Шарп. Стрелок лишь спросил у его светлости, зачем тот решил присоединиться к британской армии. К удивлению Шарпа, молодой лорд отнесся к вопросу серьезно.

– Я хочу воевать, Шарп. Об этом и написал его величеству.

– В таком случае, милорд, вы попали туда, куда надо. Лягушатники – вон они, через долину. – Шарп указал на глубокую, лишенную растительности долину реки, отделявшую Сан-Исидро от ближних холмов.

Стрелок подозревал, что французские разведчики ведут наблюдение и уже заметили активность в старом форте.

– Нет, Шарп, не туда, – возразил Кили. – Я просил короля Фердинанда отправить нас в Кадис, где мы бы присоединились к своей армии и оказались среди соотечественников, но вместо этого он послал нас к Веллингтону. Мы не хотим находиться здесь, но у нас королевский приказ, и мы повинемся этому приказу.

– Так дайте вашим людям королевский приказ не дезертировать! – вырвалось у Шарпа.

– Им здесь скучно! Они встревожены! Им кажется, что их предали! – Кили дрожал, но не от избытка чувств, а потому, что недавно поднялся с постели и еще не избавился от похмелья. – Они ехали сюда не для того, чтобы учиться, Шарп, – проворчал он, – а для того, чтобы сражаться! Это гордые люди, гвардейцы, а не сборище новобранцев. Их долг – пойти в бой за короля и показать Европе, что у Фердинанда все еще есть зубы.

Шарп указал на восток:

– Видите тропу, милорд? Ту, что поднимается к седловине? Ведите ваших людей туда, пройдите полдня, и я гарантирую вам бой. Французам понравится. Для них это будет легче, чем убивать мальчиков-певчих. У половины ваших солдат даже нет исправных мушкетов! А другая

половина не умеет пользоваться ими. Вы говорите, они обучены? Я видел в Англии милицеские роты, обученные лучше ваших гвардейцев! Притом что эти пузатые милиционеры раз в неделю проводят смотр на рыночной площади, а потом спешат в ближайшую таверну. Ваши люди – не бойцы, милорд, независимо от того, что вы о них думаете. Но если вы отдадите их мне на месяц, они станут опаснее бритвы.

– Просто они давно не практиковались, – возразил Кили, приняв важный вид.

Гордость не позволяла признать, что Шарп прав и что его, Кили, хваленая дворцовая гвардия ни на что не годится. Обернувшись, он посмотрел на своих солдат, исполнявших строевые приемы на заросшем сорняками каменном плацу. Вдалеке, возле башни, грумы выгуливали оседланных лошадей, готовя их к послеполуденным офицерским состязаниям в искусстве верховой езды. Внутри форта, у самых ворот, на гладких каменных плитах отец Сарсфилд рассказывал солдатским детям о катехизисе. Процесс обучения то и дело прерывался смехом; Шарп уже заметил, что священника всюду сопровождает хорошее настроение.

– Только дайте им шанс, – сказал Кили, имея в виду своих солдат, – и они будут драться.

– Уверен, что будут – и проиграют. Чего вы хотите от них? Самоубийства?

– В случае необходимости, – серьезно сказал Кили и, отведя взгляд от занятой неприятелем стороны, взглянул Шарпу в глаза. – В случае необходимости – да.

Шарп посмотрел на порочное, нездоровое молодое лицо:

– Вы безумны, милорд.

Кили не обиделся на обвинение.

– А битву Роланда при Ронсевале вы тоже назвали бы самоубийством безумца? А спартанцы Леонида при Фермопилах – они что, напрасно пожертвовали собой в приступе безумия? А как насчет вашего собственного сэра Ричарда Гренвилла? Он был всего лишь сумасшедшим? Иногда, Шарп, прославить свое имя в веках можно только путем великой жертвы. – Кили указал на далекие холмы. – Там триста тысяч французов, а сколько здесь британцев? Тридцать тысяч? Война проиграна, Шарп. Великое христианское королевство низведено до посредственности из-за какого-то корсиканского выскочки. Вся слава, весь блеск королевского мира становятся банальностью и безвкусицей. Все отвратительное и вульгарное – республиканизм, демократия, равенство – выплывает на свет и утверждает, что может сменить династию великих королей. Мы видим конец истории, Шарп, и начало хаоса, но, возможно – только возможно, – дворцовая гвардия короля Фердинанда опустит занавес за последним актом сияющей славы. – На несколько секунд пьяный Кили показал себя другого, юного и благородного. – Вот почему мы здесь, Шарп: чтобы делать историю, которую будут рассказывать тогда, когда в памяти народов сотрется само имя Бонапарта.

– Боже правый! – сказал Шарп. – Неудивительно, что ваши парни дезертируют. Я и сам бы дал деру. Если я веду людей в бой, милорд, я предлагаю им кое-что получше, чем сомнительный шанс умереть, сохранив шкуру невредимой. И если бы я хотел убить этих бедолаг, то просто задушил бы их во сне. Это не так жестоко.

Он повернулся и принялся наблюдать за гвардейцами. Солдаты отрабатывали приемы по очереди, имея в своем распоряжении четыре десятка исправных мушкетов, и, за малым исключением, эти люди ни на что не годились. Хорошему солдату требуется двадцать секунд, чтобы зарядить гладкоствольное ружье; здесь же самые везучие тратили на один выстрел секунд сорок. Гвардейцы слишком долго носили напудренные парики и топтались на посту у позолоченных дверей, а потому плохо усвоили простые солдатские навыки: засыпал порох – забил пулю – выстрелил – зарядил...

– Но я их научу, – сказал Шарп, когда над фортом пронеслось эхо еще одного беспорядочного залпа, – и я остановлю дезертирство.

Шарп знал, что действует вопреки хитрой задумке Хогана, но он проникся симпатией к парням из Ирландской королевской роты. Они были солдатами, как любые другие. Пускай

не столь хорошо обученные, пускай с более путаными, чем у прочих, представлениями о верности, но большинство из них хотели сражаться. Здесь не было никакого подвоха, и предать хороших людей Шарп не мог – это было ему не по нутру. Он хотел научить их. Хотел сделать из роты часть, которой могла бы гордиться любая армия.

– И как вы остановите дезертирство? – спросил Кили.

– У меня есть метод, – сказал Шарп, – но вам, милорд, лучше про него не знать, потому что Роланду он бы не понравился.

Лорд Кили не ответил на колкость стрелка. Некоторое время он смотрел на восток, где что-то привлекло его внимание. Потом вынул из кармана маленькую подзорную трубу, раздвинул ее и посмотрел через широкую пустынную долину туда, где Шарп, шурясь от бьющих в глаза лучей утреннего солнца, только что разглядел одинокого всадника, спускающегося по тропинке, что зигзагами сбегала от седловины вниз.

Кили обернулся.

– Джентльмены! – крикнул он офицерам. – По коням!

Словно зарядившись вдруг энергией, его светлость сбежал по скату и крикнул груму, чтобы тот подвел ему вороного.

Шарп снова повернулся к востоку и вынул собственную подзорную трубу. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы направить громоздкий инструмент в нужную сторону и поймать в фокус далекого наездника. Тот был в мундире Ирландской королевской роты, и у него, похоже, возникли какие-то проблемы. Только что он съезжал по крутой тропе, змейкой бежавшей по склону долины, но теперь свернул с тропы и плеткой погнал лошадь напрямик к опасному спуску. Перед всадником неслась свора в полдюжины собак, но Шарпа больше интересовало, что подвигло смельчака на этот рискованный спуск. Поэтому он поднял трубу к линии горизонта и там, силуэтами на фоне режущего глаз безоблачного неба, увидел драгун. Французских драгун. Одинокий всадник бежал, и его преследовали.

– Едете, Шарп? – Прежде чем забраться на свою, похожую на ломовую, лошадь, Рансимен предусмотрительно привел запасную – специально для Шарпа. Рансимен все чаще полагался на стрелка как на товарища, избегая общения с лордом Кили, едкие замечания которого постоянно огорчали полковника. – Не знаете, что там происходит?

Тем временем его недруг уже выезжал из форта во главе нестройной офицерской кавалькады.

– Неужели нас атакуют? – Необычный для Рансимена всплеск активности, несомненно, в большей мере был вызван страхом, чем любопытством.

– Генерал, к нам скачет какой-то парень в мундире гвардейской роты, а на хвосте у него банда лягушатников.

– Боже мой! – ахнул Рансимен. В должности генерал-вагенмейстера ему не часто выпадала возможность встретиться с врагом лицом к лицу, и он отнюдь не был уверен, что хочет заполнить этот пробел, но и выказать робость на глазах у гвардейцев не мог и потому прищиприл лошадь, пуская ее неспешным шагом. – Держитесь поближе ко мне, Шарп! Как адъютант, понимаете?

– Конечно, генерал.

Шарп, по обыкновению чувствуя себя верхом не слишком уверенно, проехал за Рансименом по входному мостику. Сержант Харпер, видя непривычную для форта суету и не зная причины волнения, вывел гвардейцев на крепостную стену – как бы для наблюдения, но в действительности для того, чтобы стать очевидцами события, вызвавшего столь внезапный исход офицеров из Сан-Исидро.

К тому времени, как Шарп перебрался через полузасыпанный ров и убедил лошадь свернуть с дороги на восток, приключение, похоже, закончилось. Беглец уже преодолел речушку и был теперь ближе к спасательной экспедиции лорда Кили, чем к преследователям, и, поскольку

Кили сопровождала дюжина офицеров, а драгун было вдвое меньше, угроза для всадника явно миновала. Сначала Шарп увидел, как сопровождающие беглеца собаки прыгают вокруг спасателей, и только потом обратил внимание, что преследователи одеты в загадочные серые мундиры.

– Парню крупно повезло, генерал, – сказал он. – Там драгуны Лу.

– Лу? – спросил Рансимен.

– Бригадного генерала Лу, генерал. Мерзкого лягушатника, который одевает своих людей в волчий мех и любит отрезать пленным яйца.

– Господи! – Рансимен побледнел. – Вы уверены?

– Я с ним встречался. Этот Лу и меня обещал оскотить.

Почувствовав, что нужно подкрепиться, Рансимен достал из кармана горсть засахаренного миндаля и принялся один за другим засовывать орешки в рот.

– Я иногда спрашиваю себя, не был ли прав мой дорогой отец, – заговорил он, не забывая жевать, – и не следовало ли мне выбрать карьеру священника. Думаю, из меня вышел бы вполне пристойный епископ, хотя, возможно, жизнь прелата недостаточно насыщена для человека столь энергичного, как я. Прелаты, Шарп, не перетруждаются. Читай изредка проповедь, любезничай с лучшими людьми графства да подстигай низшее духовенство, чтобы не забывало свое место, а больше и делать-то нечего. Такую жизнь тяжелой не назовешь, и, по правде говоря, большинство епископских дворцов занимают люди весьма посредственные. Мой дорогой отец, конечно же, исключение. О боже, что там происходит?

Лорд Кили выехал вперед, чтобы встретить беглеца, но, обменявшись с ним коротким рукопожатием и несколькими словами, поскакал навстречу преследователям, которые, признав, что добыча ускользнула, прекратили погоню. Но Кили уже пересек ручей и, вынув саблю, прокричал французам, что готов драться.

Намерения его светлости поняли все, кто был свидетелем этой сцены. Он предлагал поединок офицеру противника. Здравомыслящие люди, например пехотинцы или те, у кого осталась хотя бы половина мозгов, относились к подобного рода практике неодобрительно, но кавалерист редко мог устоять перед вызовом. Чтобы принять участие в такой схватке, требовалась лишь гордость и храбрость, но взять в ней верх означало прослыть настоящим воином. В каждом конном полку каждой армии были офицеры, прославившиеся благодаря поединку: один на один, клинок против клинка, дуэль между двумя незнакомцами, избравшими славу или смерть.

– Кили ищет смерти, – мрачно заметил Шарп, невольно признавая в душе, что восхищается человеком, который, пусть и ненадолго, вырвался из тяжелого тумана похмелья и горечи, чтобы стать тем, кем видел себя в мечтах: доблестным рыцарем и защитником короля. – Вздумал умереть знаменитым. Хочет быть Роландом или тем спартанским парнем, который побил персов.

– Леонидом, Шарп, царем Леонидом, – сказал Рансимен. – Уверю вас, Кили прекрасный фехтовальщик. Я видел, как он практикуется, и вино ему почти не мешает! Хотя сегодня подтверждения этому мы не увидим, – добавил Рансимен, заметив, что Кили отвернулся от французов. – Они не желают драться! – Удивление в голосе полковника смешалось с облегчением – у него не было ни малейшего желания стать свидетелем кровопролития.

– Кили дал им слишком мало времени на то, чтобы принять вызов, – сказал Шарп.

И действительно, Кили прождал лишь несколько секунд, словно и хотел бросить перчатку, и опасался, что противник поднимет ее.

Один из французов все же решился. Кили уже добрался до речушки, когда его догнал крик драгуна, отъехавшего от группы своих товарищей. Кили на скаку обернулся, и Шарп готов был поклясться, что его светлость побледнел, когда француз направился к нему.

– Боже мой, – обеспокоенно пробормотал Рансимен.

Теперь Кили не мог отказаться от поединка, не потеряв лица, поэтому он повернул коня навстречу серому драгуну, который отбросил назад ментик из волчьего меха, опустил на лоб козырек шлема и вытащил длинный палаш. Пронзил кисть руки в темляк, драгун отсалютовал клинком человеку, которому предстояло сделаться либо его убийцей, либо жертвой. Лорд Кили ответил на приветствие таким же жестом. Возможно, его светлость бросил вызов необдуманно, вовсе не ожидая, что тот будет принят, но теперь он не выказывал ни нежелания, ни нервозности.

– Чертовы глупцы, – сказал Шарп. – Готовы умереть просто так, забавы ради.

Они с Рансименом присоединились к офицерам Ирландской королевской роты, как и отец Сарсфилд, прервавший урок катехизиса, чтобы последовать за Кили в долину. Священник услышал презрение в голосе стрелка и бросил на него удивленный взгляд. Как и Рансимен, отец Сарсфилд, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке из-за предстоящей дуэли и, наблюдая за противниками, стоящими друг против друга на расстоянии в полсотни ярдов, пухлыми пальцами перебирал четки. Отсалютовав французам, лорд Кили опустил клинок, и дуэлянты пришпорили лошадей.

– О мой бог! – пробормотал Рансимен и полез в карман за новой горстью миндаля.

Лошади поначалу сближались медленно, и только в самый последний момент всадники пустили их галопом. Оба бойца были правшами и, на взгляд Шарпа, примерно одного роста и комплекции, хотя вороной конь лорда Кили был явно крупнее.

Драгун атаковал первым. Размашистый рубящий удар мог бы развалить и быка, но в последний момент француз повернул клинок, нацелившись на незащищенную шею противника. Сделал он это мгновенно, на полном ходу, и против любого другого приема мог бы сработать, но лорд Кили просто направил вороного на лошадь драгуна, не став даже парировать удар. От толчка в круп конь француз, уступавший вороному и в росте, и в массе, пошатнулся. Клинок рассек пустоту, и дуэлянты, разъехавшись, натянули поводья. Кили развернулся быстрее и сразу пришпорил коня, чтобы увеличить силу колющего удара. Фехтовальщика учат, что острое бьет лезвие, и ирландец сделал выпад, нацелив саблю в живот серого драгуна. В какой-то момент показалось, что клинок пронзит защиту французам, но драгун сумел выставить блок, и секундой позже до Шарпа долетел звон стали. К тому времени, как жесткий звук вернулся, отразившись эхом от далеких холмов, противники уже разворачивались для новой атаки ярдах в двадцати друг от друга. Никто из них не мог отъехать подальше без риска подвергнуться нападению сзади, и теперь поединок продолжался на близкой дистанции, его итог зависел как от выучки лошадей, так и от мастерства всадников.

– О боже, – пробормотал Рансимен. Он и боялся стать свидетелем убийства человека, и не решался отвести взгляд от зрелища столь же древнего, как сама война: схватки двух бойцов на глазах у их товарищей. – Удивительно, как Кили вообще может драться, – продолжил Рансимен, – учитывая, сколько он выпил вечером. Пять бутылок кларета, по моим подсчетам.

– Он молод, – неприязненно произнес Шарп, – и эти два дара – держаться в седле и фехтовать – получил от рождения. Но с годами ценность даров падает, и он знает это. Кили живет у времени взаймы, генерал, и потому хочет умереть молодым.

– Не верю, – сказал Рансимен и вздрогнул, увидев, как француз и ирландец обмениваются ударами.

– Кили нужно целить в лошадь, – сказал Шарп. – Ранив лошадь, легче одолеть всадника.

– Джентльмены так не дерутся, капитан, – возразил подъехавший к британским офицерам отец Сарсфилд.

– У джентльменов на войне нет будущего, – проворчал Шарп. – Если считаете, что воевать должны только джентльмены, тогда не берите на службу людей вроде меня – из сточной канавы.

– Не стоит без нужды напоминать о своем происхождении, – с упреком прошипел Рансимен. – Вы теперь офицер, помните!

– Я каждый день молюсь за то, чтобы больше никто не воевал – ни дворяне, ни простолюдины, – проговорил отец Сарсфилд. – Терпеть не могу войну.

– И однако же, вы капеллан, – сказал Шарп.

– Я иду туда, где больше нужен, – сказал священник. – А где еще служитель Божий найдет наибольшее собрание грешников, если не в тюрьме и не в армии... При всем уважении к присутствующим.

Сарсфилд улыбнулся и тут же ахнул – француз и ирландец снова устремились навстречу друг другу. Снова лязгнула сталь. Вороной инстинктивно наклонил голову, уклоняясь от свистящих над ним клинков. Лорд Кили нанес колющий удар, и один из его офицеров вскрикнул, решив, что его светлость проткнул француз, но клинок пронзил лишь плащ, лежавший в скатке на луке седла. В ответ драгун рубанул сбоку, и Кили, успев высвободить саблю, с трудом отбил тяжелый палаш.

– Как думаете, Кили победит? – обеспокоенно спросил Рансимен.

– Бог его знает, генерал, – сказал Шарп.

Две лошади почти не сходили с места, пока наездники обменивались ударами. Сталь звенела не умолкая, и Шарп знал, что бойцы скоро устанут, потому что рубка – чертовски трудная работа. Стрелок представлял, как наливаются тяжестью руки, как сохнет горло, как рычат мужчины при каждом ударе, как жжет от пота глаза. И время от времени – Шарп и это знал – каждый испытывает странное ощущение, ловя невозмутимый взгляд незнакомца, которого он пытается убить.

Снова столкнулись клинки, заскрежетала сталь, а потом серый драгун отступил. Почувствовав шпоры, его лошадь рванула вперед, угодила копытом в кроличью нору и споткнулась.

Увидев свой шанс, Кили бросился следом. Привстав в седле, он нанес смертельный, казалось бы, колющий удар, но драгун каким-то чудом защитился, хотя и едва не вылетел из седла. Усталая лошадь пыталась подняться, француз отчаянно отбивался, а потом вдруг сделал выпад. Острие палаша зацепило эфес, и рукоять вывернулась из пальцев его светлости. Оружие повисло на шелковом темляке, но все же лорд потерял несколько мгновений, пытаясь ухватить обтянутую змеиной кожей рукоять. Чтобы выиграть время, он отчаянно погнал вороного прочь. Почуввав победу, француз бросился в погоню.

Сухой треск выстрела лишь на долю секунды опередил эхо, отскочившее от крутого склона холма прежде, чем кто-либо что-то понял.

Драгун охнул – пуля попала ему в ребра и отбросила назад; но ему удалось удержаться в седле и восстановить равновесие. Словно не веря, что кто-то посмел вмешаться в дуэль, он тряхнул головой, но уже в следующее мгновение палаш выскользнул из пальцев и повис на ремешке. Другие французы закричали, протестуя против столь явного нарушения правил, согласно которым исход поединка определяется только двумя дуэлянтами. Из открытого рта драгуна выплеснулась на серый мундир струйка темной крови, а сам он, завалившись назад, упал к ногам своей уставшей лошади.

Пораженный случившимся, лорд Кили бросил взгляд на охваченных жадой мщения драгун, уже спешивших к упавшему товарищу, и пустил вороного через речушку.

– Не понимаю, – пробормотал полковник Рансимен.

– Кто-то нарушил правила, генерал, – сказал Шарп, – и этим спас шкуру Кили. Он, считайте, уже был покойником.

Французы все еще шумно протестовали, и один из них подъехал к ручью и призвал любого офицера союзников драться с ним во втором поединке. Вызов остался без ответа, после чего драгун принялся выкрикивать оскорбления, совершенно, на взгляд Шарпа, заслуженные, поскольку стрелявший, кто бы он ни был, убил французса бесчестно.

– Так кто же все-таки стрелял? – громко спросил Шарп.

Оказалось, тот самый офицер, за которым гнались драгуны и прибытие которого спровоцировало закончившийся печальным недоразумением поединок. Беглец все еще держал карабин в руках, но, к удивлению Шарпа, никто не упрекал его за вмешательство в поединок. Наоборот, все офицеры Ирландской королевской роты окружили его и приветствовали с большим энтузиазмом. Подъехав ближе, Шарп увидел, что беглец – стройный молодой офицер, а плюмаж из черных конских волос вовсе не плюмаж, а его – точнее, ее – собственные волосы, поскольку офицер оказался женщиной.

– Он хотел вытащить пистолет, – объясняла беглянка, – потому-то я и выстрелила.

– Браво! – выкрикнул один из восхищенных офицеров.

Бросавший оскорбления француз на другом берегу с отвращением поворотил коня.

– Это... кто?.. – бессвязно вопрошал Рансимен.

– Это женщина, генерал, – сухо сказал Шарп.

– Ну и дела! Так он... она...

Женщина показалась Шарпу необыкновенно привлекательной, и сшитая точь-в-точь по фигуре мужская форма лишь подчеркивала ее дерзость и пыл. Сорвав одним движением шляпу, она приветствовала лорда Кили, а потом подалась к нему и поцеловала.

– Это его любовница, генерал, – сказал Шарп. – Майор Хоган рассказывал о ней. Она коллекционирует мундиры тех полков, в которых служат ее любовники.

– Бог ты мой! Хотите сказать, что они не женаты и мы должны быть ей представлены? – с тревогой осведомился полковник.

Но бежать было уже поздно – лорд Кили жестом подзывал англичан к себе. Сначала он представил Рансимена, затем указал на Шарпа:

– Капитан Ричард Шарп, моя дорогая, наш наставник по части современной тактики. – Характеризуя таким образом Шарпа, Кили даже не пытался скрыть насмешку.

– Мадам, – смущенно пробормотал Шарп.

Хуанита бросила безразличный взгляд на Рансимена и долго оценивающе смотрела на Шарпа. Свора ее охотничьих собак путалась у лошади под ногами. Пристальный взгляд женщины не был ни теплым, ни дружелюбным; наконец она отвернулась, отказав Шарпу даже в вежливом кивке.

– Так почему вы застрелили драгуна, мэм? – спросил Шарп, пытаясь спровоцировать ее. Женщина обернулась.

– Потому что он собирался застрелить милорда Кили, – вызывающе ответила она. – Я видела, как он потянулся за пистолетом.

Ничего она не видела, подумал Шарп, понимая, что не добьется справедливости, обвиняя ее в откровенной лжи. Женщина стреляла, чтобы спасти любовника. Шарп ощутил укол ревности: как же так вышло, что этот никчемный бездельник заполучил такую дерзкую, непокорную, эффектную женщину! Она вовсе не была красавицей, но что-то в ее умном, жестоком, порочном лице зацепило Шарпа, хотя он уже дал себе слово не позволять незнакомке понять, какую власть она над ним обрела.

– Приехали издалека, мэм?

– Из Мадрида, капитан, – ответила она холодно.

– И французы вас не задержали? – спросил Шарп с намеком.

– Я не нуждаюсь в разрешении французов, чтобы передвигаться по своей стране, и в своей стране не обязана давать объяснения нахальному британскому офицеру. – Она повернулась и поскакала прочь, сопровождаемая косматыми длинноногими собаками.

– Вы ей не понравились, Шарп, – сказал Рансимен.

– Она мне тоже, генерал. Ни на грош не верю этой стерве. – Шарп знал, что в нем говорит ревность.

– Тем не менее, согласитесь, женщина весьма привлекательная. – В голосе Рансимена прозвучала грусть, словно он вдруг понял, что его мундир 37-го линейного полка не попадет в коллекцию Хуаниты. – Пожалуй, впервые вижу женщину в бриджах, тем более сидящую в седле по-мужски. В Гэмпшире такое большая редкость.

– А я впервые вижу, чтобы женщина проехала от Мадрида до Португалии без слуги и багажа, – сказал Шарп. – Я бы не стал доверять ей, генерал.

– Кому бы вы не стали доверять, Шарп? – спросил лорд Кили, подъехав к британским офицерам.

– Бригадному генералу Лу, сэр, – непринужденно солгал Шарп. – Я объяснял генералу Рансимену значение этих серых мундиров. – Шарп указал на французов, уносивших вверх по склону тело погибшего товарища.

– Этому драгуну серая форма не помогла! – Кили еще не остыл после поединка и, очевидно, не испытывал угрызений совести из-за того, чем этот поединок закончился.

Он даже как будто помолодел и расправил плечи, словно приезд любовницы вернул свежесть его отмеченным пьянством чертам.

– Как и кодекс чести, – хмуро сказал Шарп.

Рансимен, подозревая, что такие слова могут спровоцировать еще одну дуэль, сердито зашипел на него.

Кили лишь презрительно усмехнулся:

– Кодекс чести нарушил он. Не я! Он явно пытался вытащить пистолет. Думаю, понял, что ему конец, как только я овладею палашом.

Задетый усмешкой и тоном лорда, Шарп не смолчал.

– Забавно, как быстро тускнеет блеск благородства, не правда ли, милорд? – сказал он. – Но война и есть грязное дело. Начинается все с благородных намерений, а кончается тем, что солдат зовет маму и собирает свои вырванные ядром кишки. Можно нарядить человека в золото и пурпур, милорд, и сказать ему, что он защищает святыни, но в конце концов он все равно истечет кровью и обделается от ужаса. Рыцарское благородство воняет, милорд, потому что оно – самая подлая, самая кровавая вещь на земле.

Кили все еще держал в руке палаш, но теперь раздраженно отправил его в ножны.

– Мне не нужны ваши лекции о рыцарстве и благородстве. Ваша задача – обучать солдат военному делу. И не давать моим негодникам дезертировать. Если, конечно, вы это можете.

– Могу, милорд, – пообещал Шарп. – Могу.

Держать слово он отправился после полудня.

Шарп шел на юг от Сан-Исидро вдоль гряды холмов, понижавшейся по мере приближения к главной пограничной дороге. Там, где гряда перешла во всхолмленную равнину, приютилась деревушка с узкими петляющими улочками, садами за каменными стенами и домишками с низкими крышами. Эти лачуги жались друг к другу на склоне, поднимавшемся от быстрой речки к скальному выступу с деревенской церковью на нем, увенчанной гнездом аиста. Деревня называлась Фуэнтес-де-Оньоро – она-то и вызвала недавно ярость Лу – и находилась всего лишь в двух милях от города Вилар-Формозу, где стоял штаб Веллингтона. Именно эта близость и беспокоила Шарпа, опасавшегося, что его подвергнет допросу какой-нибудь пытливый штабной офицер. Но в Фуэнтес-де-Оньоро британские войска были представлены небольшим подразделением 60-го стрелкового полка, устроившимся к северу от деревни и не заметившим Шарпа. На восточном берегу реки нашлось место для нескольких домишек с огороженными садами и маленькой часовни. Добраться к ним из большой деревни можно было через мелководье вблизи переправы, по каменным плитам, положенным на валуны, где поил коней кавалерийский патруль КНЛ, Королевского немецкого легиона. Немцы предупредили Шарпа, что никаких союзных войск на дальнем берегу нет.

– Только французы, – сказал капитан, а затем, установив личность Шарпа, угостил стрелка бренди из фляжки.

Два капитана обменялись новостями о Лассау, друге Шарпа из КНЛ, после чего немец отвел своих людей от реки к длинной прямой дороге, которая тянулась к Сьюдад-Родриго.

– Поищу неприятностей, – крикнул он через плечо, когда уже сел в седло, – и с Божьей помощью найду!

Шарп повернул в другую сторону и прошел по деревенской улице к постоялому двору, где подавали неплохое красное вино. Заведение мало походило на настоящий постоялый двор, но и Фуэнтес-де-Оньюро не была образцовой деревней. Расположенная у самой границы, она подверглась разграблению французами, когда те шли в Португалию, а потом была выметена начисто еще раз, когда французы отступали, поэтому местные жители относились к любым войскам с вполне оправданным подозрением. Прихватив кожаную бутылку с вином, Шарп вышел из сумрачного помещения в небольшой огород и сел под обломанной виноградной лозой. Рана вроде никак не повлияла на растение, бодро пускавшее новые побеги и ярко-зеленые листья. Там Шарп и задремал, утомленный дорогой настолько, что даже не смог поднять бутылку.

– Французы пытались срубить лозу, – произнес по-испански голос у него за спиной. – Они всё норовили порушить. Мерзавцы!

Незнакомец рыгнул так мощно и громко, что разбудил спавшего на дальней стене кота. Шарп обернулся и увидел великана – в грязных коричневых рейтузах, запачканной кровью холщовой рубашке, зеленом мундире французского драгуна, не сумевшем вместить слишком большую тушу нового владельца и лопнувшем по швам, и черном кожаном переднике, жестком от засохшей крови. И от самого незнакомца, и от его одежды несло прокисшей едой и гнилью. На поясе у него висела старомодная сабля без ножен, с широким, как у алебарды, темным, тупым и грязным клинком, кавалерийский пистолет, маленький нож с костяной рукояткой и непривычно изогнутым лезвием и деревянный свисток.

– Ты капитан Шарп? – спросил незнакомец, когда стрелок поднялся.

– Да.

– Мой свисток не подсказал тебе, кто я?

Шарп покачал головой:

– Нет.

– Хочешь сказать, что в Англии кастраторы не предупреждают о своем появлении свистом?

– Никогда не слышал, чтобы они так делали.

Эль Кастрадор – он же Кастратор – тяжело опустился на скамью напротив Шарпа:

– Что бы я делал без свистульки? Она оповещает деревню о моем приходе. Я дую в свисток, люди ведут кабанов, бычков и жеребят, и я достаю мой ножичек. – Он поиграл жутковато изогнутым лезвием и рассмеялся, а потом перелил в глотку часть содержимого бутылки, которую принес с собой, и ностальгически покачал головой. – В былые времена, мой друг, матери приводили своих малышей, чтобы им кое-что отрезали, а потом, через два года, этих мальчиков отправляли в Лиссабон или Мадрид! Как же сладко они пели! Мой отец порезал многих мальчиков. Один из них пел даже перед папой! Представляешь? Пел для папы в Риме! А все благодаря вот этому ножичку. – Он погладил костяную рукоятку.

– Но иногда мальчики умирали? – предположил Шарп.

Кастратор пожал плечами:

– Друг мой, мальчиков заменить нетрудно. С детьми нельзя сентиментальничать. – Он направил струю красного вина в свое необъятное чрево. – У меня самого было восемь мальчиков, выжили только трое, и, поверь, двое лишние.

– И ни одной девочки?

– Четыре. – Кастратор помолчал секунду-другую. Вдохнул. – Их забрал этот французский негодяй. Знаешь Лу?

– Знаю.

– Он их отдал своим людям. Эль Лобо и его люди любят юных девочек. – Он дотронулся до ножа на поясе и остановил на Шарпе долгий задумчивый взгляд. – Так ты, стало быть, англичанин, парень Агухи?

Шарп кивнул.

– Ах, Тереза! – Испанец вздохнул. – Мы так злились, когда узнали, что она отдалась англичанину, но вот я вижу тебя, капитан, и понимаю. Как она?

– Дерется с французами возле Бадахоса, но посылает приветы.

Вообще-то, Тереза не писала Шарпу неделями, но ее имя было для всех партизан чем-то вроде талисмана, и именно благодаря ему капитану устроили встречу с человеком, который так жестоко пострадал от французского генерала. Лу «умиротворил» этот район у испанской границы, и Шарп повсюду слышал его имя, произносимое с ужасом и ненавистью. Каждую смерть, каждый пожар, каждое наводнение, каждую болезнь, каждый разоренный улей, каждого мертворожденного теленка и каждый ранний или поздний заморозок ставили в вину Волку; всё объясняли делом его рук.

– Она будет гордиться тобой, англичанин, – сказал Кастратор.

– Гордиться? – спросил Шарп. – Почему?

– Потому что Эль Лобо назначил цену за твою голову. Разве ты не знал?

– Не знал.

– Сто талеров. – Кастратор говорил медленно, с уважением, словно его самого прельщала установленная цена.

– Мелочь, – пренебрежительно бросил Шарп. Двадцать пять фунтов были для многих состоянием – примерно столько зарабатывал в год труженик, – но Шарп считал, что его жизнь стоит больше. – За голову Терезы дают двести талеров, – добавил он с некоторой обидой.

– Но мы, партизаны, убиваем больше французов, чем вы, англичане, – сказал Кастратор, – поэтому справедливо, что мы стоим больше.

Шарп тактично воздержался от вопроса, объявлена ли награда за нечесаную и завшивленную голову самого Кастратора. Стрелок подозревал, что после случившихся с ним бед этот человек потерял значительную долю влияния, но он хотя бы остался жив, тогда как большинство его людей мертвы, убиты Волком, изуродованы так же, как он сам уродовал своих пленников. Временами Шарп радовался, что не воюет с партизанами.

Кастратор поднял бутыл, выжал в рот струю вина, проглотил, рыгнул, и его смрадное дыхание снова коснулось Шарпа.

– Так зачем ты хотел встретиться, англичанин?

Шарп объяснил. Времени на это ушло немало – будучи человеком жестоким, Кастратор не отличался большим умом, и пришлось несколько раз повторить, прежде чем великан понял. Наконец Кастратор кивнул:

– Сегодня вечером, говоришь?

– Да. Я буду признателен.

– Но насколько признателен? – Испанец стрельнул в англичанина хитрым взглядом. – Сказать, что мне нужно? Мушкеты! Или даже винтовки, такие как эта! – Он дотронулся до ствола бейкеровского штуцера, стоявшего у виноградного куста.

– Могу добыть тебе мушкеты, – сказал Шарп, хотя и не знал еще как.

Ирландской королевской роте мушкеты были гораздо нужнее, чем этому мяснику. Шарп понимал, что Хоган никогда не согласится выдать ирландцам новые «Браун Бесс», но для того, чтобы превратить дворцовую стражу короля Фердинанда в приличную пехотную часть, ее нужно было так или иначе обеспечить оружием.

– Винтовки достать не возьмусь, а вот мушкеты будут. Но на это уйдет неделя.
– Тогда мушкеты, – согласился Кастратор. – И есть еще кое-что.
– Говори, – настороженно произнес Шарп.
– Я хочу отомстить за дочерей, – сказал испанец со слезами на глазах. – Хочу, чтобы генерал Лу познакомился с этой штучкой. – Он поднял ножик с костяной рукоятью. – Мне нужна твоя помощь, англичанин. Тереза говорит, ты умеешь драться, так дерись вместе со мной и помоги мне поймать Эль Лобо.

Шарп понимал, что второе условие потруднее первого, но все равно кивнул.

– Ты знаешь, где можно найти Лу?

Кастратор кивнул:

– Обычно в деревне под названием Сан-Кристобаль. Он выгнал жителей, перегородил улицы и укрепил здания. Туда и горностаи не проберется незамеченным. Санчес говорит, чтобы взять Сан-Кристобаль, требуется тысяча человек и артиллерийская батарея.

Новость не обрадовала. Санчес – один из лучших партизанских вождей, и если он считает, что Сан-Кристобаль практически неприступен, то, скорее всего, так оно и есть.

– Ты сказал «обычно». Значит, Лу не всегда в Сан-Кристобале?

– Он бывает, где захочет, – угрюмо проворчал испанец. – Иногда занимает какую-нибудь деревню на несколько ночей, иногда оставляет своих людей в форте – там, где вы сейчас, – а бывает, пользуется фортом Консепсьон. Лу, сеньор, сам себе хозяин. – Кастратор помолчал. – Но Агуха говорит, что ты тоже сам себе хозяин. Если и есть человек, который способен победить Эль Лобо, то это ты, сеньор. И около Сан-Кристобала есть одно место – ущелье, – где можно устроить ему засаду.

Последнюю деталь испанец предложил как приманку, но Шарп на нее не клюнул.

– Сделаю все, что смогу, – пообещал он.

– Тогда я посиблю тебе сегодня, – заверил его Кастратор и добавил: – Ищи мой подарок утром. – Он встал и прокричал что-то своим людям, которых, по-видимому, оставил где-то поблизости. По мостовой зацокали копыта. – За платой приду на следующей неделе. Не подведи меня, капитан.

Шарп проводил испанца взглядом и поднял бутылку. Он осушил бы ее, но знал, что груз кислого вина в животе затруднит дорогу в Сан-Исидро, и поэтому вылил содержимое под корни обломанной виноградной лозы. Может, ей пойдет на пользу. Вино к винограду, пепел к пеплу, прах к праху... Он надел кивер, повесил на плечо винтовку и двинулся в обратный путь.

Той же ночью, несмотря на все меры предосторожности, принятые капитаном Донахью, дезертировали три гвардейца. Беглецов могло быть больше, но вскоре после полуночи из долины донеслись жуткие вопли, и несколько человек, желавших испытать удачу и перебраться через границу, решили выждать еще денек. На рассвете стрелок Харрис, спустившись с командой гвардейцев к ручью за водой, обнаружил всех трех беглецов. Он тут же поспешил к Шарпу:

– Сэр, это ужасно. Ужасно!

– Видишь ее? – Шарп указал на стоявшую во дворе ручную тележку. – Погрузи тела и привези сюда.

– Привезти сюда? – не поверил ушам стрелок Томпсон.

– Да, черт побери, привезти сюда. И... Харрис!

– Сэр?

– Положи рядом с ними вот это. – Шарп протянул Харрису мешок, в котором лежало что-то тяжелое.

Харрис начал развязывать горловину.

– Не здесь, – остановил его Шарп. – Сделаешь это там. И так, чтобы видели только наши парни.

В восемь часов на плацу выстроились сто двадцать семь оставшихся гвардейцев вместе со всеми младшими офицерами. В форте старшим по званию был Шарп – лорд Кили и полковник Рансимен провели ночь в штабе армии, куда отправились выпрашивать у заместителя генерал-интенданта мушкеты и боеприпасы. Отец Сарсфилд гостил у знакомого священника в Гуарде, майор и три ротных капитана отправились на охоту. Донья Хуанита де Элиа поехала со своей собачьей свитой искать зайцев, но от компании ирландских офицеров отказалась.

– Я охочусь одна, – сказала она и, имея в виду предупреждение Шарпа насчет французских патрулей, добавила: – По пути сюда, капитан, встречи с французами я избежала. Беспокойтесь не обо мне, а о себе.

И вот теперь оставшаяся без старших офицеров Ирландская королевская рота выстроилась в четыре шеренги перед пустой оружейной платформой, которой Шарп воспользовался как трибуной. Ночью прошел дождь, и флаги на ветхих стенах едва шевелились под утренним ветерком, когда Харрис и Томпсон вкатили тележку по пандусу, ведущему от склада боеприпасов к оружейным платформам. Поставив тележку с ее жутким грузом около Шарпа, они повернули ее так, чтобы груз увидели ирландцы. Общий вздох, переходящий в стон, прошел по шеренгам. Кому-то стало плохо, кого-то вырвало, большинство же либо отвернулось, либо закрыли глаза.

– Смотрите! – приказал Шарп. – Смотрите!

Волей-неволей гвардейцам пришлось посмотреть на три голых изуродованных тела и особенно на кровавое месиво в паху каждого трупа и застывшую на лицах мертвецов гримасу ужаса и боли. Подождав немного, Шарп вытащил из-под белого окоченевшего плеча стальной серый шлем с плюмажем из грубых серых волос и водрузил его на поднятую ручку тележки. Это был тот самый шлем, который Харрис взял как сувенир в горной деревне, где Шарп обнаружил убитых жителей и где Перкинс встретил Миранду, с тех пор следовавшую за молодым стрелком с умильной преданностью. Именно этот шлем лежал в мешке, который Шарп отдал Харрису утром.

– Смотрите на мертвых! – прокричал Шарп, обращаясь к гвардейцам Ирландской королевской роты. – И слушайте! Французы считают, что в Испании есть два типа людей: те, кто за них, и те, кто против них, и нет среди вас человека, который мог бы остаться в стороне от этого выбора. Или вы воюете за французов, или вы сражаетесь против них, и это не мое решение – это то, что решили французы. – Он указал на тела. – А это – то, что они делают. Теперь они знают, что вы здесь. Они наблюдают за вами и спрашивают себя, кто вы и что вы. Не получив ответа, они считают вас врагами. А с врагами лягушатники поступают вот так. – Он указал на жуткие раны в промежностях мертвецов. – У вас есть выбор из трех возможностей, – продолжил Шарп. – Вы можете бежать на восток – и лягушатники лишат вас мужского достоинства, вы можете бежать на запад – там вас арестуют и расстреляют как дезертиров британцы. Наконец, вы можете остаться здесь и стать солдатами. И не говорите мне, что это не ваша война. Вы присягали служить королю Испании, а король Испании – пленник во Франции, и вам полагалось его охранять. Эта война больше ваша, чем моя. Я не присягал на то, что буду защищать Испанию, мою женщину не насиловали французы, моего ребенка не убивали драгуны, фуражиры лягушатников не отбирали у меня урожай и не сжигали дом. От всего этого страдает ваша страна, а ваша страна теперь – Испания, и если вы желали воевать за Ирландию, а не за Испанию, тогда зачем, во имя Господа Всемогущего, принимали испанскую присягу?

Шарп выдержал паузу. Он знал, что не каждый солдат в роте готов дезертировать. Многие, как и сам лорд Кили, хотели драться, но хватало и смутьянов, подрывавших боевой дух роты, и, учитывая все это, стрелок решил, что шок – единственный способ привести смутьянов к повиновению.

– Или присяга для вас ничего не значит? – повысил голос Шарп. – Я скажу, что думает о вас остальная часть этой армии, под которой я имею в виду и коннахтских рейнджеров, и инскиллингских драгун, и Королевский ирландский полк, и Королевский полк графства Даун, и собственный Ирландский полк принца Уэльского, и Типперэрийский полк, и полк графства Дублин, и Ирландский полк герцога Йорка. Они говорят, что вы слабаки. Они говорят, что вы напудренные солдатики, годные для того, чтобы охранять ночные горшки во дворце, но не годные для войны. Они говорят, что вы сбежали из Ирландии и сбежите отсюда. Они говорят, что пользы от вас в армии, как от хора монахинь. Они говорят, что вы избалованные франты. Но это изменится, потому что однажды мы с вами пойдем вместе в бой, и в этот день вам придется показать себя с лучшей стороны!

Шарп терпеть не мог произносить речи, но на этот раз солдаты слушали его внимательно, или, быть может, три кастрированных трупа пробудили интерес. Как бы то ни было, слова капитана упали не на каменистую землю. Он указал на восток.

– Там... – Шарп снял с оглобли шлем, – есть человек по имени Лу, француз, командир бригады, которую называют Волчьей. Они носят эти шлемы и оставляют метку на тех, кого убивают. Поэтому мы убьем их. Мы докажем, что в мире нет французского полка, который может противостоять ирландской роте, и мы сделаем это вместе. Сделаем, потому что это ваша война, и ваш единственный выбор таков: умереть, как кастрированные псы, или драться, как мужчины. А теперь решайте сами, что вы собираетесь сделать. Сержант Харпер!

– Сэр!

– Полчаса на завтрак. Похоронную команду для этих троих, а потом за работу.

– Есть, сэр! – Харрис пытался заглянуть Шарпу в глаза, но капитан отвернулся.

– Ни слова, Харрис. – Он ткнул шлемом в живот стрелку. – Ни единого, черт тебя дери, слова!

Капитан Донахью перехватил Шарпа, когда тот шел от крепостной стены.

– Как мы будем воевать без мушкетов?

– Я достану вам мушкеты, Донахью.

– Каким образом?

– Таким, каким солдат достает все, что ему не положено, – сказал Шарп. – Украду.

В ту ночь никто не подался в бег.

А на следующее утро, хотя Шарп об этом еще не подозревал, начались неприятности.

– Дела плохи, Шарп, – сказал полковник Рансимен. – Да, старина, дела совсем плохи.

– Что такое, генерал?

– Вы не слышали?

– Насчет мушкетов? – спросил Шарп, полагая, что Рансимен имеет в виду свою поездку в штаб армии, завершившуюся ожидаемым отказом.

Рансимен и Кили возвратились без мушкетов, без боеприпасов, без одеял, без курительных трубок, без башмаков, без ранцев и даже без обещания выплатить задержанное жалованье. Скупость Веллингтона объяснялась, несомненно, желанием вырвать у Ирландской королевской роты клыки, но для Шарпа она создавала неприятную проблему. Он пытался поднять боевой дух гвардейцев, да только без оружия и снаряжения эта попытка была заранее обречена на неудачу. Хуже того, Шарп знал, насколько близок враг, и его вряд ли могло утешить то соображение, что разгром Ирландской королевской роты был частью плана Хогана, поскольку стрелку и самому пришлось бы разделить судьбу гвардейцев. Хоган мог мечтать о развале Ирландской королевской роты, но Шарпу она была нужна вооруженной, обученной и грозной силой на случай, если генералу Лу вздумается напасть на крепость.

– Я не о мушкетах, Шарп, – вздохнул Рансимен, – я о новостях из Ирландии. Вы в самом деле не слышали?

– Нет, сэр.

Рансимен покачал головой, отчего у него затрясся второй подбородок:

– Похоже, в Ирландии новая заваруха. Дела обстоят чертовски плохо. Треклятые мятежники учинили беспорядки, войска ответили, погибли женщины и дети. Река Эрн запружена трупами возле деревни Беллик. Ходят слухи об изнасилованиях. Боже правый! Я-то полагал, что в девяносто восьмом ирландский кризис уладили раз и навсегда, но, похоже, это не так. Чертовы паписты снова бунтуют. Боже правый! И почему Господь позволяет им такое? Они испытывают нас, добрых христиан. Ну ничего. – Рансимен вздохнул. – Придется проломить несколько черепов, как мы это сделали, когда в девяносто восьмом восстал Тон.

Шарп подумал, что, если средство оказалось негодным в 1798 году, то, скорее всего, оно не спасет и в 1811-м, но счел за лучшее не делиться соображениями.

– Если об этом услышат ирландские части, генерал, – сказал он вместо этого, – у нас здесь тоже могут случиться неприятности.

– Для этого у нас есть кнут.

– Кнут, может, и есть, генерал, но у нас нет мушкетов. И я вот о чем подумал, сэр: а как генерал-вагенмейстер распоряжается обозами?

Рансимен уставился на Шарпа с недоумением, должно быть не понимая, какое отношение это имеет к обсуждаемому вопросу:

– Бумаги, Шарп! Документы! Приказы!

Шарп улыбнулся:

– И вы, сэр, все еще остаетесь генерал-вагенмейстером, не так ли? Поскольку вас не заменили. Сомневаюсь, что командование найдет человека, способного занять ваше место.

– Вы очень любезны, Шарп, очень любезны. – Комплимент, похоже, удивил полковника, но он все же попытался не показывать, насколько непривычны ему такие похвалы. – Допускаю, что так оно и есть.

– Вот я и подумал, генерал: а не могли бы мы отправить парочку фургонов сюда, в форт?

Рансимен смерил Шарпа пристальным взглядом:

– Иными словами, украсть?

– Я бы не назвал это воровством, генерал, – промолвил Шарп с укоризной. – Оружие в любом случае будет использовано против врага. Мы всего лишь перераспределим его, сэр. Вы ведь понимаете, что я имею в виду? Рано или поздно армии придется вооружить и экипировать нас, так почему бы нам не озаботиться этим заранее? А оформить документы можно будет и потом.

Рансимен столь энергично затряс головой, что тщательно уложенные длинные волосы, прикрывавшие расширяющуюся лысину, разлетелись во все стороны.

– Так нельзя, Шарп, так нельзя! Это против всех прецедентов. Против всех установлений! Черт побери, это против инструкций! Меня могли бы предать военно-полевому суду! Какой позор! – Рансимена даже передернуло. – Я удивлен, Шарп, – продолжил он, – и даже разочарован. Как вы можете предлагать такое? Я знаю, вы не джентльмен ни по происхождению, ни по образованию, но я все же был о вас лучшего мнения! Джентльмен не крадет, не лжет, не унижает женщину, он чтит Бога и короля. Все это относится и к вам, Шарп!

Шарп вошел следом за Рансименом в его комнату. Полковник занимал бывшее караульное помещение в одной из башен, и когда древние ворота крепости распахивались, за ними открывался потрясающий вид на юг. Шарп прислонился к дверному косяку.

– Что случилось, генерал, – спросил он, когда отповедь Рансимена закончилась, – когда фургон пропал без вести? Вы ведь наверняка теряли их по причине кражи?

– Такое бывало, но редко. Один фургон. Может быть, два. От силы с полдюжины.

– И тогда... – начал Шарп.

Полковник Рансимен поднял руку:

– Ничего мне не предлагайте, Шарп! Я честный, богобоязненный человек, и я даже не подумаю о том, чтобы украсть у казны его величества фургон с мушкетами. Нет, не стану. Я никогда не обманывал раньше и не начну теперь. И вообще, я категорически запрещаю вам говорить на эту тему. Считайте это прямым приказом!

– Два фургона мушкетов, – поправил полковника Шарп, – и три подводы боеприпасов.

– Нет! Я уже запретил вам поднимать этот вопрос. Всё, конечно. Ни слова больше!

Шарп вынул перочинный ножик, которым обычно чистил замок винтовки, раскрыл его и провел большим пальцем по острому лезвию.

– Генерал Лу знает, что мы здесь, и наверняка он расстроился из-за молодого офицера, которого убила шлюха Кили. Не удивлюсь, если он попытается отомстить. И как это будет выглядеть? Ночной штурм? Возможно. И у него два полных батальона пехоты, и каждый из этих ублюдков надеется получить назначенную Лу награду за мою голову. На месте генерала я бы напал с севера, где почти не осталось стен, и пустил бы драгун прикончить оставшихся в живых. – Шарп кивнул в сторону крутой подъездной дороги и усмехнулся. – Представьте, как вас преследует на рассвете шайка серых драгун и у каждого в ташке лежит наточенный нож для кастрации. Лу не знает пощады. Он известен тем, что не берет пленных. Он просто достает нож, сдергивает с вас бриджи и отрезает ваш...

– Шарп! Пожалуйста! Прошу вас! – Побледневший Рансимен как зачарованный смотрел на перочинный нож и не мог отвести взгляда. – Вовсе не обязательно расписывать это в таких подробностях!

– Генерал! Я поднимаю серьезный вопрос! С моей горсткой стрелков дать отпор бригаде французов невозможно. Я мог бы нанести им урон, если бы у ирландских парней было оружие, но без мушкетов, штыков и боеприпасов... – Шарп покачал головой и щелчком убрал лезвие. – Вам выбирать, генерал, но, будь я старшим британским офицером в этом форте, я бы нашел способ как можно быстрее добыть исправное оружие. Конечно, если бы не хотел по возвращении в Гэмпшир брать высокие ноты в церковном хоре.

Рансимен уставился на Шарпа невидящими глазами. По его лицу катился пот, а воображение, вероятно, заполняли жуткие картины: носящиеся по захваченному форту и кастрирующие всех подряд французы.

– Но они не хотят давать нам мушкеты, Шарп. Мы пробовали! Кили и я, мы вместе пробовали! И этот недотепа, генерал Вальверде, тоже просил за нас, но генерал-квартирмейстер сказал, что сейчас имеет место временная нехватка оружия. Выразил надежду, что генерал Вальверде сможет убедить Кадис отправить нам испанские мушкеты.

Видя отчаяние Рансимена, Шарп покачал головой:

– А раз так, генерал, мы вынуждены позаимствовать британские мушкеты до прибытия испанских. Всего-то и дел, что перенаправить пару фургонов. Печати у вас еще остались.

– Но я не имею права распоряжаться фургонами! У меня его больше нет! Я принял новую должность, новые обязанности.

– У вас слишком много обязанностей, генерал, – сказал Шарп, – потому что вы слишком ценный человек. Но право же, сэр, вам не следует волноваться из-за деталей. Ваше дело – принять общие решения и предоставить мелочи мне. – Шарп подбросил и поймал перочинный нож. – И о лягушатниках, если они нападут, тоже позабочусь я. А вы занимайтесь более важными вещами.

Рансимен откинулся на спинку складного стула, который угрожающе заскрипел:

– В ваших словах есть смысл, Шарп. Действительно есть. – Рансимен поежился, представив масштаб преступления. – Вы ведь полагаете, что я всего лишь предвосхищаю приказ, но не нарушаю его по сути?

Шарп посмотрел на полковника с притворным восхищением:

– Мне бы ваш ум, генерал! Вы просто блестяще это сформулировали. «Предвосхищение приказа». Даже досадно, что я сам до этого не додумался.

Рансимен расцвел от комплимента.

– Моя дорогая матушка всегда говорила, что я мог бы стать адвокатом, – с гордостью сказал он, – а может, даже лорд-канцлером! Но отец решил, что мне надлежит избрать честную карьеру.

Он положил на самодельный стол несколько чистых листов бумаги и начал писать приказы. Время от времени ужас чинимого нарушения вновь останавливал его руку, но каждый раз Шарп щелчком открывал и закрывал нож, и эти звуки подталкивали полковника к тому, чтобы снова и снова погружать перо в чернильницу.

На следующий день в форт Сан-Исидро прибыли четыре запряженных волами фургона с оружием, боеприпасами, снаряжением и недоумевающими возницами.

Ирландская королевская рота наконец получила мушкеты.

И замыслила мятеж.

Глава 4

На следующее утро, сразу после рассвета, направленная к Шарпу делегация обнаружила его на дальней, пустынной северной стороне форта. Солнечные лучи разрезали долину, позолотив редящий над речкой туман, и лунь скользил на крыльях ветерка, высматривая добычу на склоне холма. Восемь человек остановились в неловком молчании за спиной у капитана. Наблюдавший за птицей Шарп бросил хмурый взгляд через плечо и, увидев серьезные лица, снова обратил взор к долине.

– Там кролики внизу, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – а глупая птица постоянно теряет их в тумане.

– Голодным долго не будет, – сказал Харпер. – Ястреб никак не глупее кролика. – (В делегации сержант в единственном числе представлял стрелков, все остальные были из Ирландской королевской роты.) – Хорошее сегодня утро. – Харпер заметно нервничал, что было для него нехарактерно. Похоже, он полагал, что взять на себя инициативу должен кто-нибудь из спутников – отец Сарсфилд, капитан Донахью или капитан Лейси, – но и капеллан, и оба офицера смущенно молчали, явно не спеша открывать щекотливую тему. – Отличное утро, – снова нарушил тишину Харпер.

– Неужели?

Шарп стоял на зубце около пушечной амбразуры, но теперь спрыгнул на орудийную платформу, а с нее на дно сухого рва.

Дожди годами размывали гласис и наполняли ров, а зимой каменная кладка постепенно разрушалась от стужи.

– Я видел сараи, построенные лучше вот этого. – Он пнул камень в основании стены, и тот заметно шелохнулся. – Раствор не держит!

– В растворе было мало воды, – объяснил Харпер и глубоко вздохнул. Он уже понял, что на спутников рассчитывать не приходится, и сам сделал шаг в пропасть. – Мы хотели видеть вас, сэр. Это важно.

Шарп снова забрался на крепостную стену и потер ладони:

– Насчет новых мушкетов?

– Нет, сэр. Мушкеты отличные, сэр.

– Что-то не так с подготовкой?

– Нет, сэр.

– Тогда вам нужен полковник Рансимен, – отрезал Шарп. – Величайте его генералом, и он даст вам всё. – Капитан умышленно уклонялся от разговора. Он прекрасно знал, что нужно делегации, но совершенно не хотел заниматься этими проблемами. – Обратитесь к Рансиму после завтрака, он будет в благодушном настроении.

– Мы уже говорили с полковником, – подал наконец голос капитан Донахью, – и он отправил нас к вам.

– Мы, наверное, заранее знали, что он так скажет, когда обращались к нему. – Отец Сарсфилд улыбнулся. – Мне представляется, что полковник Рансимен относится к проблемам Ирландии без особого сочувствия.

Шарп перевел взгляд с Сарсфилда на Донахью, с Донахью – на Лейси, с Лейси – на угрюмые лица четырех рядовых гвардейцев.

– Так, значит, вы насчет Ирландии, да? Что ж, продолжайте. Никаких других проблем я сегодня и не решаю.

Священник предпочел не заметить сарказма и протянул Шарпу сложенную газету.

– Мы насчет этого, капитан Шарп, – почтительно промолвил Сарсфилд.

Взяв газету, Шарп с удивлением обнаружил, что она пришла из Филадельфии. Первую полосу заполняли плотные, набранные жирным шрифтом строчки: сообщения о прибытии и отправлении судов от городских пристаней; новости из Европы; отчеты конгресса и рассказы о жестокостях индейцев, от которых пострадали поселенцы на западных территориях.

– Внизу страницы, – подсказал Донахью.

– «Печальные последствия неводержанности»? – вслух зачитал заголовок Шарп.

– Нет. Перед этим, – сказал Донахью, и Шарп, вздохнув, прочитал другой заголовок – «Новая резня в Ирландии».

Далее следовало более мрачное и откровенное изложение той истории, которую Рансимен уже поведал Шарпу: перечень убийств невинных детей английскими драгунами, расправ над молящимися женщинами, вытасканными из их домов пьяными гренадерами. Как писала газета, кажется, призраки воинов Кромвеля ожили, чтобы снова залить Ирландию кровью. Ирландия, заявило английское правительство, будет умиротворена раз и навсегда, а между тем, указывала газета, многие ирландцы сражаются против Франции в составе расквартированной в Португалии королевской армии. Шарп прочитал статью дважды.

– Что сказал лорд Кили? – спросил он у отца Сарсфилда – не потому, что его в какой-то степени интересовало мнение Кили, но чтобы выиграть несколько секунд и обдумать ответ. И еще Шарп хотел, чтобы от имени делегации говорил именно Сарсфилд: он считал капеллана человеком доброжелательным, благоразумным и хладнокровным и полагал, что если сможет перетянуть священника на свою сторону, то за Сарсфилдом последует вся рота.

– Его светлость газету не читал, – ответил преподобный отец. – Уехал на охоту с доньей Хуанитой.

Шарп вернул ему газету.

– Ладно, газету я видел и могу сказать вам, что все это полная чушь! – (Один из гвардейцев возмущенно дернул головой и тут же замер под грозным взглядом Шарпа.) – Сказка для идиотов, – продолжил капитан с вызовом, – чистейшая выдумка.

– Откуда вы знаете? – оскорбленным тоном спросил Донахью.

– Все просто. Если бы в Ирландии что-то случилось, капитан, мы узнали бы об этом раньше американцев. И потом, когда это американцы говорили об англичанах что-то хорошее?

– Но мы сами об этом слышали, – вмешался капитан Лейси, молодой, коренастый, задира и драчун, частенько ходивший со сбитыми костяшками пальцев. – Ходят слухи.

– Так и есть, – добавил Харпер.

Шарп посмотрел на друга.

– Господи, – пробормотал он, поняв, как больно Харперу и как тот надеется, что друг рассеет его опасения.

Если бы Харпер хотел подражаться, он выбрал бы не Шарпа, а какого-нибудь другого представителя враждебной нации.

– Господи!

Проблем свалилось столько, что Шарп уже не знал, как с ними справиться. Гвардейцам обещали жалование, но так и не дали ни гроша; из-за дождей в старых казармах царил сырость; кормежка в крепости была ужасная, а вода в единственном колодце имела дрянной привкус. Теперь к ним и угрозе мести со стороны Лу добавилась опасность ирландского мятежа.

– Дайте-ка мне газету, отец, – сказал Шарп священнику и, получив ее, ткнул грязным ногтем в дату, обозначенную в верхней части страницы. – Когда это было напечатано? – Он показал дату Сарсфилду.

– Месяц назад, – сказал священник.

– И что? – воинственно спросил Лейси.

– А вот что. Сколько новобранцев прибыло из Ирландии за последний месяц? – спросил Шарп пренебрежительным тоном. – Десять? Пятнадцать? И ни один не удосужился рассказать об изнасилованной сестре или матери? И тут вдруг оказывается, что какая-то жалкая американская газетенка все это знает? – В первую очередь Шарп обращался к Харперу, ведь сержант лучше других мог знать, какое пополнение прибыло из Ирландии. – Ну же, Пэт! Это полная бессмыслица, и если не веришь мне, я дам пропуск – ступай в главный лагерь, найди тех, кто приплыл из Ирландии лишь недавно, и расспроси их. Может, поверишь хоть им.

Харпер посмотрел на дату, обдумал сказанное Шарпом и нехотя кивнул:

– Да, это полная бессмыслица, сэр, вы правы. Но не все же в этом мире должно иметь смысл.

– Конечно! – бросил Шарп. – Так мы с тобой и живем. Мы – люди практичные, Пэт, не какие-то там мечтатели! Мы верим в бейкеровскую винтовку, тауэрский мушкет и двадцатитрехдюймовый штык. Оставь суеверия и предрассудки женщинам и детям, и вот это... – он похлопал ладонью по газете, – хуже суеверий. Откровенное вранье! – Он посмотрел на Донахью. – И вам, капитан, надо бы пойти к вашим людям и сказать им, что это ложь. А если не верите мне, то поезжайте в лагерь. Пойдите к коннахтским рейнджерам и спросите новобранцев. Пойдите к иннскиллингцам. Пойдите куда хотите, но вернитесь до заката. И скажите вашим людям, капитан, что у них сегодня весь день стрелковая подготовка. Заряжать и стрелять, пока плечи не собьют до мяса. Ясно?

Рядовые из Ирландской королевской роты нехотя кивнули. Проблему Шарп решил, по крайней мере до вечера, до возвращения из разведки Донахью. Отец Сарсфилд взял у Шарпа газету.

– Говорите, это подделка? – спросил священник.

– Откуда мне знать, отец? Я просто говорю, что это неправда. Где вы ее взяли?

Сарсфилд пожал плечами:

– Эти газеты везде, их читает вся армия.

– Да и когда мы с тобой, Пэт, видели газету из Америки? – спросил Шарп, обращаясь к сержанту Харперу. – И как чудно, что в первой же попавшейся расписывают кровавые злодеяния англичан в Ирландии! Как по мне, тут дело нечисто.

Отец Сарсфилд свернул газету.

– Возможно, вы правы, и, если так, слава богу. Вы не против, если я составлю компанию капитану Донахью?

– Чем занимаетесь вы, меня не касается, – сказал Шарп. – Но остальные – давайте-ка за работу!

Жестом показав Харперу, чтобы тот остался, он принялся ждать ухода делегации. Однако отец Сарсфилд тоже задержался.

– Простите, Шарп, – сказал священник.

– За что? – резко спросил стрелок, и Сарсфилд вздрогнул.

– Понимаю, вам вовсе не обязательно заниматься ирландскими делами.

– Да, отец, мне не нужны проблемы. У меня своя работа, и работа эта заключается в том, чтобы сделать из ваших парней солдат. Хороших солдат.

Сарсфилд улыбнулся:

– Вы большая редкость, капитан. Вы честный человек.

– Вот уж нет. – Шарп едва не покраснел, вспомнив, как обошелся Кастратор с тремя дезертирами – по его, Шарпа, просьбе. – Я вовсе не святой, отец, но люблю, чтобы дело было сделано. Если бы всю жизнь предавался мечтам, до сих пор ходил бы в рядовых. Мечты может позволить себе богатый и привилегированный, – добавил он сердито.

– Вы говорите о Кили, – сказал Сарсфилд и медленно зашагал рядом с Шарпом вдоль крепостной стены; подол сутаны промок от лежавшей на траве росы. – Лорд Кили очень слабый человек, капитан. У него была сильная мать. – Священник поморщился, видимо вспомнив ее. – Вам лучше не знать, капитан, каким испытанием для Церкви могут быть сильные женщины, но, думаю, для своих сыновей они куда большее испытание. Леди Кили хотела, чтобы ее сын стал великим католическим воином, ирландским воином! Военачальником-католиком, который преуспел бы там, где потерпел неудачу адвокат-протестант Вольф Тон, но вместо этого она ввергла сына в пьянство и распутство. Я похоронил ее в прошлом году... – он быстро переkreстился, – и, боюсь, лорд не скорбел по ней так, как сын должен скорбеть по матери. Боюсь, он никогда не станет таким достойным христианином, каким она хотела его видеть. Вчера вечером он сказал мне, что намерен жениться на донье Хуаните, – думаю, его мать разрыдается в чистилище при мысли о такой партии. – Священник вздохнул. – Впрочем, мне не хочется обсуждать лорда Кили. Вместо этого, капитан, я прошу: будьте с нами терпимее.

– По-моему, я и так достаточно терпим с вами, – сказал Шарп в свое оправдание.

– С нами, ирландцами, – пояснил отец Сарсфилд. – У вас есть родина, капитан, и вы не знаете, каково быть изгнанником. Вам не приходилось слушать плач на реках Вавилонских. – Сарсфилд улыбнулся, довольный собственной фразой, и пожал плечами. – Это как незаживающая рана, капитан, это никогда не излечится, и не дай бог вам такой судьбы.

Глядя в добродушное лицо капеллана, Шарп испытывал смесь жалости и смущения.

– Вы никогда не бывали в Ирландии, отец?

– Один раз был, сын мой, несколько лет назад. Несколько долгих лет назад. Но, даже прожив еще тысячу лет, я буду помнить краткое пребывание там, как вчера. – Он грустно улыбнулся и подобрал полы влажной сутаны. – Мне нужно поспешить к Донахью. Подумайте, капитан, о том, что я сказал!

Священник пошел быстрым шагом; его седые волосы развевались на ветру.

Харпер приблизился к Шарпу.

– Хороший человек, – кивнул сержант вслед священнику. – Рассказывал, как побывал в Донеголе. В Лох-Суилли. У меня там тетя была, упокой Господь ее бедную душу. Жила в Ратмаллене.

– Я никогда в Донеголе не был, – сказал Шарп. – И наверное, никогда не буду. Честно говоря, сержант, сейчас меня это не волнует. Хватает неприятностей и без вашей чертовой ирландской тоски. Нам необходимы одеяла, продукты и деньги, а значит, надо заставить Рансимена написать еще один волшебный приказ, что будет нелегко, потому что жирный ублюдок до смерти боится трибунала. И от лорда Кили, чтоб его, никакой помощи. Только тем и занят, что хлещет бренди, мечтает о славе да таскается, как молокосос, за чернявой шляхой. – Вопреки совету капеллана Шарп выходил из себя. – Священник просит жалеть вас всех, Хоган хочет,

чтобы я замордовал этих парней, а громила-испанец с ножичком ждет не дождется, когда я поймаю Лу, чтобы он смог отрезать ему чертовы яйца. Все ждут от меня решения их сучьих проблем, так что, бога ради, хоть ты немного помоги!

– Я всегда помогаю, – обиделся Харпер.

– Да, помогаешь, Пэт, извини.

– И если то, что там пишут, правда...

– Неправда! – выкрикнул Шарп.

– Ладно! Ладно! Боже, спаси Ирландию. – Харпер медленно выдохнул, и воцарилось неловкое молчание.

Шарп угрюмо смотрел на север, а Харпер забрался в ближайшую орудийную амбразуру и пнул камень.

– Одному Богу ведомо, зачем здесь построили крепость, – сказал он наконец.

– Там раньше проходила главная дорога. – Шарп кивнул в сторону перевала. – По ней можно было обойти Сюдад-Родриго и Алмейду, но половину дороги смыло дождями, а по тому, что осталось, теперешние пушки не пройдут, поэтому сейчас эта дорога бесполезна. Зато с дорогой на восток все в порядке, и бригада этого дьявола Лу может ею воспользоваться. Вон там пройдут, – Шарп указал, – вверх по склону, через стены и прямо на нас. А остановить их нечем.

– Зачем это Лу? – спросил Харпер.

– Затем, что он полоумный безжалостный мерзавец, вот зачем. А еще затем, что он ненавидит меня и что вышибить нас отсюда ему ничего не стоит.

Угроза ночного налета не давала Шарпу покоя. Сначала он думал о нападении только как о средстве запугать полковника Рансимена, чтобы тот подписал фальшивые приказы о перенаправлении фургонов. Но чем дальше, тем все более вероятным представлялось ему подобное событие – штурм, к которому форт Сан-Исидро совершенно не подготовлен. Тысяча солдат, возможно, сумела бы удержать полуразвалившиеся крепостные стены, но малочисленная Ирландская королевская рота оказать реальное сопротивление не имела шансов. Эти стены грозили стать западней для роты, беспомощной, как крыса, брошенная на бойцовый ринг против терьера.

– Этого-то и хотят Хоган с Веллингтоном, – сказал Шарп вслух.

– Почему, сэр?

– Они ни на грош не доверяют твоим ирландцам, понимаешь? Хотят убрать их, чтобы не мешали, и ждут, что я помогу избавиться от этих бедолаг. Но дело в том, что мне парни нравятся. Черт побери, Пэт, если Лу нападет, мы все покойники.

– Думаете, нападет?

– Я знаю, что нападет! – с чувством сказал Шарп, и внезапно смутные подозрения обернулись твердой уверенностью.

По правде говоря, он всегда полагался на инстинкт. Шарп давно понял, что умный солдат прислушивается к своим суевериям и страхам, потому что от них больше толку, чем от здравого смысла. Здравый смысл твердит, что Лу не станет тратить впустую время и силы, штурмуя Сан-Исидро, но чутье подсказывало: надвигается беда.

– Не знаю, когда или как он нападет, – сказал Шарп, – но я не доверю караульную службу дворцовой гвардии. Мне нужно, чтобы на постах стояли наши парни. – Он имел в виду, что северную оконечность форта должны охранять стрелки. – И мне нужны ночные посты – сделай так, чтобы несколько парней выпалились днем.

Харпер пробежал взглядом по длинному северному склону.

– Думаете, они придут оттуда?

– Это самый легкий путь. Подходы с запада и востока слишком крутые, южная сторона укреплена лучше остальных, а здесь стену осилит даже калека. Господи! – Шарп лишь теперь

в полной мере осознал, насколько уязвим форт. Он посмотрел на восток. – Держу пари, этот гад наблюдает за нами прямо сейчас.

Расположившись на одной из вершин, француз с хорошей подзорной трубой мог бы, пожалуй, сосчитать пуговицы на мундире Шарпа.

– Вы и в самом деле уверены, что он нападет? – спросил Харпер.

– Нам чертовски повезло, что он до сих пор не напал. И еще нам чертовски повезло, что мы всё еще живы.

Шарп спрыгнул с куртины на траву. Заросший сорной травой пустырь тянулся на сто ярдов, дальше шли казарменные здания из красного кирпича. Всего их было восемь – длинные бараки, в двух из которых, отремонтированных получше других, располагалась Ирландская королевская рота. Что касается стрелков, то они поселились в оружейном складе возле воротной башни. Эта башня, считал Шарп, ключ к обороне: владеющий башней будет определять ход боя.

– Все, что нам нужно, – это предупреждение за три-четыре минуты, и тогда мы заставим мерзавца пожалеть о том, что он не остался в постельке.

– Мы сможем его разбить? – спросил Харпер.

– Он уверен, что застанет нас врасплох. Думает, что ворвется в казармы и захватит нас тепленькими. Но, имея несколько минут форы, мы успеем превратить башню в крепость – и без артиллерии Лу ничего с ней сделать не сможет! – произнес Шарп с невесть откуда взявшимся энтузиазмом. – Ты же сам говорил, что для ирландца хорошая драка – все равно что добрая выпивка, разве нет?

– Если и говорил, то только спьяну, – сказал Харпер.

– И все-таки помолимся за драку и победу, – убежденно сказал Шарп. – Это добавит гвардейцам уверенности!

Но позже, в сумерках, когда последние золотисто-красные лучи гасли за западными холмами, все изменилось.

Португальский батальон прибыл без предварительного уведомления. Это были касадоры – такие же стрелки, как зеленые кители, но в мундирах цвета запекшейся крови и серых британских панталонах. Вооружены они были бейкеровскими винтовками и пользоваться ими, похоже, умели неплохо. В форт батальон вошел легким, немного ленивым шагом, свойственным понюхавшим пороху ветеранам, и за колонной следовал конвой из трех запряженных быками фургонов, груженных продуктами, топливом и боеприпасами. Укомплектован батальон был чуть более чем наполовину – примерно четыреста солдат, – но вид имел бравый. Командовал им высокий узколицый полковник Оливейра.

– Мы каждый год занимаем Сан-Исидро на несколько дней, – небрежно объяснил он лорду Кили. – Просто чтобы напомнить себе, что форт еще существует, и отбить у кого бы то ни было желание расположиться здесь надолго. Нет-нет, не выселяйте ваших людей из казарм. Моим солдатам бараки не нужны. И мешать вам мы не будем, полковник. В ближайшие дни я устрою моим бездельникам разминку на той стороне.

Позади последних обозных фургонов закрипели, закрываясь, большие ворота форта. Створки соединились, и один из солдат Кили опустил запорный брус. Полковник Рансимен торопливо вышел из башни поприветствовать полковника Оливейру и пригласить на ужин, но португалец отказался:

– Я ужинаю с моими людьми, полковник. Не обижайтесь.

Оливейра говорил на хорошем английском, и почти половина его офицеров были британцами – результат политики объединения португальской армии с войсками Веллингтона. К радости Шарпа, одним из офицеров оказался Томас Джеррард, который служил с ним рядовым в 33-м полку и теперь воспользовался перспективой карьерного роста, обещанной британским

сержантам, согласным перейти в португальскую армию. Последний раз они с Шарпом встречались в Алмейде в тот день, когда случился страшный взрыв порохового склада. Джеррард был среди защитников крепости, и ему пришлось сдаться вместе с остатками гарнизона.

– Проклятые лягушатники! – с чувством сказал он. – Держали нас в Бургосе, кормили так, что и крыса осталась бы голодной, да и то каким-то гнильем. Господи, Дик, мы с тобой в свое время всякой жратвы повидали, но эта была препоганая. И все из-за взрыва в той проклятой церкви. Хотел бы я встретить французского пушкаря, который это устроил, и свернуть ему шею!

Вообще-то, склад боеприпасов в крипте храма взорвал Шарп, но признаваться в этом вряд ли было бы благоразумно.

– Да, дело мерзкое, – согласился он.

– Вы ведь ушли на следующее утро? – спросил Джеррард. – А нам Кокс не разрешил. Хотели пробиться с боем, но он сказал, что надо вести себя достойно и сдаться. – Джеррард покачал головой. – Хотя это уже не важно. Меня обменяли, и Оливейра предложил служить в его полку, так что теперь я капитан, как и ты.

– Прекрасно!

– Они хорошие парни, – с теплотой в голосе сказал Джеррард, глядя на свою роту, которая расположилась под открытым небом возле северной куртины.

В сумерках ярко горели португальские походные костры. Часовые Оливейры стояли на каждой куртине, их не было только на воротной башне. Имея столь надежную охрану, Шарп мог не утруждать своих стрелков караулом, но тревога не отпускала, и позже, когда они с Джеррардом прогуливались по темным крепостным стенам, стрелок рассказал о своих опасениях.

– Я слышал о Лу, – сказал Джеррард. – Та еще сволочь.

– Гнусная тварь.

– Думаешь, он придет сюда?

– Так мне говорит чутье, Том.

– Черт, не прислушаешься – и можно рыть себе могилу, да? Пойдем навестим полковника.

Но не так-то просто оказалось убедить Оливейру, чтобы он принял во внимание опасения Шарпа. Не помогло взаимопониманию и присутствие Хуаниты де Элиа. Они с лордом Кили вернулись, проведя на охоте весь день в компании отца Сарсфилда, полковника Рансимена и полудюжины офицеров Ирландской королевской роты, приглашенных португальцем на ужин. Над предупреждением Шарпа Хуанита откровенно посмеялась.

– Думаете, французскому генералу есть дело до какого-то английского капитана? – насмешливо спросила она.

Шарп едва сдержался. Он говорил с Оливейрой, а не со шлюхой Кили, но ни место, ни время не годились для ссоры. Кроме того, он чувствовал, что каким-то странным образом их взаимная неприязнь обусловлена чем-то глубинным и потому неустранима. Хуанита охотно болтала с другими офицерами, даже с Рансименом, но с Шарпом в лучшем случае ограничивалась вежливым приветствием и тут же отворачивалась и уходила.

– Да, мэм, думаю, ему есть дело до меня, – мягко сказал Шарп.

– Почему? – спросил Оливейра.

– Отвечайте, ну же! – вмешался Кили, видя, что Шарп колеблется.

– Смелее, капитан! – поддразнила Хуанита. – Язык проглотили?

– Думаю, ему есть до меня дело, мэм, – уязвленный насмешкой, сказал Шарп, – потому что я убил двоих его подчиненных.

– О боже! – Хуанита изобразила потрясение. – А я-то думала, что на войне это в порядке вещей!

Кили и кое-кто из португальских офицеров улыгнулись, но полковник Оливейра посмотрел на Шарпа внимательно, словно взвешивая предостережение. Потом пожал плечами.

– Почему Лу волнует, что вы убили двух его людей? – спросил он.

Шарпу не хотелось признаваться в нарушении обычаев войны, но и отступить он уже не мог. Безопасность всех, кто находился в крепости, зависела от того, удастся ли убедить Оливейру в существовании реальной опасности. Поэтому он с большой неохотой рассказал о деревне с изнасилованными и убитыми жителями, от мала до велика, и о расстреле попавшихся на месте злодеяния французов.

– У вас имелся приказ расстрелять их? – спросил Оливейра, уже предполагая, каким будет ответ.

– Нет, сэр, – сказал Шарп, чувствуя, что на него обращены все взгляды.

Он допускал, что совершает ужасную ошибку, признавая факт незаконной казни, но нужно было во что бы то ни стало убедить Оливейру, и он описал, как Лу прискакал в горную деревушку, чтобы освободить солдат, и как, несмотря на его просьбы, пленные были поставлены к стенке.

Полковник Рансимен, слышавший рассказ впервые, недоверчиво покачал головой.

– Вы расстреляли людей Лу у него на глазах? – удивленно спросил Оливейра.

– Да, сэр.

– Так эта вражда между вами и Лу – личная вендетта, капитан Шарп? – спросил португальский полковник.

– В некотором смысле, сэр.

– Или да, или нет! – отрезал Оливейра.

Вспыльчивый и решительный, он напомнил Шарпу генерала Кроуфорда, командира Легкой дивизии. Как и Кроуфорд, Оливейра не принимал уклончивые ответы.

– Я думаю, генерал Лу нападет очень скоро, сэр, – повторил Шарп.

– Доказательства?

– Наша уязвимость, – сказал Шарп. – И еще то, что он назначил цену за мою голову, сэр. – Он знал, что это прозвучит как проявление слабости, и покраснел, когда Хуанита громко засмеялась.

На ней была форма Ирландской королевской роты, но она расстегнула воротник мундира и рубашки, так что на длинной шее играли отсветы пламени. Все офицеры, сидевшие вокруг костра, были очарованы ею, что неудивительно, поскольку она казалась неким прекрасным экзотичным созданием в этом мире пушек, пороха и камня. Она сидела вплотную к Кили, облокотившись на его колено, и Шарп подумал, уж не объявили ли они о своей помолвке. Отчего-то все гости за ужином пребывали в приподнятом настроении.

– И какова цена, капитан? – спросила она насмешливо.

Шарп едва удержался от ответа, что награды более чем достаточно, чтобы оплатить ее услуги в течение ночи.

– Не знаю, – солгал он.

– Вряд ли большая, – сказал Кили. – Немолодой капитан вроде вас, Шарп? Пара талеров, возможно? Или мешок соли?

Оливейра посмотрел на Кили с неодобрением – пьяные насмешки его светлости пришлось португальцу не по вкусу. Полковник затянулся сигарой и выпустил струю дыма.

– Я удвоил количество часовых, капитан. И если этот Лу действительно явится за вашей головой, мы дадим ему бой.

– Когда он явится, сэр, – уточнил Шарп. – И могу я предложить, со всем уважением, сэр, чтобы ваши люди перешли в караульное помещение?

– Никак не уговорите, Шарп? – оборвал его Кили.

Перед прибытием португальского батальона Шарп попросил, чтобы Кили переместил туда гвардейцев, но лорд наотрез отказался и теперь повторил свои прежние аргументы. – Здесь на нас никто не нападет. И в любом случае мы должны драться с французами на крепостных стенах, а не в башне.

– Мы не можем драться на крепостных стенах... – начал Шарп.

– Проклятье! Не говорите мне, где мы можем драться! – закричал Кили, напугав Хуаниту. – Вы капрал-высочка, Шарп, а не генерал. Если французы придут, то, черт побери, я буду драться с ними так, как я хочу, и побью их, как мне нравится, – без вашей помощи!

Вспышка смутила офицеров. Отец Сарсфилд хмурился, словно искал подходящие случаю выражения, но нарушил воцарившуюся неловкую тишину Оливейра.

– Если они придут, капитан, – сказал он серьезно, – я буду искать укрытие там, где вы советуете. И спасибо за ваш совет. – Полковник поклонился, показывая, что не задерживает Шарпа.

– Доброй ночи, сэр, – сказал Шарп и пошел прочь.

– Десять гиней плюс цена вашей головы на то, что Лу не придет, Шарп! – прокричал ему вслед Кили. – Что это с вами? Упали духом? Не хотите держать пари как джентльмен?

Кили и Хуанита рассмеялись.

Шарп попытался не обращать внимания. Его догнал Том Джеррард.

– Мне жаль, Дик, – сказал он и после паузы спросил: – Ты действительно расстрелял тех лягушатников?

– Да.

– И правильно сделал. Но я не стал бы об этом распространяться.

– Знаю, знаю, – сказал Шарп и покачал головой. – Чертов Кили!

– Его женщина – редкая штучка, – сказал Джеррард. – Напоминает девчонку, которую ты подцепил в Гавилгуре. Помнишь ее?

– Но эта – шлюха, вот в чем разница. – Господи, подумал Шарп, когда у бабы такой нрав, никакого самообладания не хватит. – Извини, Том. Вбивать им в голову здравый смысл – все равно что пытаться стрелять с отсыревшим порохом.

– Переходи к португальцам, Дик, – сказал Джеррард. – Золотые парни, и нет высокородных мерзавцев вроде Кили, которые отравляют жизнь.

Он предложил Шарпу сигару. Приятели склонились над трутницей Джеррарда, и когда обугленный фитиль разгорелся, Шарп увидел картинку, выгравированную на внутренней стороне крышки.

– Подожди, Том, – сказал он, не давая другу закрыть крышку. Он смотрел на рисунок несколько секунд. – Я и забыл про них.

Трутницы делались из дешевого металла, который для защиты от ржавчины приходилось смазывать ружейным маслом. Джеррард сумел сохранить свою в течение двенадцати лет. Один жестяник в захваченном Серингапатаме изготовил десятки таких, все с похожими примитивными рисунками. Трутница Джеррарда изображала британского солдата с длинноногой девицей, выгнувшей спину в экстазе.

– Вот паршивец, мог бы сперва шапку снять, – сказал Шарп.

Джеррард засмеялся и защелкнул крышку, чтобы сберечь фитиль.

– А твоя у тебя?

Шарп покачал головой:

– Потерял несколько лет назад. Наверное, Хейксвилл стащил, скотина. Помнишь его? Крал все подряд.

– Боже правый! – воскликнул Джеррард. – А я ведь почти забыл ублюдка. – Он затянулся сигарой и, словно чему-то удивляясь, покачал головой. – Кто бы поверил, а, Дик? Мы с тобой

капитаны! А ведь я помню, как тебя разжаловали из капралов за то, что ты пёрнул на построении для молебна.

– Славные были деньки, Том, – сказал Шарп.

– Только потому, что остались далеко в прошлом. Вспомни голую ветку через много лет, и увидишь зеленые листочки.

Шарп подержал дым во рту и выпустил.

– Будем надеяться, Том, что впереди еще много лет. И что Лу не на полпути сюда. Было бы чертовски жаль, если бы вы пришли ради учений и погибли от рук его бандитов.

– На самом деле мы здесь не для учений, – сказал Джеррард, после чего наступила долгая неловкая пауза. – Ты умеешь хранить секреты? – спросил он наконец.

Они дошли до темного пустыря, располагавшегося достаточно далеко от лагеря касадоров.

– Мы здесь не случайно. Нас послали.

С ближайшей куртины донесся звук шагов – португальский офицер обходил посты. Пароль – ответ. Шарп даже немного успокоился, получив такое свидетельство воинской готовности.

– Веллингтон?

Джеррард пожал плечами:

– Полагаю, что да. Со мной его светлость, разумеется, не откровенничает, но в этой армии мало что происходит без одобрения Носача.

– И почему же он вас прислал?

– Веллингтон не доверяет испанским ирландцам, вот почему. В последнее время армию будоражат разные слухи. Говорят, что английские солдаты сжигают ирландских священников и насилюют ирландских женщин, а еще...

– Я слышал эти рассказы, – прервал его Шарп. – Все вранье. Сегодня даже посылал в лагерь капитана, и он узнал все сам.

Капитан Донахью, вернувшийся из расположения армии с отцом Сарсфилдом, проявил благородство и принес Шарпу извинения. Где бы Донахью и Сарсфилд ни побывали, кого бы из прибывших из Ирландии новобранцев ни спрашивали, они не нашли подтверждения историям, напечатанным в американской газете.

– Правда или нет, – сказал Джеррард, – но эти рассказы кого-то наверху напугали, и там решили, что слухи идут от ваших ирландцев. И нас послали присматривать за вами.

– Охранять нас, ты хочешь сказать? – с горечью спросил Шарп.

– Присматривать, – повторил Джеррард. – Никто толком не знает, чем нам здесь заниматься, пока их светлости не решат. Оливейра думает, что твоих парней отправят в Кадис. Не тебя, Дик, – поспешно добавил Джеррард. – Ты ведь не ирландец? Мы только удостоверимся, что эти парни не натворят бед, и твои ребята вернутся к обычной службе.

– Мне нравятся эти ирландцы, – спокойно сказал Шарп, – и бед они не натворят. Это я могу гарантировать.

– Дик, меня тебе убеждать не нужно.

Значит, Хоган или Веллингтон, предположил Шарп. И до чего же умный ход – отрядить для грязной работы португальский батальон, чтобы генерал Вальверде не смог сказать, что это британский полк третировал ирландскую роту дворцовой гвардии короля Испании. Шарп выдохнул дым сигары.

– Выходит, те часовые на стене, они не Лу высматривают, а за нами следят?

– Они в обе стороны смотрят, Дик.

– Хорошо, но ты все-таки удостоверься, что они смотрят и наружу. Если Лу нападет, заплатить придется дорого.

– Они свой долг исполняют, – упрямо ответил Джеррард.

И они исполнили. Настороженно ловя малейшее движение в зыбкой тьме, бдительные португальские часовые наблюдали со стен за тем, как ночная прохлада вползает в восточную долину, расстилаясь над речкой призрачным туманом. В форте вскрикнул во сне ребенок, заржала лошадь, коротко пролаял пес. Через два часа после полуночи часовые сменились.

В три часа ночи на свое место в разрушенной часовне вернулась сова, прошелестев огромными белыми крыльями над курящимися португальскими кострищами. Обходя караульные посты, Шарп вглядывался в длинные ночные тени, высматривал признаки опасности. Кили и его шлюха спали, Рансимен тоже, но Шарп бодрствовал. Кое-какие меры предосторожности он уже принял: приказал перенести часть боеприпасов Ирландской королевской роты в гостиную полковника Рансимена, а оставшиеся раздал солдатам. Еще раньше он обсудил с Донахью план действий на случай нападения, а потом, удостоверившись, что сделал все возможное, обошел посты с Томом Джеррардом. И вот теперь, взяв пример с совы, Шарп отправился спать. До рассвета оставалось меньше трех часов, и он решил, что сегодня Лу уже не нападет. Он лег и мгновенно уснул.

А через десять минут проснулся под треск выстрелов.

Волк наконец пришел.

Первым предупреждением стал крик Миранды, девушки, спасенной стрелками в горной деревушке. Она вопила, точно банши, и Шарп сначала решил, что ему это снится, но потом услышал выстрел и увидел стрелка Томпсона. Пуля попала ему в голову, и кровь лилась, как из зарезанного поросенка. Отброшенный от входа в склад, рядовой пролетел все десять ступенек лестничного марша и теперь лежал, вздрагивая в агонии. Под спутанными волосами образовалась лужица крови, скатившаяся винтовка валялась в яре от Шарпа.

На верхней площадке лестницы мелькали тени. Главный вход вел в короткий тоннель, оснащенный двумя дверьми в те времена, когда в форте помещался полный гарнизон, а склад был заполнен порохом и пулями. У второй двери тоннель резко поворачивал, потом поворачивал еще раз и шел в обратном направлении, к верхней лестничной площадке. Сделано это было для того, чтобы вражеское ядро не влетело напрямиком в арсенал. Тоннель задержал застреливших Томпсона французов, и они лишь теперь возникли в слабом свете свечи, горевшей в подземном помещении.

Серая форма. Значит, не сон, а кошмар наяву – серые убийцы пришли.

Шарп схватил винтовку Томпсона, направил ее и выжал спуск.

Вслед за этим выстрелом в подвале как будто грохнул взрыв, и сгусток пламени пронзил облако дыма. Патрик Харпер пустил в ход свою семиствольку, рой пистолетных пуль отбросил нападавших за угол. Еще две винтовки грянули в темноте. Эхо выстрелов заполнило арсенал, расплылся густой ядовитый дым. Неподалеку хрипел раненый, не переставая вопила девчонка.

– Назад! Назад! – крикнул Шарп. – Заткни ей рот, Перкинс! – Он схватил свою винтовку и выстрелил в сторону верхней площадки.

Не было видно ничего, кроме тусклых пятнышек свечей, моргающих за дымной пеленой. Французы как будто исчезли, хотя на самом деле их задержала баррикада из кричащих, истекающих кровью и дергающихся в агонии товарищей.

В конце склада была еще одна лестница, винтовая, которая вела к крепостной стене и по которой боеприпасы доставлялись напрямиком туда, чтобы не тащить их через внутренний двор.

– Сержант Латимер! – прокричал Шарп. – Пересчитать людей! Томпсон выбыл. Живей! Живей!

Если французы уже захватили крепостные стены, прикинул Шарп, то он и его стрелки оказались в ловушке и обречены сдохнуть здесь, как крысы в норе. И все же терять надежду не хотелось.

– Пошли! На выход!

Шарп спал не разуваясь, и теперь он только подтянул ремень, прихватил палаш и, бросив на плечо португую, начал перезаряжать винтовку. Дым лез в глаза. Наверху французский мушкет выплюнул облачко дыма, и пуля срикошетировала от стены, никого не задев.

– Только вы и Харпс, сэр! – прокричал от задней лестницы Латимер.

– Идем, Пэт! – сказал Шарп.

По ступенькам грохотали башмаки. Так и не зарядив винтовку, Шарп взял ее за ствол и огрел прикладом возникшую в дыму тень. Человек упал, даже не вскрикнув, оглушенный ударом окованного латуной дерева. Харпер перезарядиться успел и, выстрелив наугад в сторону лестницы, схватил Шарпа за локоть:

– Ради бога, сэр! Идемте!

Люди в сером сбегали по лестнице в задымленную тьму. Пальнул пистолет, кто-то выкрикнул короткий приказ по-французски, кто-то споткнулся о труп Томпсона. В сыром, напоминавшем пещеру подвале воняло мочой, тухлыми яйцами и потом. Харпер протащил Шарпа сквозь дым к подножию задней лестницы, где их, пригнувшись, ждал Латимер.

– Поднимайтесь, сэр! – Сержант с заряженной винтовкой задержался, чтобы прикрыть отход товарищей.

Шарп рванул вверх по лестнице к прохладному и чистому ночному воздуху. Латимер послал пулю в скрытый темнотой хаос и последовал за Харпером по ступенькам. Наверху, с винтовками наготове, ждали Кресакр и Хэгмен.

– Не стрелять! – предупредил Шарп и побежал к стрелковой ступени, чтобы глянуть вниз и осознать весь ужас происходящего.

Дверь, которая вела в воротную башню, была заперта изнутри. Харпер принялся колотить в нее прикладом семистволки.

– Открывайте! – крикнул он. – Открывайте!

Хэгмен выстрелил вниз, и на винтовой лестнице кто-то вскрикнул.

– Сзади, сэр! – предупредил Перкинс, закрывая собой испуганную Миранду, которая спряталась в одной из навесных бойниц. – И еще больше на дороге, сэр!

Шарп выругался. Воротная башня, на которую он рассчитывал как на последнее убежище, была захвачена. Ворота стояли распахнутые, их охраняли солдаты в сером. Похоже, атаку осуществили две роты вольтижеров Лу, отличавшиеся красными эполетами. Обе были теперь внутри форта. Одна рота направилась напрямиком к арсеналу, где находился со своими стрелками Шарп, тогда как большая часть второй роты, растянувшись в цепь, быстро продвигалась между казармами. Еще один серый пехотный взвод карабкался по скату к стрелковым позициям на стене.

Харпер все еще колотил в дверь, но ему никто не отвечал. Шарп повесил на плечо полузаряженную винтовку и вынул из ножен палаш.

– Оставь ее, Пэт! – крикнул он. – Стрелки! В шеренгу!

Реальная опасность исходила сейчас от взвода, поднимавшегося по склону к стене. Если враг закрепится на орудийных платформах, стрелки будут блокированы, как только основные силы Лу войдут на территорию Сан-Исидро. Эти основные силы приближались сейчас по подъездной дороге, и Шарпу хватило одного быстрого взгляда на юг, чтобы осознать: Лу повел в бой всю бригаду, бросив вперед две роты легкой пехоты. Шарп понял, что ошибся в расчетах. Французы атаковали не с севера, а с юга и уже овладели местом, которое Шарп планировал превратить в главный опорный пункт. Судя по всему, две элитные роты скрытно приблизились по дороге и броском достигли стен прежде, чем часовой поднял тревогу. Наверняка ворота

открыли изнутри, и человек, сделавший это, сообщил, где искать Шарпа, заклятого врага Лу, после чего генерал, движимый жадой мести, направил туда, где находился Шарп, одну из двух передовых рот.

Впрочем, время для анализа вражеской тактики было не самое подходящее. В первую очередь требовалось сбросить французов с крепостной стены, чтобы не оказаться зажатым с двух сторон на виду у противника.

– Примкнуть штыки! – скомандовал Шарп и, дав стрелкам время надеть длинные штык-тесаки на стволы винтовок, добавил: – Спокойно, парни.

Он знал, что люди напуганы и возбуждены – проснувшись, они оказались в кошмаре, устроенном для них умным и хитрым врагом, – но сейчас паниковать было нельзя. Сейчас требовался холодный ум и смертный бой.

– Сомнем гадов! Вперед! – выкрикнул Шарп и пошел впереди ломаной шеренги к залитым лунным светом стенам.

Французы опустили на колени и прицелились, но их было немного, они плохо видели в темноте и нервничали, а потому поспешили, и пули ушли вверх и в стороны. В страхе перед темной массой стрелков вольтижеры дрогнули, повернули и побежали вниз по насыпи – к пехотной цепи, продвигавшейся между казармами к касадорам Оливейры.

Португальцы, решил Шарп, пусть постоят за себя сами. Его долг – быть с Ирландской королевской ротой, оба барака которой уже окружили вольтижеры. Французы вели огонь, укрываясь за другими зданиями, но атаковать не осмеливались, так как гвардейцы дали решительный отпор. Ротные офицеры, как полагал Шарп, либо погибли, либо попали в плен, хотя, возможно, некоторые убежали из башни через двери, выходящие на крепостные стены, пока французы штурмовали помещения внизу.

– Эй, парни! – Шарп повысил голос, чтобы его слышали все стрелки. – Здесь оставаться нельзя. Лягушатники скоро выйдут из арсенала, так что давайте присоединимся к ирландцам. Забаррикадируемся и будем отстреливаться.

Он предпочел бы разделить стрелков на две группы, по одной на каждую осажденную казарму, но решил не рисковать – до дальнего здания живыми могли добраться не многие. Перед ближней казармой собралось меньше вольтижеров, к тому же в ней находились жены и дети, а значит, она больше нуждалась в огневой поддержке.

– Готовы? – спросил Шарп. – Пошли!

Стрелки сбежали вниз ровно в тот момент, когда справа французов атаковали португальцы. Появление касадоров отвлекло вольтижеров, и у стрелков появился шанс прорваться к казармам без боя, но шанс едва ли не призрачный – как только Харпер прокричал на гэльском, чтобы гвардейцы открыли дверь, громкие вопли у ворот возвестили о прибытии главных сил Лу.

Стрелки уже приближались к казарме, когда на пути у них оказались солдаты Лу, отступившие под натиском португальцев. Опасность столкновения французы осознали слишком поздно. Их сержант успел выкрикнуть предупреждение и в следующий миг свалился под залпом семиствольного ружья Харпера. Раненый, он попытался подняться, но получил удар тяжелым прикладом по голове. Другой француз бросился в противоположном направлении, но понял, что перед ним португальцы, в панике повернул назад и едва не напоролся на штык Харриса.

– Non, Monsieur! – вскрикнул он и, бросив мушкет, поднял руки.

– Что? Не называть тебя лягушатником? – Харрис спустил курок.

Шарп уклонился от падающего тела, парировал неуклюжий выпад и оглушил противника ударом тяжелого палаша. Француз попытался поддеть стрелка снизу штыком, и Шарп дважды злобно полоснул его клинком и оставил на земле – кричащего от боли, истекающего кровью, сжавшегося в комок. Отмахнувшись от еще одного вольтижера, он побежал к освещенному

луной пустому бараку, где горстка стрелков прикрывала прячущуюся за их спинами Миранду. Харпер все еще кричал на гэльском – Шарп и Донахью договорились пользоваться этим языком в сложной ситуации, чтобы французы не сбили их с толку, пустив в ход английский, – и его наконец услышали. Дверь ближней казармы приоткрылась. В щель просунулось дуло, винтовка выстрелила, и пуля просвистела у Шарпа над головой. За спиной у него кто-то вскрикнул. Хэгмен уже стоял пригнувшись у двери и пересчитывал вбежавших внутрь стрелков.

– Давай, Перкс! – позвал он, и Перкинс с Мирандой перебежали через открытое пространство в сопровождении нескольких зеленых кителей.

– Все в безопасности, сэр, – прокричал чеширец Шарпу, – остались только вы и Харпс!

– Идем, Пэт, – сказал Шарп.

Ирландец устремился к двери, и тут из-за угла казармы выскочил вольтижер. Увидев убегающего стрелка, француз упал на колено и навел мушкет. Шарпа он заметил через секунду, но было поздно – палаш уже опускался. Удар пришелся чуть выше глаз, и сила его, удвоенная злостью, была такова, что верхушку черепа срезало, словно это было вареное яйцо.

– Боже, храни Англию! – пробормотал Хэгмен, наблюдавший удар от двери казармы. – Заходи, Харпс! Ну же, сэр! Поспешите!

Паника, вызванная португальской контратакой, помогла стрелкам уйти из-под первого удара французов, но паника уже стихала – главные силы прошли на территорию форта через открытые ворота. Теперь в ловушку для людей Шарпа грозили превратиться сами казармы.

– Матрасы! Ранцы! – закричал Шарп. – Укладывайте у дверей! Пэт! Займись окнами! Шевелись, женщина! – гаркнул он на чью-то плачущую жену, попытавшуюся выбежать из казармы, и бесцеремонно толкнул ее в спину.

Пули плющились о каменные стены и рвали в щепки дверь. В обеих длинных стенах были оконца, и Харпер закладывал их одеялами. Стрелок Кресакр просунул ствол винтовки в заложненное наполовину окно и выстрелил в сторону воротной башни.

Шарп и Донахью, когда обсуждали варианты развития событий в случае нападения французов, сошлись на том, что казармы станут для Ирландской королевской роты западней. Донахью приказал проделать в стенах бойницы. Работу выполнили кое-как, но амбразуры, по крайней мере, давали возможность вести ответный огонь. Тем не менее похожий на тоннель и слабо освещенный барак оказался не самой приятной ловушкой. Женщины и дети плакали, гвардейцы нервничали, а баррикады у дверей не выглядели непреступными.

– Вы все знаете, что делать, – обратился к гвардейцам Шарп. – Французы не могут войти, не могут разрушить стены и не могут стрелять через камень. Если не мазать, близко они не подойдут. – Он не был уверен, что все сказанное верно, но знал, что должен поддержать в людях боевой дух.

В казарме было десять амбразур – по пять в каждой длинной стене, и на каждую приходилось как минимум восемь человек. Не многие из них владели оружием так, как хотелось бы Шарпу, но такое количество бойцов обеспечивало достаточно плотный огонь. Оставалось только надеяться, что гвардейцы во второй казарме приняли такие же меры, поскольку штурм мог начаться в любой момент.

– Кто-то открыл им чертовы ворота, – сказал Шарп Харперу.

Ответить сержант не успел – звериный вой возвестил о наступлении основных сил генерала Лу. Шарп приник к щели в заложленном окне и увидел хлынувший между бараками серый поток. За пехотой под штандартом с волчьими хвостами ехали всадники, казавшиеся мертвенно-бледными в лунном свете.

– Моя ошибка, – с сожалением сказал Шарп.

– Ваша? Почему? – Харпер забивал пулю в последний ствол семистволки.

– Что делает хороший солдат, а, Пэт? Он предпочитает внезапность. Нападение с севера представлялось столь очевидным, что я забыл о юге. Черт возьми!

Он выставил в щель винтовку и поискал взглядом одноглазого. Убей Лу – и все закончится, атака захлебнется... Но обнаружить генерала в массе серых мундиров не удалось, и Шарп выстрелил наугад. Неприятельские пули застучали по каменным стенам, не причиняя никакого вреда, а вот ответные выстрелы внутри барака грохотали куда громче и пугали детей.

– Заткните им рот! – сердито бросил Шарп.

В холодном, темном помещении едкий запах порохового дыма страшил детей почти так же, как оглушительный ружейный огонь.

– Тихо! – проревел Шарп, и в казарме все смолкло, только один ребенок продолжал хныкать. – Да уйми ж ты своего дьяволенка! – заорал на мать Шарп. – Шлепни, если надо!

Шлепать дитя женщина не стала и вместо этого дала ему грудь, что произвело должный эффект. Некоторые женщины и дети постарше заряжали мушкеты и ставили их возле окон.

– Не переносу, когда эти проклятые сопляки орут, – ворчал Шарп, перезаряжая винтовку.

– Вы тоже когда-то были ребенком, сэр, – неодобрительно заметил Дэниел Хэгмен.

Став стрелком, бывший браконьер частенько выступал с нравоучениями.

– Если я болел однажды, это не значит, черт возьми, что мне должно нравиться болеть, разве не так? Кто-нибудь видел этого сучьего Лу?

Генерала никто не видел. Большая часть бригады прошла мимо казарм, надвигаясь на португальцев, которые построились в две шеренги и приготовились встретить противника дружными залпами. В ночи поле боя освещалось полумесяцем и затухающими кострами. Французы прекратили завывать по-волчьи, поскольку их ждала серьезная, хотя и неравная схватка. Численное превосходство было на их стороне, и наступали они с мушкетами, тогда как у только что проснувшихся португальцев на вооружении были винтовки Бейкера, которые заряжались гораздо медленнее. Состязаться в скорости с обученными французскими солдатами португальцы не могли, даже отказавшись от использования шомпола и кожаной обертки и просто загоняя пулю ударом приклада о землю.

Но даже с учетом всего этого касадоры оказались стоящими бойцами. Какое-то время французы просто не могли найти португальцев в полутьме, а когда наконец отыскали, не сразу собрали свои роты вместе и построились в три шеренги. Но как только два французских батальона образовали линию, они обошли небольшой португальский батальон с обоих флангов. Португальцы упорно сопротивлялись. Вспышки винтовочных выстрелов пронзали ночь. Тяжелые мушкетные пули выносили солдат из шеренги, и сержанты криками гнали рядовых в брешь, требуя держать сомкнутый строй. Кто-то упал в тлеющие угли костра огня и дико заорал, когда взорвавшаяся патронная сумка проделала у него в спине дыру размером с вещмешок. Несчастный умирал, кровь шипела и пенилась на горячем пепле. Полковник Оливейра прохаживался за спинами своих солдат, оценивая ход боя и приходя к неутешительному выводу. Капитан-англичанин оказался прав. Нужно было укрыться в одной из казарм, но теперь между батальоном и казармами стояли французы. Ощущение грядущей беды крепло, и Оливейра понимал, что предотвратить ее не в его власти. Вариантов стало еще меньше, когда в темноте послышался не предвещавший ничего хорошего стук копыт. В форт вошла французская кавалерия.

Подозвав знаменосцев, полковник направил их к северной стене.

– Укройтесь где-нибудь, – приказал он.

В старых складах и между разрушенными стенами хватало укромных мест, чтобы спрятать полковые знамена и не дать врагу захватить их. Подождав, пока батальон даст еще два залпа, полковник приказал отступить.

– Держать строй! Все назад! К стене!

Раненых пришлось оставить, хотя некоторые из них, истекая кровью, ползком или хромая, пытались угнаться за товарищами. Французы подошли совсем близко, и наступил момент,

которого Оливейра боялся больше всего: короткая трель горна в темноте и звук вынимаемых из ножен сабель.

– Бегом! – крикнул Оливейра. – Бегом!

Строй сломался, и солдаты побежали. В ту же секунду кавалерия устремилась в атаку, и батальон касадоров стал мишенью, о которой каждый кавалерист может только мечтать: неуправляемой, несопротивляющейся толпой. Серые драгуны рубили отступавших тяжелыми палашами. Атаку возглавил сам Лу, умышленно растянувший строй так, чтобы завернуть беглецов и направить их на свою наступающую пехоту.

Часть рот левого фланга Оливейры достигли укреплений без потерь. Лу видел взбегающие по скату темные фигурки, но преследовать их не собирался. Если португальцы переберутся через стену и спустятся в долину, находящиеся вне форта драгуны настигнут их и передавят как блох, а если останутся на куртинах, то же самое сделает с ними пехота. Ближайшей заботой Лу были те, кто пытался сдаться. Десятки португальских солдат, бросив разряженные винтовки, стояли с поднятыми руками. Лу подъехал к одному, улыбнулся и коротким ударом разрубил ему голову.

– Пленных не брать! – велел он своим людям. – Никаких пленных!

Пленные замедлили бы уход из форта, к тому же резня, учиненная в отношении целого батальона, должна послужить серьезным предупреждением армии Веллингтона, показать, что, достигнув испанской границы, она столкнулась с новым, более решительным противником, чем то войско, которое гнала от Лиссабона.

– Убейте всех! – крикнул Лу.

Какой-то португалец выстрелил, и пуля просвистела в дюйме от короткой седой бородки генерала. Лу рассмеялся, прищипорил серого коня и устремился в погоню за несчастным, посмевавшимся покуситься на его жизнь. Португалец отчаянно пытался спастись, но Лу легко догнал его и рассек ему спину ударом палаша. Раненый упал, корчась от боли и крича.

– Оставь его! – крикнул Лу французскому пехотинцу, собиравшемуся прикончить касадора и тем самым избавить от мучений. – Пусть умирает долго и страшно. Он это заслужил.

Немногочисленные португальские стрелки, оставшиеся на стене, открыли огонь, и Лу отъехал подальше.

– Драгуны! Спешиться!

Пусть пешие драгуны поохотятся на дерзких беглецов, решил генерал, пехота же тем временем разберется с Ирландской королевской ротой и стрелками, которые, похоже, нашли убежище в казармах.

Жаль, конечно. Лу надеялся, что авангард захватит Шарпа с его проклятой «саранчой» в арсенале и что к настоящему времени уже будут отомщены солдаты, убитые англичанином. Но нет, стрелок скрылся, и теперь его придется выкуривать, как лису из норы. Пытаясь определить, сколько у него осталось времени на штурм казарм, Лу наклонил циферблат часов так, чтобы на него упал свет луны.

– Месье! – послышался голос, и генерал закрыл крышку часов и спрыгнул с седла. – Месье!

Лу обернулся и увидел рассерженного узколицего португальца в сопровождении высокого французского капрала.

– Месье? – вежливо отозвался Лу.

– Меня зовут полковник Оливейра, и я должен заявить протест, месье! Мои люди сдаются, а ваши солдаты убивают их! Мы ваши пленные!

Лу достал из ташки сигару и наклонился к угасшему костру, чтобы найти уголек и прикурить.

– Хорошие солдаты не сдаются – они просто умирают.

– Но мы сдаемся, – с горечью признал Оливейра. – Возьмите мою саблю.

Лу выпрямился, затянулся сигарой и кивнул капралу:

– Отпусти его, Жан.

Оливейра стряхнул державшую его руку капрала.

– Я выражаю протест, месье, – повторил он сердито. – Ваши солдаты убивают людей, которые подняли руки.

Лу пожал плечами:

– На войне случаются ужасные вещи, полковник. А теперь дайте мне вашу саблю.

Оливейра вынул саблю из ножен и протянул ее суровому драгуну эфесом вперед.

– Я ваш пленный, месье, – сказал он голосом, хриплым от стыда и гнева.

– Вы слышите! – прокричал Лу так, чтобы слышали все его люди. – Они сдались! Они наши пленные! Видите? У меня сабля их полковника! – Он взял у Оливейры саблю и помахал ею в дымном воздухе. Военный этикет требовал, чтобы оружие было отдано побежденному противнику под честное слово, но вместо этого Лу разглядывал клинок, словно оценивая его. – Неплохое оружие, – неохотно признал он и посмотрел Оливейре в глаза. – Где ваши знамена, полковник?

– Мы уничтожили их, – с вызовом ответил Оливейра. – Сожгли.

Клинок блеснул серебром в лунном свете, и черная кровь потекла из раны на лице Оливейры – сталь рассекла левый глаз и нос.

– Я вам не верю. – Лу выдержал паузу, дав потрясенному полковнику прийти в себя. – Где ваши знамена, полковник? – повторил он.

– Подите к черту! – прохрипел португалец. – Вы и ваша мерзкая страна. – Одной рукой он зажал кровоточащий глаз.

Лу бросил саблю капралу:

– Узнай, где знамена, Жан, потом убей глупца. Режь, если не захочет говорить. Человек обычно распускает язык, чтобы сохранить в целости яйца. И вы все! – прокричал он своим людям, наблюдавшим за сценой. – Тут вам не праздник урожая, черт возьми! Это бой. Так что вперед, за работу! Убейте каналий!

Со всех сторон снова донеслись крики. Лу затянулся сигарой, отряхнул руки и направился к казармам.

Вдалеке завывали собаки доньи Хуаниты. От их воя снова заплакали дети, но стоило Шарпу оглянуться, как матери поспешили унять младенцев. Послышалось ржание. Через смотровую щель Шарп видел, как французы уводят захваченных у португальских офицеров лошадей. Лошадей ирландцев, должно быть, уже увели. В казарме было тихо. Большинство французов рыскали по форту, преследуя португальцев, но немало пехотинцев осталось возле построек с оказавшимися в ловушке людьми. Время от времени в каменную стену ударяла мушкетная пуля, напоминая, что французы держат на прицеле каждую забаррикадированную дверь, каждое заложенное окно.

– Эти сволочи захватят бедного старика, – сказал Хэгмен. – Не представляю, как генерал будет выживать на пайке пленного.

– Рансимен – офицер, Дэн, – возразил Купер, выставивший в амбразуру винтовку и высматривавший цель. – Ему не придется выживать на пайке. Даст честное слово и будет кормиться тем же, что и лягушатники. Еще и растолстеет. Есть, поймал! – Он выстрелил и отошел от окна, уступив место другому солдату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.